

СИБИРСКИИ СБОРНИК

Выпуск 7

СИБИРСКИИ СБОРНИК

Выпуск 7

**Российская академия наук
Уральское отделение Российской академии наук
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН**

СИБИРСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 7

Екатеринбург, 2022

ББК 63.4(253):63.3
УДК 902(092):94(571=512.1)
С34

Главный редактор:
к.и.н. Тычинских З. А.

Редколлегия:
Турова Н. П., Загваздин Е. П., Данилов П. Г., к.и.н. Адамов А. А.

Рецензенты:
Д. М. Исхаков, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Туган жир» / «Родной край»; В. П. Ключева, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИПОС СО РАН, Тюмень; С. Р. Муратова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и методик преподавания ТПИ имени Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета

Сибирский сборник: Вып.7 / под ред. З.А. Тычинских. - Екатеринбург: УрО РАН, 2022. - 170 с.

В сборнике представлены статьи исследователей из Москвы, Казани, Уфы, Бишкека, Тюмени, Тобольска по различным проблемам истории, археологии, этнологии и лингвистики, в той или иной степени связанным с сибирской тюркологией. Ряд статей посвящен юбилею известного отечественного археолога, доктора исторических наук Владислава Александровича Могильникова (1932–2002). Также в выпуске присутствуют статьи, сюжеты которых посвящены истории г.Тобольска.

Книга предназначена для историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей Западной Сибири.

ISBN 978-5-7691-2557-7

© УрО РАН, 2022
© Авторы, 2022
© ТКНС УрО РАН, 2022

Оглавление

От редактора 5

Раздел 1

Могильников Владислав Александрович – ученый, учитель, коллега

Мельников Б. В. ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ 6

Гриценко В. Н. ПАМЯТЬ О СВЕТЛОМ 10

Жук А. В. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СИБИРИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЛАДИСЛАВА АЛЕКСАНДРОВИЧА
МОГИЛЬНИКОВА 11

Кызласов И. Л. ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОГИЛЬНИКОВ: ПЛОДЫ
ОДНОЙ РАЗВЕДКИ 19

Данченко Е. М. ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ 29

Раздел 2

Проблемы истории, археологии, этнологии и лингвистики

Адамов А. А. МЕДАЛЬОНЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКА ИЗ
ТОБОЛЬСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ 37

Акерев Т. А. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КЛАНА ТАЙБУГА 48

Волков В. Г. МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА И ПЕРВЫЕ МЕЧЕТИ В ТОМСКЕ
(XVII-XIX ВВ.) 65

Вртанесян Г. С. ТРАДИЦИОННЫЕ КАЛЕНДАРИ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ ПО МАТЕРИАЛАМ XVIII–XXI ВЕКОВ (КЕТЫ, ОБСКИЕ УГРЫ,
САМОДИЙЦЫ): ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ 71

Исхаков Д. М. ОБРАЗЫ ТАИНСТВЕННЫХ ПТИЦ В ТЮРКО-ТАТАРСКИХ
ДАСТАНАХ «ТУЛЯК И СУСЫЛУ» И «ИДЕГЕЙ»: В ПОИСКАХ ИСХОДНОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО И СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ 105

Сурметова Л. Р. О ТРУДЕ Ф.Ю. ЮСУПОВА «АНТОЛОГИЯ ФОЛЬКЛОРА
СИБИРСКИХ ТАТАР» 118

Татарникова А. И. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 125

Тычинских З. А. ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР ТОБОЛЬСКОЙ
ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. 131

Ярков А. П. ЯСАКЛЫ ИЗ МУСУЛЬМАН..... 138

Раздел 3

Страницы истории Тобольска

Васильева В. С. ТОБОЛЬСКАЯ БИОФАБРИКА НА СТРАЖЕ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР 141

Журавлева Н. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОБОЛЬСКОЙ ОКРУЖНОЙ
ПЕРЕПИСНОЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ ПЕРВОЙ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г. ПО МАТЕРИАЛАМ
ГБУТО ГА В Г. ТОБОЛЬСКЕ..... 149

Юзеева О. А. ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ЛЕОНИДОВИЧА КОНЬКОВА..... 162

От редактора

Предлагаемый сборник посвящен юбилею известного археолога, доктора исторических наук Владислава Александровича Могильникова (1932–2002), внесшего значительный вклад в урало-сибирскую и алтайскую археологию.

Владислав Александрович родился 28 июля 1932 года в городе Чердынь Пермской области. Ещё в студенческие годы, будучи учеником Валерия Николаевича Чернецова, Владислав Александрович увлекся археологией. После окончания в 1956 году с отличием историко-филологического факультета Молотовского государственного университета имени А. М. Горького он работает по полученной специальности. В течение ряда лет Владислав Александрович провел широкие полевые исследования в качестве начальника Иртышского отряда (1966–1970), Алейской (1971–1977), Сибирско-Среднеазиатской (1978–1979) и Алтайской археологических экспедиций памятников в Западной Сибири и на Алтае. Им были открыты и исследованы многие десятки поселений и курганных могильников на Урале, Алтае, в Сибири и Казахстане.

В 1964 году в Москве в Институте археологии АН СССР В. А. Могильников защитил диссертацию «Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н. э.» на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

С 1965 года В. А. Могильников работал в Институте археологии РАН.

В 1991 году защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук по теме «Этнокультурная история Западной Сибири в средние века».

Владислав Александрович является автором более 200 научных работ, среди которых 6 монографий. Важное место в его исследованиях отводилось этнической истории тюркских народов Западной Сибири.

В. А. Могильников принимал участие в работе всесоюзных, всероссийских и международных научных конференций. Читал лекции в Тобольском, Омском и Горно-Алтайском педагогических институтах.

Первая часть сборника содержит воспоминания и статьи учеников и коллег В. А. Могильникова. Во второй части представлены статьи по различным проблемам истории, археологии, этнологии и лингвистики, в той или иной степени связанных с сибирской тюркологией. В целом, этот выпуск продолжает традицию «Сибирских сборников», издаваемых с 2011 г.

Зайтуна Тычинских

Раздел 1

Могильников Владислав Александрович - ученый, учитель, коллега

УДК 902(092)

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Б. В. Мельников

Россия, г. Омск, ООО «Центр археологических исследований»

Статья омского историка, археолога Б. В. Мельникова посвящена памяти известного советского российского археолога В. А. Могильникова (1932–2002). Автор вспоминает о Могильникове не только как об ученом, но и как о человеке. Автор провел в экспедициях Могильникова несколько полевых сезонов и считает его своим первым учителем.

Ключевые слова: Владислав Могильников, археология, ученый, экспедиция, Сибирь, Омск, Алтай, характер, учитель, Борис Мельников.

MY FIRST TEACHER

An article by the Omsk historian, archaeologist BV Melnikov Dedicated to the memory of the famous Soviet Russian archaeologist V.A. Mogilnikov (1932–2002). The author recalls Mogilnikov not only as a scientist, but also as a person. The author spent several field seasons on Mogilnikov's expeditions and considers him his first teacher.

Keywords: Vladislav Mogilnikov, archeology, scientist, expedition, Siberia, Omsk, Altai, character, teacher, Boris Melnikov.

Сентябрь 1976 года. Мне, студенту, только зачисленному на первый курс исторического факультета Омского государственного университета, несказанно повезло. Сбылась моя детская мечта. Я еду в археологическую экспедицию. Археологом я решил стать с первого класса, когда моя старшая сестра вернулась из археологической экспедиции, которую проводили в Прииртышье свердловские археологи. В те годы школьники активно привлекались к работе в экспедициях, зачастую были основной рабочей силой.

Я со своими однокурсниками плыл на теплоходе «Ракета» по Иртышу. По дороге мы узнали, что будем работать в экспедиции Института Археологии АН СССР, на раскопках древних курганов, а руководителем будет кандидат исторических наук с говорящей фамилией Могильников. В моём воображении рисовался мужественный человек с бородой, трубкой, атлетического телосложения... Высадились мы у пристани деревни Богдановка Горьковского района Омской области. На вы-

соком берегу у машины ГАЗ-66 нас ожидало двое мужчин. Один из них был лет тридцати пяти, с бородой и трубкой в зубах (впоследствии выяснилось, что это был Андрей Куйбышев), а второй, скромно стоящий в стороне, был постарше – среднего роста, полноватый, в очках с толстыми линзами, в клетчатой рубашке изпод которой виднелась выгоревшая майка и в широких «энцефалитных» штанах с оттопыренными карманами. Это и был Владислав Александрович Могильников.

Скромность и простота в жизни, некоторая застенчивость в общении всегда была отличительной чертой этого удивительного человека. Он не мешал нам насладиться первым опытом в установке палаток, устройством быта. Посмотрев внимательно на результаты наших трудов, сказал мне своим характерным окающим говором: «Палатки то окопайте... соломы девчонкам натаскайте, а то простынут...». В свой первый рабочий день мне несказанно повезло! На расчистке ограбленного захоронения саргатской культуры я обнаружил два серебряных фалара и массивную серебряную пряжку с позолотой. Заметив мой интерес, Владислав Александрович стал поручать мне более ответственные задания. Советы он давал краткие, по сути предмета, но всегда предельно понятные. Иногда сопровождал их юмористическими замечаниями, что в трудных экспедиционных условиях всегда понимало настроение. Так, например, посмотрев на расчищенное мной ограбленное захоронение, сказал с улыбкой – «суповой набор». Находки в моей первой экспедиции были интересные, атмосфера была рабочая, спокойная, доброжелательная. Владислав Александрович был эмоционально сдержанным человеком. Даже когда по вине водителя наша машина перевернулась во время экспедиции в Горном Алтае и Могильников сломал руку, он только негромко что-то бурчал себе под нос. Он руководил достаточно крупными археологическими отрядами и ситуации бывали порой сложные и конфликтные. Разрешал их достаточно спокойно, старался относиться к проблемам рационально, дисциплина в экспедиции поддерживалась ненавязчиво, даже можно сказать деликатно. По вечерам «молодежь» собиралась у костра, разговаривали, пели песни и чего греха таить, выпивали. Разговоры становились громче, песни веселее... Часто посиделки заканчивались глубокой ночью. Через некоторое время, во время завтрака Могильников негромко сказал ни к кому, конкретно, не обращаясь: «...пора заканчивать эти ваши посиделки...», а после мхатовской паузы добавил «...на территории лагеря». Намек был понят и посиделки перенесли подальше, чтобы никому не мешать. Сам Могильников к спиртному относился спокойно. Если и выпивал, то совсем немного.

Он отличался внимательным отношением к людям, прекрасным чувством юмора, интеллигентностью. Мог поддерживать розыгрыши, которые бывали часто в экспедициях. Так, на раскопках кургана Богочановской культуры раннего железного века на севере Омской области мы с товарищем подложили девчонкам студенткам, работающим на расчистке захоронения, костяной гребешок, купленный в местном сельпо за 23 копейки, предварительно затерев и разломав его. Обрадованные студентки, которым мы «восторженно» заявили об уникальности находки, якобы происходящей из Египта и навеки прославившей их имена, побежали в лагерь и привели Могильникова. Тот мельком посмотрел на «находку», ухмыльнулся, покосился на нас и буркнул: «Не типично..., не типично... продолжайте», еще раз улыбнулся и ушел.

Он был достаточно закрытым человеком, но при этом вокруг него всегда были люди. Его экспедиции были каким-то центром притяжения для многих его коллег, учеников, и просто интересных людей, которые приезжали к нему через всю страну семьями, отправляли к нему своих детей, друзей. Его команда, его коллеги, с которыми мне посчастливилось познакомиться и в дальнейшем подружиться (Павел Черносивтов, Андрей Куйбышев) – это настоящие профессионалы своего дела. Мне посчастливилось в экспедициях Могильникова встретить команду единомышленников, которая собралась вокруг него без особых видимых с его стороны усилий. Благодаря этим людям я и многие другие учились своей профессии. Он работал широко, с памятниками разных эпох и в разных регионах. Обобщения в его статьях, как правило, выходили за пределы заявленной темы. У него была прекрасная память топографическая, на находки, на людей. Спустя много лет прекрасно помнил имена, фамилии многих студентов, которые были у него в экспедиции. Не просто помнил, а давал им точные характеристики. При своем плохом зрении подмечал удивительно мелкие детали. При его немногословности, иногда удавалось послушать его практически лекции в ответ на чей-то вопрос. Глубокие, содержательные. У него была одна страсть – археология, которой он отдавал всю свою жизнь.

Он был очень органичен в полевых условиях. Был прекрасно осведомлен в особенностях рыбалки, охоты в разных регионах. Прекрасно разбирался в травах. Своими знаниями охотно делился. Помогал адаптироваться к полевым условиям своими короткими подсказками. Например, как делать травяные стельки для сапог. Не гнушался простой работой – развести костер, нарубить дров, помочь водителю машины в ремонте. В быту был прост, практичен, бережлив. Сказывалось военное детство.

Вместе с Владиславом Александровичем мне удалось побывать и принять участие в разведках и раскопках памятников от неолита до позднего средневековья на огромной территории в Северном Казахстане, Курганской, Тюменской, Омской, Новосибирской областях, Хакасии, в степном и Горном Алтае. Такой широкий фронт работ позволял мне и другим участникам его экспедиций получить возможность существенно расширить и обогатить свой профессиональный кругозор. В экспедициях Могильникова я приобрел знания в области палеонтологии, остеологии и антропологии, научился работать с нивелиром и теодолитом. К слову сказать, эти приборы в экспедициях ОмГУ стали использовать только лет через десять. Эти экспедиции стали для меня и для многих других прекрасной полевой и научной школой. И создал эту школу настоящий Учитель – Владислав Александрович Могильников. Под его влиянием определилась тема моей дипломной работы, а потом и кандидатской диссертации, на которую он впоследствии написал отзыв. Как самые дорогие реликвии – подписанные его характерным стремительным, угловатым почерком пожелания на книгах и на автореферате его докторской диссертации. Уже двадцать лет его нет с нами, но его книги и статьи не лежат мертвым грузом в библиотеках. Они актуальны, интересны. Я уверен, что они еще много лет будут востребованы новыми поколениями российских археологов.

Рис. 1. В. А. Могильников и Б. В. Мельников на раскопках. Кулунда. 1984 г.

Рис. 2. В. А. Могильников и Б. В. Мельников. Конференция. Тобольск. 1997 г.

ПАМЯТЬ О СВЕТЛОМ

В. Н. Гриценко

Россия, г. Надым, ООО «Центр археологических исследований»

В сентябре 1976 года запомнились два исторических события: умер Мао Цзэдун, и мы познакомились с Владиславом Александровичем Могильниковым.

Мне, как и многим сокурсникам, тогда повезло. Вместо непереносимой для социализма студенческой работы на колхозных полях нам было предложено участие в археологической экспедиции. Впрочем, как я понял, с колхозным строем это, все-таки, связано было: социалистическому земледелию мешали курганы. Их-то и предстояло раскопать.

Осень стояла погожая, мы полны воодушевления, а археолог из Москвы – величина для вчерашних абитуриентов запредельная – оказался настолько скромным и прост, что лично у меня это вызвало даже удивление.

И, собственно говоря, именно с Могильникова началось наше знакомство с академической наукой. Очень практическое знакомство: лопата и кубометры грунта день за днём. Периодические разъяснения Владиславом Александровичем смысла происходящего. Но, наконец, раскопки завершились, Могильников уехал в столицу, а мы сели за парты, получив первый образ живого учёного.

Спустя почти два десятка лет работаю я на кафедре Тобольского пединститута. Государственная экзаменационная комиссия. Председателем её то ли второй, то ли третий раз – доктор исторических наук из Института археологии РАН В. А. Могильников. Те же сверхмощные очки, что и в 1976 году. Сам в неизменной голубенькой рубашке с коротким рукавом, чёрных брюках и сандалиях. Другой одежды мы на нём не видели ни разу.

Как он защищал студентов!!! Почти всегда не был согласен с большинством членов комиссии, настаивая на балле выше. Почти всегда. Разумеется, бескорыстно. И понятное дело, что выпускники его любили. А ещё на летних сессиях он читал лекции. А уж чего почитать ему было! Автор более двухсот научных работ, в том числе шести монографий! В общем, настоящий учёный. Непритязательный, бескорыстный, добрый человек.

Иногда шутил.

Иду по вечернему, тёплому, но пасмурному Тобольску. Навстречу по пустынному тротуару Могильников. Остановились.

- Здравствуйте, Владислав Александрович! Как дела?

Могильников повел взглядом по сторонам неопрятной улицы.

- Да вот... погода неважная... и успехов никаких.

Рассмеялись.

Прошло ещё более четверти века. Археологом я не стал, но так получилось, что отношение к сибирским археологам имею очень даже прямое. И могу заверить, что в их среде светлое имя Владислава Александровича поминается часто. И мною тоже.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЛАДИСЛАВА АЛЕКСАНДРОВИЧА МОГИЛЬНИКОВА

А. В. Жук

Россия, г. Омск, независимый исследователь

Статья посвящена памяти замечательного советского археолога, одного из классиков нашей науки Владислава Александровича Могильникова (1932–2002)

Ключевые слова: В. А. Могильников, история археологической науки, Западная Сибирь, история русского присутствия в Нижней Оби.

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE RUSSIAN POPULATION OF SIBERIA IN THE STUDIES OF VLADISLAV ALEXANDROVICH MOGILNIKOV

The article is dedicated to the memory of the outstanding Soviet archaeologist, one of the classics of our science Vladislav Alexandrovich Mogilnikov (1932-2002)

Keywords: V.A. Mogilnikov, the history of archaeological science, Western Siberia, the history of the Russian presence in the Lower Ob.

Время неумолимо. Еще совсем недавно мы отмечали близкие к столетию юбилеи наших классиков – тех, кто учился у корифеев XIX века, пришел в науку в 1920–1930-е годы, состоялся, как археолог-профессионал, к началу Великой Отечественной войны и заложил основы современных школ отечественной археологии. И вот, как-то незаметно подошел черед следующего поколения, по историографической инерции XX века можно сказать, *молодежи* – людей, которые пришли в советскую археологию уже по окончании войны, сформировались, как профессионалы, к излету Сталинской эпохи и стали учителями ныне благополучно здравствующих мэтров по части древностей.

Один из замечательнейших представителей этой генерации наших коллег – Владислав Александрович Могильников (28 июля 1932 г. – 14 декабря 2002 г.). Человек с судьбоносной, профессионально звучащей фамилией (на Руси такое бывает: фехтовальщик, заслуженный мастер спорта СССР В. А. Кровопусков, маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров, классик истории культуры пищи В. В. Похлебкин, классик отечественной одонтологии А. А. Зубов и т. д.), Владислав Александрович родился летом 1932 г. в Пермской земле, городе Чердынь.

Разумеется, не все, кому довелось родиться на Чердынщине, стали впоследствии замечательными археологами. Но согласимся, обратное верно: для археолога родиться и вырасти в такой исторической земле, как Чердынская – это хорошее, простое и основательное счастье по человечеству. Хорошо и правильно замеча-

тельному археологу состояться как личность на земле, замечательной своею историей!

Впрочем, археологическое счастье В. А. Могильникова по месту рождения – это еще не всё. Пермские вообще и чердынские, в частности, Могильниковы (не археологи) – особая страница нашей истории. Их много, род Могильниковых обильно и очень сложно разветвлен, широко разнесен по просторам не только Урала, но и Сибири (и, в частности, Могильниковы Пермской земли прослеживаются где-то века с XVII; т. е., надо понимать, их предки могли обитать здесь и до Смуты); они характерны, интересны. Могильниковы – воины, попы и монахи, разбойники, промысловики и торговцы, люди высоких степеней по Табели о Рангах и советские служащие, герои Великой Отечественной войны и репрессированные за антисоветскую агитацию... Пока я не могу с достаточной полнотой воспроизвести родословие Владислава Александровича; однако, материал для этого понемногу накапливается, ждет своего часа...

А вот по критерию возраста Владислав Александрович состоялся, как археолог, сравнительно поздно. Его учителя, Отто Николаевич Бадер (1903–1979) и Валерий Николаевич Чернецов (1905–1970), к 25-30-ти годам уже вполне сформировались как ученые-исследователи; а вот В. А. Могильников даже и на студенческую скамью (историко-филологический факультет Пермского университета) пришел лишь 19-ти лет от роду – где-то, очевидным образом, потеряв два года. Кстати, Пермь, по отношению к Чердыни – это самый настоящий юг...

В аспирантуру Института археологии АН СССР В. А. Могильников поступает, опять-таки, поздно, лишь в 1960 г.; а служба его в Институте археологии значится, соответственно, с 1965-го. Таким образом, свое присутствие в советской археологии (и, в частности, в археологии Сибири) В. А. Могильников достаточно четко обозначил лишь на четвертом десятке лет жизни (как сказал бы Данте – *Путь земной пройдя до половины...*). Правда, к этому времени Владислав Александрович уже накопил полноценный полуторо-десятилетний полевой стаж.

С другой стороны, научная школа, из которой Владислав Александрович вышел как археолог-профессионал – явление примечательнейшее. Первый по времени наставник В. А. Могильникова – Отто Николаевич Бадер. Владислав Александрович, его *однокорытники* и *однокорытницы* счастливо застали в Пермском университете курсы О. Н. Бадера по археологии, истории первобытного общества и этнографии. Отто Николаевич впервые вывез В. А. Могильникова летом 1952 г. в поле – на *бронзовые* стоянки по Чусовой и Галкинское городище. Позднее, в 1960-м г. он доверил Владиславу Александровичу завершить раскопки Турбинского могильника. И, наконец, именно О. Н. Бадер сориентировал Владислава Александровича на Сибирь и рекомендовал его в аспирантуру Института археологии АН СССР к В. Н. Чернецову.

Учителями же О. Н. Бадера были Василий Алексеевич Городцов (1860–1945) и Борис Сергеевич Жуков (1892–1938), а те, в свою очередь, вышли из школы Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923). Это, что называется, *московская* линия научной традиции В. А. Могильникова. А вот по линии *питерской*, которая, собственно, и вывела Владислава Александровича на проблематику древностей Сибири, он – ученик В. Н. Чернецова (в Московское Отделение Института истории

материальной культуры АН СССР Валерий Николаевич перейдет лишь накануне войны, в 1940-м г.). В Ленинграде же, по географическому факультету университета (1925–1930), Институту народов Севера (1930–1935) и Музею антропологии и этнографии АН СССР (Кунсткамере) (1935–1940) В. Н. Чернецов – ученик Льва Яковлевича Штернберга (1861–1927) и Владимира Германовича Богораз-Тана (1865–1936). Так что родословие В. А. Могильникова, как ученого, выстраивается не менее замечательно, нежели его родословие как человека...

Среди исследовательских направлений, которые формировали сферу научных интересов В. А. Могильникова, важное (хотя, внешне, довольно скромное) место занимает проблема раннего присутствия русских на Большой Земле и в бассейне Нижней Оби. Эту проблему Владислав Александрович рассматривал в широком контексте тех бурных, драматичных этно-культурных взаимодействий, что разворачивались в северной части Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н. э. Помимо соответствующих публикаций [6; 7; 8], Владислав Александрович апробировал заглавную тему, неоднократно выступая на конференциях различного уровня с докладами под такими названиями, как «*О контактах Северной Руси и Югры на памятниках Нижнего Обь-Иртышья в до-монгольский период*», и им подобными.

В 1991 г. В. А. Могильников опубликовал в сборнике, посвященном памяти Алексея Петровича Смирнова (1899–1974), карту «Находки вещей древнерусского производства и их местных копий в лесном Обь-Иртышье» [8, с. 105]. Как это нередко случается в нашей практике, карта в малоизвестном, неказистом по виду сборнике (да и тиражом всего лишь 299 экземпляров) оказалась заметно полнее аналогичной карты «Распространение предметов русского импорта XI–XIV вв. и местных подражаний» в представительской, официальной «Археологии СССР» 1987 г. [6, с. 215]. И действительно, на карте 1991 г., в отличие от карты 1987 г., учтено уже не полтора, а три десятка соответствующих памятников и местонахождений.

Распределяются эти объекты на просторах Нижней Оби следующим образом. Четыре группы памятников означены у В. А. Могильникова по Уралу, на «входе» в Западную Сибирь: 1) в верховьях р. Войкар, впадающей в Обь, 2) на Сыгве, впадающей в Сосьву, 3) по Лозьве (верховье Тавды), а также 4) на Средней Туре (приток Тобола). Массированно находки представлены также в Атлымском крае, в Сургутском Приобье и далее вверх по Иртышу вплоть до Тарской земли. Здесь археологические памятники, давшие свидетельства раннего русского присутствия, промеж устьев Ишима и Оши – это поселение и могильник Кипо-Кулары, а также могильники Кип, Аксеново, Усть-Ишим, Эбаргуль, Имшагал и Аргаиз. На особицу в этом колоритном материале стоит литейная мастерская в устье р. Таз и лежит каролингский меч на Средней Оми. Так что, ежели великодушно засчитать меч, то самая южная находка нужного нам разряда окажется даже не на кромке тайги, а посреди Барабинской степи.

Правда, этот замечательный меч найден был хотя и специалистами, в ходе экспедиции, но всё же вне слоя; а потому засчитать его сложно: вероятный спектр судьбы меча предельно широк. В самом лучшем случае он и вправду мог оказаться в Барабе тогда же, где-то в XII–XIII вв. Кстати, аналогичное происхождение

возможно и у скандинавской фибулы X в. из позолоченной бронзы, которая некогда скрепляла воинский плащ; фибулу эту подобрали где-то в окрестностях Обдорска [11, № 71]. А равно – и у другого оружия с памятников лесного Обь-Иртышья: меча X–XII вв., кольчужных доспехов, шлема, бармицы [8, с. 80], русского топора X–XII вв. с Барсовой Горы [13, с. 30, 39] и проч.

Впрочем, не только каролингский меч, но и другие *русские* находки на памятниках Западной Сибири X–XIII вв. имели, конечно же, различную судьбу. Начиная с того, что они могли непосредственно принадлежать русским поселенцам, и заканчивая тем, что они много раз переходили из рук в руки, и лишь в конце этой сложной цепочки оказывались на местных городищах, капищах и в могилах. Таковы железные топоры, ножи, кресала; таковы и украшения – перстни, браслеты, височные кольца, лунницы, фибулы, бубенчики, бусы [8, с. 77–85].

Но есть и находки, которые позволяют прямо говорить именно о *русском присутствии* в заглавном месте и в заглавное время. Это привозная и изготовленная на месте русская керамика; орнаментированные костяные игольники; инструментарий – сверло, резец и проч. от токарного станка; с большой степенью вероятности сюда могут быть отнесены железные замки и ключи [8, с. 85–87]. Особо заслуживают внимания в данном контексте остатки деревянной мостовой на городище Перегребное I, что в Атлымском крае, на правом берегу Оби [8, с. 87]: мостовые такого рода типичны, по своей конструкции, для древнерусских поселений. Очень важно, что весь вышеозначенный материал идет на памятниках не как отдельные находки, но системно, в достаточно красноречивых комплексах, и В. А. Могильников эти комплексы хорошо описал [8, с. 87].

То, что В. А. Могильников успел сделать в области истории раннего русского присутствия на севере Западной Сибири, дает возможность по-новому взглянуть как на давно и хорошо известные свидетельства письменных источников, так и на археологические изыскания коллег Владислава Александровича.

Всерьез всё началось, пожалуй, с этюда младшей сверстницы и однокурсницы В. А. Могильникова по Пермскому университету Валентины Дометьяновны Викторовой (р. 1933 г.), посвященного древностям лесного Зауралья X–XIII вв. [3]. Еще на рубеже 1950–1960-х гг. археологи Свердловска выявили, по ходу разведок в бассейнах Туры и Тавды, 26 памятников интересующего нас времени. Чуть позже, в 1961–1963 гг. на трех городищах и двух могильниках из числа этих памятников были проведены раскопки.

Здесь, среди прочего, оказались «вещи славянского происхождения. К ним относятся топоры, витые и пластинчатые браслеты, широкосрединные перстни, пастовые и стеклянные бусы, бляшки с растительным орнаментом, трехбусинные серьги. Сравнительно большой процент этих изделий на памятниках лесной полосы Зауралья свидетельствует об интенсивных торговых связях этого района с северными славянскими племенами» [3, с. 249].

Таким образом, *Зауральское поле* начала 1960-х гг. подтвердило мысль С. В. Бахрушина в его известной монографии 1927 г. [1] о том, что один из основных путей в Сибирь пролегал в стародавние времена через верховья Вишеры на Лозьву, а затем по Тавде, Тоболу и Иртышу на Обь. При этом С. В. Бахрушин опирался на более ранние (публикация 1903 г.) изыскания С. Ф. Платонова по документам

эпохи Смуты, т. е. начала XVII в. Правда, в своих выводах Сергей Владимирович был разумно осторожен: он определил искомые *стародавние времена* по возможности неопределенно – до XVI в. [1, с. 93–94]. Теперь же, благодаря материалу, который вышел из-под лопаты свердловских археологов, появилась возможность более четкой локализации этих *времен*, в пределах X–XIII вв.

Соответствующие находки продолжали поступать и в дальнейшем. К примеру, В. И. Семенова, раскопавшая в I-й половине 1980-х гг. в Сургутском Приобье могильник Усть-Балык, выделила среди комплекса XI в. вещи, «центр производства которых находился в Приладожье и Ярославском Поволжье» [10, с. 42]. Здесь же, на Усть-Балыке «с XII в. появляется русский импорт, который к середине II тыс. н. э. становится преобладающим» [68, с. 44].

Но – не только импорт. Очень интересный вариант необычного тельника с городища Уки-II (что на правом берегу Иртыша, близ устья Тобола) описал В. А. Могильников – «круглая тисненая бляха-подвеска из листовой меди с изображением креста, выбитым точками острым предметом. Такие бляхи служили характерным украшением обских угров X–XIII вв., но изображение креста здесь встречено впервые. По стилю оно отличается от литых нижеобских крестовидных подвесок и, не исключено, что символика креста на этой бляхе соотносится с привнесенной в Приобье русской христианской символикой» [8, с. 87, рис. 3, 4].

А вот русские летописцы домонгольской эпохи, в отличие от позднейших археологов, обращали преимущественное внимание на несколько иные исторические сюжеты. Первые известия о походах русских в Западную Сибирь, сохранившиеся в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, относятся к XI в. и датируются, соответственно, 1032, 1078 и 1096 гг. Старейшее из них отстоит менее, чем на полвека от крещения Руси.

Следует обратить внимание на откровенно будничным характер известий о Югорских походах новгородцев и ладожан. Летописец всякий раз ведет речь, с одной стороны, о событии государственного значения, но, вместе с тем – о событии обычном, никоим образом не исключительном походе, далеко не первом предприятии такого рода. Да и в самом деле, на фоне русско-скандинавских экспедиций рубежа I–II тысячелетий, выход в район устья Оби никак не может выглядеть чем-то особенным. Северяне той эпохи энергично осваивают путь *из варяг в греки*, побережья Понтиды и Восточного Средиземноморья; они ходят кругом Скандинавии (долгое время вообще считалось, что Скандинавия – это остров), добираются до Британии, Бискайского залива, Исландии, до Гренландии, Лабрадора и Ньюфаундленда.

В таком контексте откровенным подвигом было бы, пожалуй, уйти куда-нибудь за Таймыр; а вот достичь низовий Оби, или даже Енисея – это, скорее, норма; пусть героическая, требующая действительно серьезных усилий, но все-таки, для того времени, норма.

Внешний аспект этих событий лапидарно подытожил в середине 1920-х гг. один из наших специалистов по Северному Морскому Пути. «В Новгородских преданиях можно вычитать, что новгородцы уже в XI столетии ходили до Карского моря, из чего, если это верно, можно заключить, что в плаваниях их заключалась определенная торговая цель, которая могла вести их только к устьям Оби и

Енисея, ибо никакого иного места они не могли искать через Карское море» [2, с. 192]. С несколько иным акцентом, но столь же скромно сделал это и Н. М. Карамзин: «Россияне в XI веке уже бывали за хребтом гор Уральских» [4, II, прим. 64].

Начало следующего, XII века, отмечено в русских летописях еще одним примечательным известием. Преподобный Нестор Летописец в 1114 г. посещает Ладугу и, в числе прочего, воспроизводит сведения ладожан об их странствиях на протяжении нескольких поколений *на полуночных странах, за Югру и за Самоядь*.

Вскоре, однако, Нестор умирает и очередное, дошедшее до нас летописное известие о рейде новгородцев в Югорскую землю, относится уже к самому концу XII века, а именно – к 1193–1194 гг. С этим походом мог быть как-то связан византийский серебряный позолоченный потир XII в. с процарапанной на дне снаружи русской надписью того же времени: «В ПОЛЬ ЧЕТВЬРЬТА ДЕСЯТЕ ГРИВЬНЪ» [8, с. 85; 11, № 67; 12, с. 270–272]. На этот потир, найденный где-то под Березовом в середине XIX в., обращали внимание и А. А. Спицын, и В. А. Могильников.

Говоря о письменных источниках по ранним русским походам на север Западной Сибири и в его окрестности, приходится констатировать, что это, собственно, всё. «С конца XII столетия до первой четверти XIV в. в летописях нет известий о походах новгородцев в Югорскую землю» [9, с. 440]; ситуация несколько оживет лишь в эпоху преподобного Сергия Радонежского, с 1323 г. Правда, в договорных грамотах того времени Югорская земля постоянно означает как волость Великого Новгорода. Другими словами, несмотря на исчезновение соответствующего материала со страниц летописей, пределы Новгородской земли продолжали реально распространяться до Нижней Оби включительно.

Выводы свои по столь важной проблеме В. А. Могильников сформулировал осторожно. Так, он признает «вероятность проживания отдельных представителей или небольших групп русских людей в среде аборигенов Нижнего Обь-Иртышья с XII–XIII вв.» [8, с. 87]. И чуть ниже: «проникавшие в среду обско-угорского населения и селившиеся вместе с ним выходцы из Древней Руси, вероятно, организовывали здесь торговые фактории» [8, с. 87]. Что особо примечательно, «двигавшиеся через Вычегду и Печору русские начинают селиться раньше в Нижнем Обь-Иртышье, чем в Верхнем Прикамье, о чем свидетельствует бóльшая древность зауральских находок русской керамики в сравнении с прикамскими» [8, с. 89].

Здесь можно добавить, что следствием раннего русского присутствия в Югорской земле было не только «установление торговых отношений» [8, с. 87], но и начало просвещения ее.

Следует подчеркнуть, что разработанная В. А. Могильниковым хронология *русских* памятников на севере Западной Сибири, в общем, коррелируется с той событийной динамикой, которую мы видим в письменных источниках. А именно, основная масса русских *следов и остатков* на археологических памятниках датируется XI–XIII вв.; со второй половины XIII в. их количество заметно уменьшается, хотя они и не исчезают совсем. Показательно в этом отношении городище Уки-II; здесь вполне красноречивым комплексом идет русская керамика XIII–XIV вв., железные кресала XIII–XV вв., ножи, украшения, игольник, а также идентич-

ные новгородским железные сверло, резец от токарного станка, накладка от запора шкатулки, пробой, скобы. Не лишне присовокупить сюда и упомянутый выше медный тельник с этого же памятника [8, с. 77–78, 87].

Так что, «судя по набору вещей, наиболее активные контакты населения севера Западной Сибири с древнерусскими землями приходятся на XII – первую половину XIII вв., т. е. на предмонгольское время» [7, с. 69]. И, как следствие, дальнейшая «судьба первых русских поселенцев в лесном Обь-Иртыше остается пока неизвестной. Их малочисленность и проживание на одних поселках с местным населением привели к тому, что они, по-видимому, в основном смешались с аборигенами. В то же время, начавшееся в начале II тысячелетия, еще в домонгольское время, проникновение русских в Югру и контакты последующего периода обусловили первоначальное знакомство русских людей с Сибирью и начало освоения ими этого края» [8, с. 89].

Основная причина снижения интенсивности русского наступления на север Западной Сибири, скорее всего – в глобальном ужесточении климата; не случайно применительно к XIV в. в нашем полушарии говорят о начале *малого ледникового периода* [14]. Хрестоматийный пример – известная история о том, как в XIV–XV вв. погибли, не выдержав долгой жизни в окружении аборигенов и наступления ледникового щита, норвежские колонисты в Гренландии [5, с. 23].

Разумеется, в Югорской земле всё было далеко не так трагично; но вот дорога сюда действительно стала многократно труднее. Во всяком случае, с XIII–го века потомки викингов прочно забывают о морских путешествиях в русскую Арктику. Заново открывать Север им придется, начиная с XVI века, в уже кардинально изменившихся как природном, так и историко-культурном контекстах.

Ну и, конечно же, постоянно действующим фактором для Новгорода станет угроза с Запада. Достаточно вспомнить, что время с середины XII в. по середину XIV в. – это эпоха шведско-германских крестовых походов на православную Русь. Так что, по совокупности резонов, Югорская земля где-то с XIII века отходит для новгородцев на второй план.

Дальнейшее развитие разбираемой темы, т. е. развитие ее глубже, чем это сделал В. А. Могильников, возможно лишь посредством расширения источниковой базы, собственно – за счет археологической составляющей. Рассчитывать на открытие новых, сколько-нибудь значимых письменных источников в этой области уже не приходится; источники же этнографические, сколь бы сильное впечатление они ни производили, всегда будут иметь в данной проблематике, по определению, лишь косвенное значение. Так что, применительно к истории раннего русского присутствия на Нижней Оби, очень даже уместна перифраза одного замечательного художника XX века: *археолог – копай!*

Список источников и литературы

1. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. М.: Наука, 1955. С. 13–160.
2. Васильев В. Н. Северный Морской путь (краткий исторический очерк) //

- Сибирские Огни. Новониколаевск, 1924. № 5, ноябрь-декабрь С. 190–212.
3. Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н. э. // Ученые записки Пермского государственного университета. № 191. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV. Пермь, 1968. С. 240–256.
  4. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. I–XII. СПб., 1892.
  5. Косарев М. Ф. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири // Советская Археология. 1972. № 4. С. 19–27.
  6. Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Т. XVII. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
  7. Могильников В. А. Торгово-обменные контакты населения лесного Обь-Иртышья с соседями и Русью в X–XII вв. // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988. С. 64–73.
  8. Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н. э. // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука, 1991. С. 57–105.
  9. Оксенов А. В. Сношения Новгорода Великого с Югорской землей (историко-географический очерк по древнейшей истории Сибири) // Литературный сборник. Издание редакции «Восточного Обозрения» / Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / ред. Н. М. Ядринцев. СПб., 1885. С. 425–445.
  10. Семенова В. И. Импорт и местные подражания ему в контексте этнических связей нижнеобского населения (конец I – середина II тыс. н. э.) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Т. II. Новосибирск, 1995. С. 42–44.
  11. Сокровища Приобья. СПб.: Формика, 1996, 227 с.
  12. Спицын А. А. Из коллекций Императорского Эрмитажа. VIII. Две серебряные чаши // Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Императорского Русского Археологического Общества. Т. VIII. Вып. 1. СПб., 1906. С. 270–274.
  13. Чемякин Ю. П. Случайные находки на Барсовой Горе // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург – Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 28–43.
  14. Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки Географического Общества СССР. Т.16. М.-Л., 1957. С. 268–272.

ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОГИЛЬНИКОВ: ПЛОДЫ ОДНОЙ РАЗВЕДКИ

И. Л. Кызласов

Россия, г. Москва, Институт археологии РАН

В. А. Могильников в 1982 г. сохранил долины р. Аскиз с ее древними памятниками. В 1996 г. музейвед Л. П. Мылтыгашева создала там первый в России историко-ландшафтный музей-заповедник «Казановка».

Ключевые слова: спасательная археология, заповедники, музейное дело.

VLADISLAV ALEXANDROVICH MOGILNIKOV: THE FRUITS OF ONE INTELLIGENCE

V. A. Mogilnikov in 1982 preserved the valleys of the river. Askiz with its ancient monuments. In 1996, museologist L. P. Myltygasheva created the first in Russia historical and landscape museum-reserve Kazanovka.

Keywords: rescue archeology, nature reserves, museum work

Издавна путешественников и естествоиспытателей удивляли красоты природы и наполняющие ландшафт живописные древности Хакасии. Многие оставленные ими записи хорошо известны. Приведем здесь выписки из особенно вдохновенного, но мало известного «Письма к издателю “Отечественных Записок” П. П. Свиныну от издателя “Сибирского вестника” по случаю предпринимаемого первым путешествия по Сибири» [10, с. 19–36].

«Милостивый Государь, Павел Петрович! – писал Г. И. Спасский, выросший на идеалах эпохи Просвещения XVIII в. – <...> Если вы решитесь осмотреть верхние места Енисея или так называемую Сагайскую степь и достигнуть туда кратчайшим путем, то вам надобно будет из Барнаула ехать в Кузнецк. Сею дорогою Сагайская степь от Кузнецка только в 130 верстах, а через Томск в 1200 верстах. <...> после многих трудов и подвигов, светлые дубравы и перелески выведут вас на обширную Сагайскую степь. Видите ли, в правой стороне седые вершины, подпирающие лазуревый свод неба? Этот исполин – Сабинский хребет, стоящий на рубеже России и Китая, не верьте близости его: он вас обманывает. Вы не прежде недели можете достигнуть его высот путем труднейшим и опасным. Поезжайте на восток по сей улыбающейся долине, по раскинутым коврам зелени, испещренным цветами, лучше всякой индийской ткани. Она приведет вас в улусы сагайцев и бельтиров. Посмотрите, какую радость произвел приезд ваш между сими простодушными детьми природы, которые без всякой мзды ласково и приветливо встречают и провожают вас. <...> Вот и большие древние курганы с огромными каменными мавзолеями, простыми и грубо отделанными, как будто младенческой

рукою художника» (рис. 1).

Этим путем в 1982 г. проехал с Алтая в курганную Сагайскую степь и Владислав Александрович Могильников (1932–2002 гг.). Глубокий ученый, выдающийся знаток древностей безбрежной западносибирской тайги и лесостепи, степного и горного Алтая – от зари раннего железного века до развитого средневековья, – он, помимо крупных монографий, был способен в одиночку написать сибирские разделы в трех томах «Археологии СССР» [1; 3; 4] и, будучи неутомимым полевиком, многие годы возглавлять экспедиции на просторах сибирских новостроек.

В тот год он единственный раз провел в Хакасии археологическую разведку в долине реки Аскиз. Там, близ железной дороги, идущей на железные рудники Кузнецкого Алатау, Сибирское горнорудное производственное объединение «Сибруда» выдвинуло проект первой очереди строительства Аскизской обогатительно-агломерационной фабрики. Для «Определения мероприятий по обеспечению сохранности археологических памятников в зоне строительства Аскизской ОАФ» и был создан в ИА АН СССР Аскизский отряд В. А. Могильникова. Сам Владислав Александрович ранее не бывал на Среднем Енисее и, несмотря на богатый южносибирский опыт, был изумлен многочисленностью, монументальностью и величественной красотой здешних курганов (рис. 2). Помнится, как по завершению работ в Хакасии он не раз делился этим своим удивлением в стенах Института. Оно нашло выражение и в томе 6 официального заключения по обследованию зоны предполагаемого строительства: «Многие из этих памятников имеют поражающее впечатление монументальные каменные конструкции – ограды из крупных каменных плит, вертикально стоящие стелы и др.» [5, л. 19].

Вдоль реки и действующего железнодорожного полотна планировалось строительство производственных корпусов, перегрузочных узлов, складских помещений, подъездных авто- и железнодорожных путей, искусственного речного русловода, линии электропередач, а в прилегающей местности – шламонакопителя, пионерлагеря и профилактория. Согласно размаху строительства и приложенных к отчету 5 листам карт масштаба 1: 10000 и 1: 5000 археологу предстояло обследовать речную долину на протяжении 10 км и три урочища общей протяженностью километра в два. В результате на этих землях экспедицией было выявлено 369 археологических памятников: 197 курганов и 172 погребальных оградки, имевших высоту от 0,2–0,3 до 2 м при диаметре от 3–4 до 35 м [5, л. 5, 6]. Они составляли 44 курганные группы и могильника, а также располагались одиночно (рис. 2). Надо ли говорить, что для всех скоплений памятников были составлены и нанесены на карты планы, отдельной графической фиксации подверглась каждая наземная конструкция, схематичными прорисовками показаны бывшие на менгирах петроглифы. Определена культурная принадлежность и датировка каждого вида погребальных сооружений.

Проектировщикам были указаны характер и степень нарушения археологических памятников всеми семью разновидностями планируемых строительных работ, приведен перечень 35 могильников, попадающих под полное разрушение при возведении каждого из сооружений или трассы – всего 331 памятник [5, л.

7–10]. К этому числу были добавлены археологические объекты, уничтожаемые частично и подвергавшиеся угрозе повреждения при любом незначительном отклонении от плана строительных работ.

Согласно нормам Сектора новостроечных и хоздоговорных экспедиций ИА АН СССР того времени, выработанных многолетней практикой, продолжительность полевых работ, необходимых для научного исследования основной полосы строительства составила 775 дней, а для каждой из прилегающих зон, размещенных в урочищах, соответственно, еще 425, 180 и 210 дней. Эти данные были обоснованы таблицей с указанием срока археологических работ на каждом могильнике и курганной группе. Общее число рабочих дней составило 1590 [5, л. 14–17]. Нетрудно понять, что этот срок требует более 4 лет непрерывной ежедневной работы, а считая лишь летние сезоны по 4 сибирских месяца – полных 13 лет.

Подсчитанная стоимость таких стационарных экспедиционных исследований 369 археологических памятников долины Аскиза исходила из расценок февраля 1982 г., показанных для каждого отдельно взятого погребального объекта, и в целом составила 967 тысяч рублей [5, л. 11–17, 22–50]. Разумеется, поскольку «полная стоимость научного исследования всех археологических памятников в зонах строительства Аскизской ОАФ, оказывается весьма высокой», Институт археологии рекомендовал проведение ряда мероприятий по обеспечению сохранности древних объектов в полосе планируемого строительства. Эти пожелания можно свести к двум направлениям деятельности: исключение ряда могильников из проектируемых территорий промышленных и связанных с ними объектов, а также проведение полного научного исследования остальных памятников [5, л. 15–19]. Одновременно было указано, что «невьявленными остались древние поселения, которые в разведках обнаруживаются с большим трудом», а также грунтовые могильники, но те и другие «могут быть обнаружены в ходе разрушения их строительными работами» и, в случае этого, также должны быть изучены [5, л. 6, 10].

Вот такой оказалась археологическая картина довольно ограниченного участка долины реки Аскиза, внимательно обследованная небольшим разведывательным отрядом В. А. Могильникова. Сам исследователь в информационном издании ИА АН СССР уделил своим первым и единственным работам в Хакасии лишь малый абзац с одним единственным предложением, констатировав: «Разведками <...> в Хакасской а.о. выявлены разновременные памятники, главным образом тагарской культуры» [2, с. 223]. Однако значение этих работ оказалось куда как большим. Они выделили Институт археологии из среды подобных исследований.

Седьмого января 1983 г. главный инженер Сибирского филиала Государственного Союзного Института по проектированию предприятий горнорудной промышленности Министерства черной металлургии СССР Ю. В. Трефилов (г. Новокузнецк) с официальным письмом вернул экземпляр описанного выше тома, «взятый нашим институтом во временное пользование» (Личный архив автора). От проекта строительства Аскизской обогатительно-агломерационной фабрики Черметпроект решил отказаться.

Спасательные археологические работы основаны на понимании исследователями неповторимости каждого древнего объекта и, прежде всего, подразумевают

сохранение для науки той информации, которая может быть получена от навсегда пропадающих с нашей земли разрушаемых ныне памятников. Именно работы такой направленности упорно и широко проводятся археологическими экспедициями.

Иного добился Владислав Александрович Могильников и тем совершил великое дело – добротной проведенной разведкой он обосновал особое археологическое богатство впервые увиденной им речной долины и этим сохранил для будущих поколений сами изобилующие в ней древние памятники.

Пользуясь давним слогом Г. И. Спасского, прозвучавшем в начале очерка, следует рассказать здесь, какую радость произвел в дальнейшем приезд В. А. Могильникова «между сими простодушными детьми природы».

Девять лет спустя, в 1991 г., директором Хакасского республиканского (ныне национального) краеведческого музея в г. Абакане стала Людмила Петровна Мылтыгашева (1949–2009 гг.). Первый и поныне единственный профессиональный музейвед в истории Хакасии, центральным музеем, а значит, и всем музейным делом Республики, она руководила в самые сложные годы современности – с 1991 по 2000 г. И, действуя в одиночку, но, находя и привлекая неравнодушных и бескорыстных помощников, не только сохранила, но и развила и увеличила музейную сеть южносибирской республики.

В изменившихся социальных условиях широта специальных познаний директрисы Хакасского краеведческого музея привела ее к выработке совершенно новых, не существовавших до этого форм в музейном и заповедном деле. Так, именно ею была изобретена и обоснована идея музея одного экспоната ради сбережения почитаемого населением древнего изваяния Улуг Хуртуях Тас, позднее реализованная и ныне распространившаяся на иные древние скульптуры такого типа на севере и западе Хакасии [6; 8]. Именно у Людмилы Петровны родилась мысль слить воедино статуты природного и историко-культурного, архитектурно-этнографического заповедника, тем самым объединить заповедное и музейное дело. И уже к 1996 г. ей удалось добиться официального создания в долине р. Аскиз историко-ландшафтного музея-заповедника «Казановка» [7; 9].

В этой новой тогда для России форме было впервые осуществлено и вот уже более 25 лет существует единение двух типов заповедного дела, придавшее ему необходимую целостность и завершенность: первый был направлен на сохранение дикой, второй – культурно освоенной природы, исторического ландшафта. Более 18,4 тысяч гектаров этого заповедника, второго по размерам в стране, включают в себя первозданную горную тайгу и степные урочища, родниковые лога и прибрежные луга реки Аскыз. Вместе с тем, в его пределы включены крупные площади современных хозяйственных угодий. Создание историко-ландшафтного музея не нарушает традиционного землепользования и, в отличие от биологического заповедника, не влечет коренных изменений в жизненном укладе местного населения. Обитатели этих мест – хакасы-сагайцы, продолжают жить привычным образом, используя покосы и пашни, выпасы, места сбора грибов и ягод, речные переправы. Но хозяйственных новшеств, нарушающих сложившееся естественное и культурное своеобразие, в пределах охраняемых земель уже не будет. В тайге здесь запрещена охота. Традиционные жилища и постройки создают своеобразную эт-

нографическую экспозицию (рис. 3). Для специалистов по истории общества и экологии созданы возможности ретроспективного взгляда на целостный процесс обживания определенных мест человеком. В этом заключена принципиальная новизна этой формы музейного дела. Вне ее ныне не существует способа сохранения той среды, которая возникает в процессе крестьянского освоения окружающей поселение природы.

Разнообразие археологических памятников здесь просто удивительное. Обнаружение их все время продолжается: от малозаметных могильников эпохи бронзы до монументальных курганов раннего железного века (рис. 4) и петроглифов на их стелах, от наскальных рисунков XII–X вв. до н. э. и VIII–IV вв. до н.э., до этнографических шаманистских изображений (рис. 5), от установленных в долинах менгиров конца каменного века (рис. 6) до средневековой каменной крепости на горной вершине.

Исследуется духовный аспект освоения природы, а также мировоззренческие особенности восприятия местными жителями – горцами, степняками и таежниками – конкретного одушевляемого ими ландшафта: этой родовой горы и ее вершины (взорванной в эпоху борьбы с предрассудками) (рис. 7), реки и ее родниковых источников (рис. 8), всей долины, отмеченной почитаемым древним менгиром Ах Тас (Светлый, Чистый камень) (рис. 6).

Нет сомнения в том, что ясно выраженные широта профессионального подхода, глубина помыслов и практических целей, заложенных в идею заповедника «Казановка», опирается на ту реальную основу, которая была заложена трудами Аскизского отряда В. А. Могильникова. Только благодаря присущему ему высокому осознанию культурной значимости изученного исторического ландшафта, проведенному целенаправленному, тщательному и точному полевому археологическому обследованию и, предоставленным, в итоге, основательным научным доводам уцелела в Хакасии вся эта замечательная долина.

Поньше она не только удивляет и радует людской взгляд. Несложно понять, почему историко-ландшафтный музей-заповедник Казановка давно превратился в центр активной полевой работы археологов и языковедов-тюркологов, этнографов и фольклористов, биологов и охотоведов, ботаников и лесоводов.

Список источников и литературы

1. Могильников В. А. Тюрки; Кимаки; Сросткинская культура; Карлуки; Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII и XIII–XIV вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 29–46, 99, 100, 190–200, 240, рис. 16 (карта), 18–21, 23, 24, 25 (карта) –27, 70 (карта) –73.
2. Могильников В. А. Алтайская экспедиция // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 222–223.
3. Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163–235, 245–248, карты 30–43, табл. LXVII–CII.

4. Могильников В. А. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири (совместно с М. Г. Мошковой и Н. А. Боковенко); Хунну в Забайкалье; Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 151–160, 254–311, карты 15–20, табл. 105–128.
5. Могильников В. А. Отчет о мероприятиях по обеспечению сохранности археологических памятников в зоне строительства фабрики в Аскизском районе Хакасской АО в 1982 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 9063 (118 л.); 9063а (Альбом фото к разведке в зоне Аскизской ОАФ, 23 л.).
6. Мылтыгашева Л. П. Древние святыни Сибири в современном обществе (к постановке проблемы) // Этносы Сибири. Прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, Россия, 11–13 ноября 2004 г. / Отв. ред. Н. П. Макаров. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. Ч. 2. С. 184–190.
7. Мылтыгашева Л. П. Из опыта создания историко-ландшафтных музеев-заповедников Сибири (О новом уровне и назначении музейного дела) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Материалы Международного полевого семинара / Гл. ред. С. А. Абдыманапов. Астана: Евразийский нац. ун-т им. Л. Н. Гумилева, 2008. С. 101–107, вклейка, с. 14–16.
8. Мылтыгашева Л. П. Возрождение старой святыни. Изваяние Улуг Хуртуях Тас // Древности Сибири и Центральной Азии. Сборник научных трудов / Ред. В. И. Соёнов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009а. № 1–2 (13–14). С. 203–205.
9. Мылтыгашева Л. П. Историко-ландшафтный музей заповедник «Казановка» – дело новое // Древности Сибири и Центральной Азии. Сборник научных трудов / Ред. В. И. Соёнов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009б. № 1–2 (13–14). С. 200–203.
10. Сибирский вестник / Изд. Григорием Спасским. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. Деп. нар. просвещения, 1824. 250 с.

Рис. 1. Сагайская степь

Рис. 2. Хакасия. Курганы и могильники в долине реки Аскиз

Рис. 3. В долине р. Аскиз

Рис. 4. В долине р. Аскиз

Рис. 5. Наскальные рисунки. Долина р. Аскиз

Рис. 6. Менгир Ах Тас

Рис. 7. Историко-ландшафтный музей-заповедник «Казановка»

Рис. 8. Историко-ландшафтный музей-заповедник «Казановка»

Форма № 1
33

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт археологии
Москва, Дз. Ульянова, 19
27 мая 1966 г.

Действительно по 1 января 1969 г.

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ № 82

Выдан настоящий открытый лист Институту археологии Академии наук СССР _____
кандидату исторических наук
(Фамилия, имя, отчество)
МОГИЛЬНИКОВУ Владиславу Александровичу
на право производства археологических раскопок в бассейне р.Иртыш в пределах Омской области.

На основании открытого листа тов. МОГИЛЬНИКОВ В.А. _____
уполномочен производить топографическую съемку (планы, нивелировка), фотографирование и зарисовку древних стоянок, селищ, городищ, могильников, курганов, валов, старинных зданий и других древностей, а также производить любые земляные работы, связанные с изучением указанных древностей, руководствуясь при осуществлении этих работ и составлении отчетности существующими положениями.

Всем органам советской власти, государственным и общественным учреждениям и частным лицам надлежит оказывать всемирное содействие тов. МОГИЛЬНИКОВУ В.А. _____ в интересах науки к успешному выполнению возложенных на него поручений.

ОСНОВАНИЕ: Постановление Совета Министров СССР № 3868 от 14 октября 1948 г., пункт 4; Положение об охране памятников культуры, утвержденное Советом Министров СССР 14 октября 1948 г. §§ 24, 25, 26 (См. Сборник постановлений и распоряжений Совета Министров СССР № 6 от 26 ноября 1948 г.).

Передача права раскопок или раскопок по этому листу на имя другого лица воспрещается. Производитель археологических раскопок или раскопок обязан иметь этот открытый лист при себе и предъявлять его по требованию местных властей.

 Директор института
Заместитель Отдела
научных исследований
И.В. Могильников

2-й том. Изд. на «Наука». 1960—200

1953 г. — Камская археологическая экспедиция Молотовского гос. ун-та. Разведки в Еловском районе Молотовской области;

1954 г. — разведка по правому берегу Камы от Сайгатки до Сарапула,

1960 г. — Бойцовский отряд Воткинской археологической экспедиции ИА АН СССР. Раскопки стоянки Тюремка IV в Частином районе Пермского края.

1961, 1962, 1966—70, 1972—1974, 1976—78, 1980, 1981, 1988 гг. — Иртышский отряд Западно-Сибирской экспедиции, Алтайская экспедиция ИА АН СССР. Исследования в Среднем Прииртышье — разведки и раскопки памятников эпохи поздней бронзы, раннего железа и средневековья,

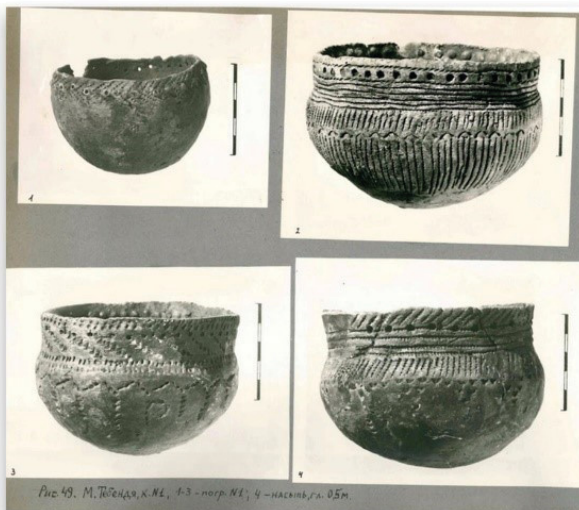
1971—76, 1980—89 гг. — Алейская археологическая экспедиция, Алейский отряд Алтайской экспедиции ИА АН СССР. Разведки и раскопки в Алтайском крае, Кулундинской степи.

1982 — 1983 гг. — разработка мероприятий по обеспечению сохранности археологических памятников в Аскизском районе Хакасской АССР;

1986 гг. — разработка мероприятий по обеспечению сохранности археологических памятников в зоне проектируемого канала Сибирь — Средняя Азия .

Всего в Архиве ИА РАН хранится 68 томов полевых отчетов В. А. Могильникова.

Материалы курганных могильников таежного Прииртышья: слева — Малая Тебендя (эпоха средневековья), справа — Окунево I (ранний железный век)

Погребения саргатской культуры раннего железного века

Рис. 5а. Горная Бития. к. №1, погр. №1.

Рис. 7. Горная Бития. к. №1, погр. №2.

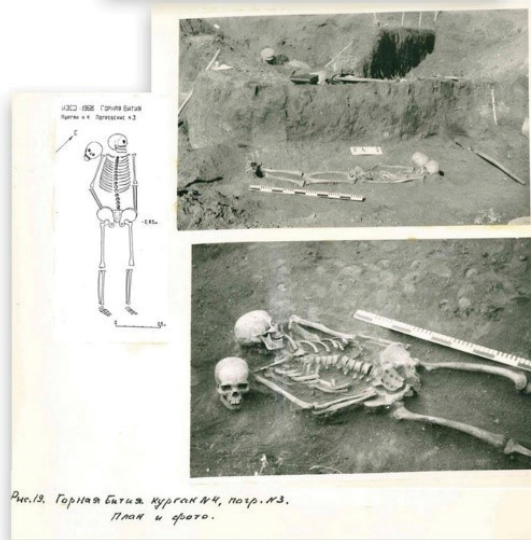

Рис. 13. Горная Бития. Курган №4, погр. №3.
План и фото.

Материалы эпохи раннего железа из лесостепного и таежного Прииртышья

Рис. 5. Богодановское городище.
1-4 - бронза, 2 - железо,
3 - кольцо

Рис. 52
Рис. 54, бронза.
Богдановки. Курган №1. Рис. 51 - погр. №7. Рис. 50, 52-54 - погр. №8.

Рис. 8. Богодановское
городище. Бронза.

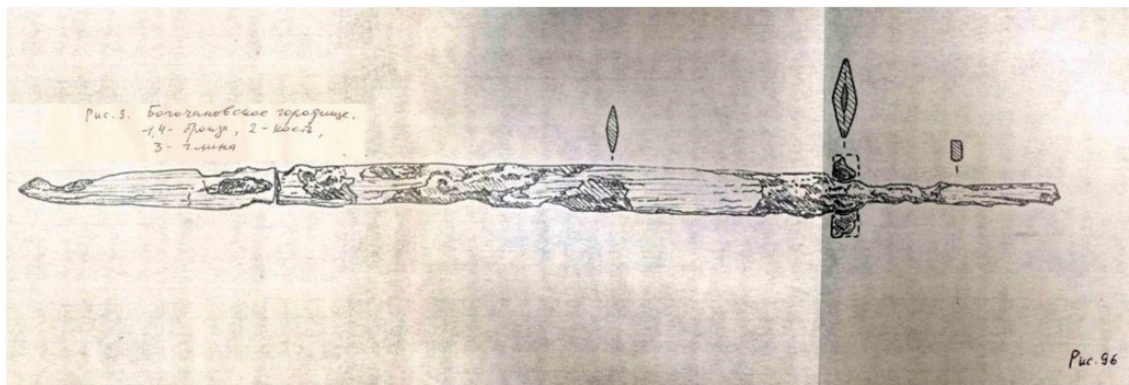

Рис. 9. Богодановское городище.
1-4 - бронза, 2 - железо,
3 - кольцо

Рис. 9б

Керамика и инвентарь саргатских погребений

Рис. 32. Саргатские курганы №1. Инвентарь погребения №1. 1-2-сосуды, 3-кашпач, 4-фрагменты глиняных шариков.

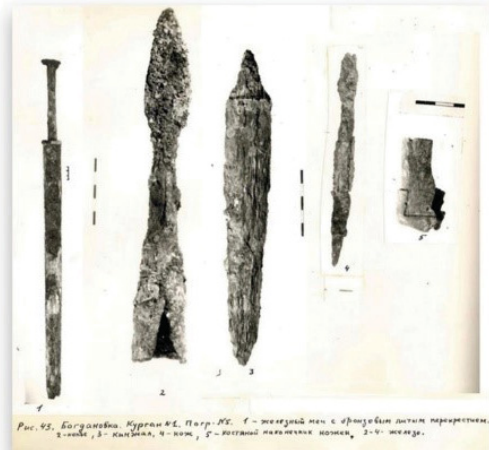

Рис. 33. Саргатские курганы №1. Инвентарь погребения №1. 1-железный меч с орнаментованным навершием, 2-копье, 3-копье, 4-копье, 5-железная наконечник копья, 6-копье.

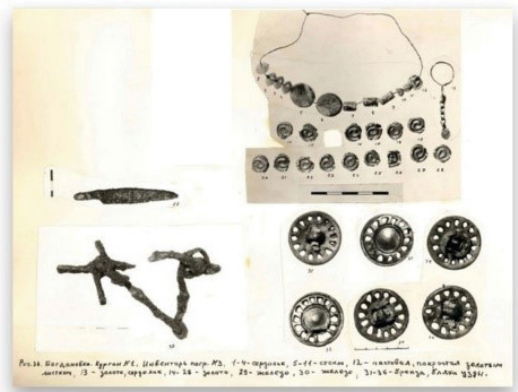

Рис. 34. Саргатские курганы №1. Инвентарь погребения №1. 1-железный меч с орнаментованным навершием, 2-железные шары, 3-железные шары, 4-железные шары, 5-железные шары, 6-железные шары, 7-железные шары, 8-железные шары, 9-железные шары, 10-железные шары, 11-железные шары, 12-железные шары, 13-железные шары, 14-железные шары, 15-железные шары, 16-железные шары, 17-железные шары, 18-железные шары, 19-железные шары, 20-железные шары, 21-железные шары, 22-железные шары, 23-железные шары, 24-железные шары, 25-железные шары, 26-железные шары, 27-железные шары, 28-железные шары, 29-железные шары, 30-железные шары, 31-железные шары, 32-железные шары, 33-железные шары, 34-железные шары, 35-железные шары, 36-железные шары, 37-железные шары, 38-железные шары, 39-железные шары, 40-железные шары, 41-железные шары, 42-железные шары, 43-железные шары, 44-железные шары, 45-железные шары, 46-железные шары, 47-железные шары, 48-железные шары, 49-железные шары, 50-железные шары, 51-железные шары, 52-железные шары, 53-железные шары, 54-железные шары, 55-железные шары, 56-железные шары, 57-железные шары, 58-железные шары, 59-железные шары, 60-железные шары, 61-железные шары, 62-железные шары, 63-железные шары, 64-железные шары, 65-железные шары, 66-железные шары, 67-железные шары, 68-железные шары, 69-железные шары, 70-железные шары, 71-железные шары, 72-железные шары, 73-железные шары, 74-железные шары, 75-железные шары, 76-железные шары, 77-железные шары, 78-железные шары, 79-железные шары, 80-железные шары, 81-железные шары, 82-железные шары, 83-железные шары, 84-железные шары, 85-железные шары, 86-железные шары, 87-железные шары, 88-железные шары, 89-железные шары, 90-железные шары, 91-железные шары, 92-железные шары, 93-железные шары, 94-железные шары, 95-железные шары, 96-железные шары, 97-железные шары, 98-железные шары, 99-железные шары, 100-железные шары.

Рис. 35. Саргатские курганы №1. Инвентарь погребения №1. 1-сосуд, 2-сосуд, 3-сосуд.

Ранний железный век Среднего Прииртышья: инвентарь саргатских курганов и керамика кулайской культуры (справа вверху)

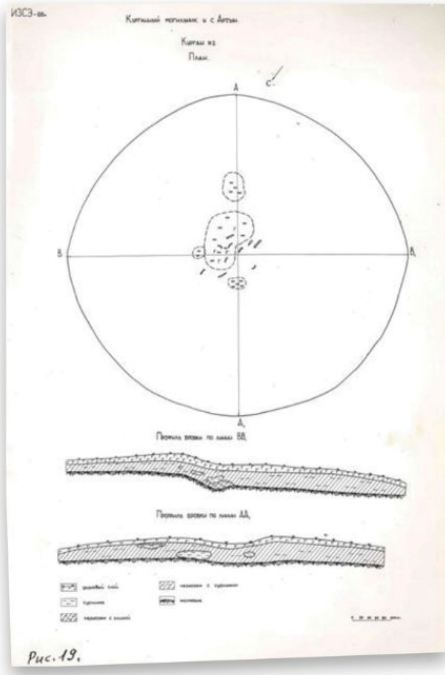

Рис. 19.

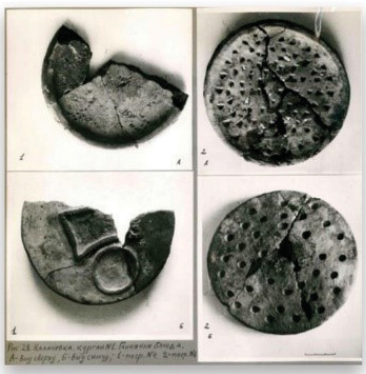

Рис. 20. Керамика кулайской культуры. 1-фрагмент чаши, 2-фрагмент чаши, 3-фрагмент чаши, 4-фрагмент чаши.

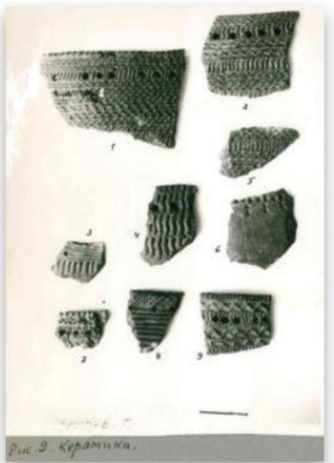

Рис. 21. Керамика.

Керамика и инвентарь погребений раннего железного века Алтая

Раскопки средневековых комплексов в Горном Алтае

Погребальные комплексы Горного Алтая

Рис. 25. Кара-Коба. Объект 81 в долине раскопки

Рис. 26. Кара-Коба. Объект 81. Каменные плиты

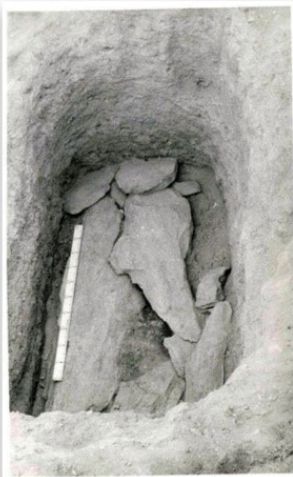

Рис. 27. Кара-Коба II. Курган: Периодические каменные плиты

Рис. 49. Кара-Коба. Курган 85. Расположение скелета

Инвентарь погребений эпохи раннего железа и средневековья у д. Кара-Коба в Онгудайском районе Алтайского края

Рис. 47. Кара-Коба I, 85. Пояс; металл с орнаментом, с остатками кожи

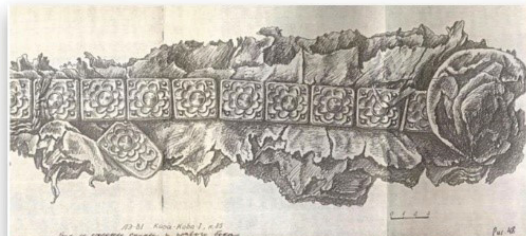

Рис. 48. Кара-Коба I, 85. Пояс; металл с орнаментом, с остатками кожи

Рис. 51. Кара-Коба. Курган 85. Фрагмент пояса с металлической створкой

Рис. 50. Кара-Коба. Курган I. Верхняя часть кошелька

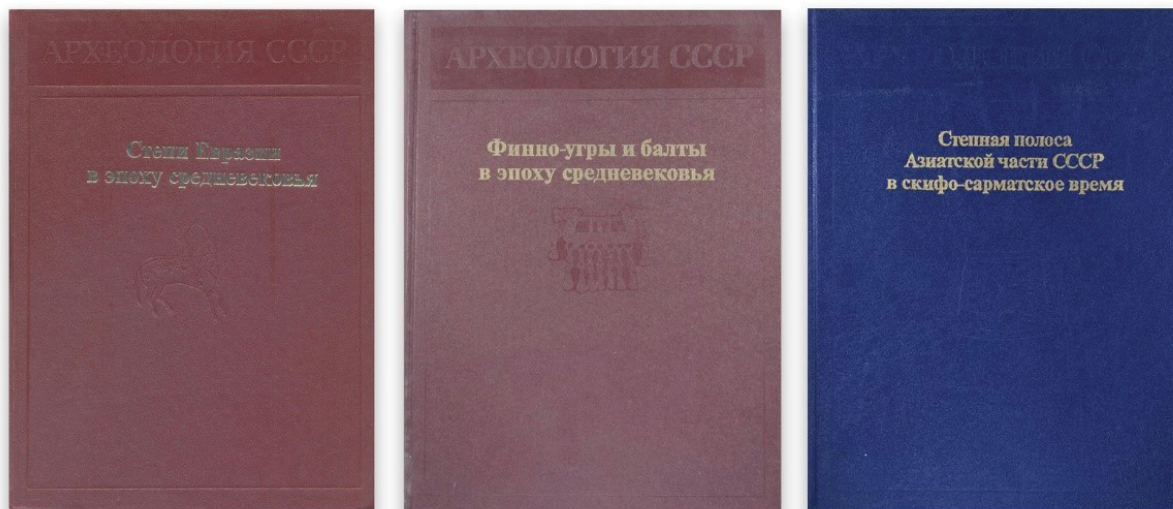
**Результаты полевых исследований В. А. Могильникова
обобщены в соответствующих разделах трех томов серии
«Археология СССР»:**

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981;

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987;

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Была также подготовлена рукопись для до сих пор неизданного тома,
посвященного раннему железному веку лесной полосы СССР.

Прижизненные монографии:

Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. М., 1997;

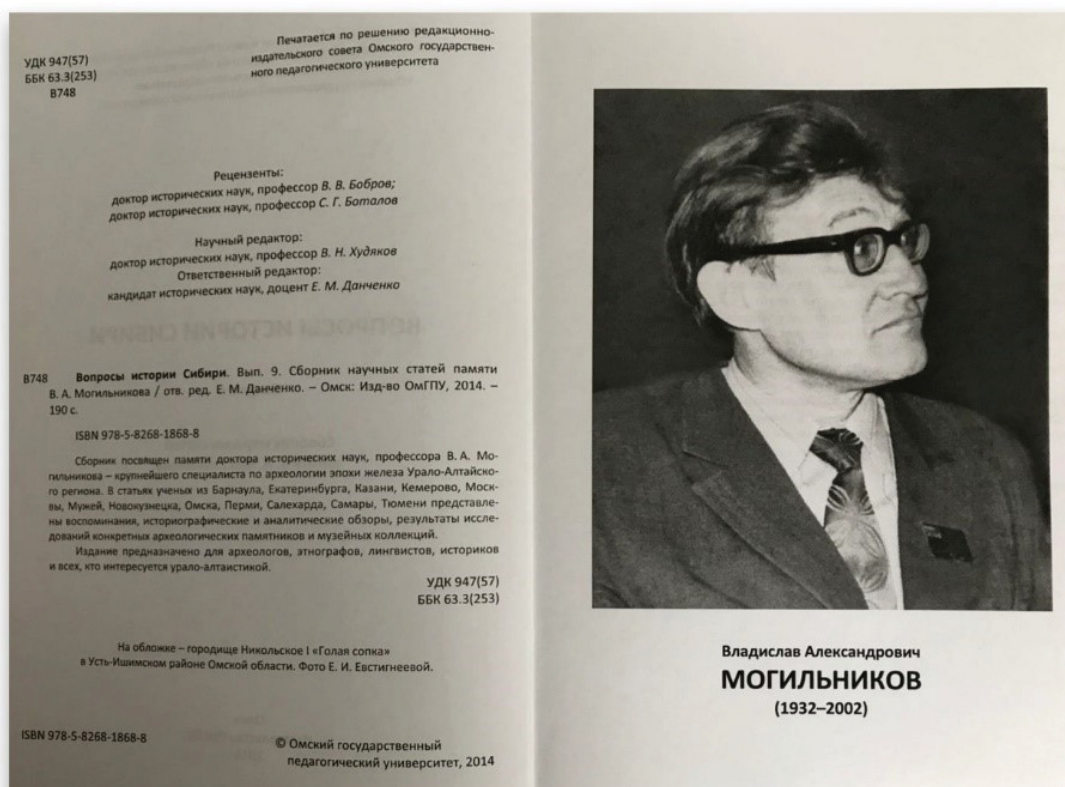
Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI вв. М., 2002.

Рукопись еще одной монографии готовится к изданию:

Могильников В. А. Верхнее Прииртышье и Приалтайские степи на рубеже I – II тысячелетий.

Сборник памяти В. А. Могильникова (Омск, 2014)

Раздел 2

Проблемы истории, археологии, этнологии и лингвистики

УДК 903-032.42(571.1)

МЕДАЛЬОНЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКА ИЗ ТОБОЛЬСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

А. А. Адамов

Россия, г. Тобольск Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Анализ серебряных подвесок с изображением всадников, обнаруженных в Тобольском Прииртышье и в Предуралье, позволяет сделать предположение, что их производство было налажено в Пермском и Тобольском ювелирных центрах. Продукция этих центров поступала на территорию Западной Сибири. На медальонах изображался небесный всадник – Мир-Сусне-Хум. Подвески со всадником входили в стандартный комплекс украшений, являясь амулетами.

Ключевые слова: эпоха средневековья, Западная Сибирь, медальоны с изображением всадника, «сокольников», Волжская Булгария, Пермский и Тобольский ювелирные центры.

MEDALLIONS WITH THE IMAGE OF A HORSEMAN FROM THE TOBOLSK PRIIRTYSHYE

The analysis of silver pendants with the image of horsemen found in the Tobolsk Irtysk region and in the Urals suggests that their production was established in the Perm and Tobolsk jewelry centers. The products of these centers were delivered to the territory of Western Siberia. The medallions depicted the heavenly horseman – Mir-Susne-Hum. Pendants with a rider were included in the standard set of jewelry, being amulets.

Keywords: the epoch of the Middle Ages, Western Siberia, medallions with the image of a horseman, “falconer”, Volga Bulgaria, Perm and Tobolsk jewelry centers.

Круглые серебряные бляхи с гравированным изображением всадника, солярными знаками и фигурками различных животных были распространены в первой половине II тыс. н. э. в Предуралье и Западной Сибири. Вопреки сделанному Н. В. Шатуновым предположению, что в ближайшее время не будет существенно увеличена коллекция подобных изделий [21, с. 54], широкое применение «копателями» металлоискателей значительно увеличило количество подобных находок. В Тобольском Прииртышье в последние годы обнаружено не менее 46 круглых серебряных блях с гравированным изображением всадника. Подавляющее большинство их найдено на памятниках, датирующихся в пределах XII–XIV вв. и оставленных группой населения родановской культуры, переселившейся из Предуралья к устью Тобола.

Ремесленным центром, где изготавливались медальоны со всадником, многие исследователи видели Волжскую Булгарию. Это предположение было впервые выдвинуто А. П. Смирновым, опиравшимся на бронзовую матрицу из городища Болгар с изображением всадника, птиц, рыб, и животных [18, с. 64]. Двенадцать блях с охотничьими сценами были опубликованы В. Ю. Лещенко, который выделил для них ряд иконографических, композиционных и технических признаков, позволивших автору рассмотреть взаимосвязи блях, определить несколько линий развития общего сюжета, выявить одновременность данных изделий [11, с. 144]. Исследователь отметил болгарское происхождение блях с охотничьим сюжетом, возникших под влиянием Руси и Востока, где всадник изображен антропоморфным божеством в образе охотника, покровителем лесного мира зверей [11, с. 148]. Э. А. Савельева считала, что сюжет со сценой охоты с ловчей птицей является заимствованным из прикладного искусства Ирана и Средней Азии, а сами медальоны изготовлены болгарскими и, возможно, хорезмийскими мастерами [16, с. 118]. Н. В. Федорова, характеризуя болгарский центр черного искусства, выделила в нем несколько школ. Одна из блях с сокольничим была отнесена к школе 1, еще восемь блях со сценами охоты - к изделиям школы 2 [19, с. 7, 8].

Рис. 1. Медальоны со всадником.

1 – Чердынский район, Пермского края; 2 – могильник Масарлы 2; 3 – могильник Ивановский 10 (?); 4 – культовое место в районе протоки Горная Суббота.

1-4 – из частных коллекций

А. М. Белавин и Е. Н. Носкова рассматривали бляхи-подвески с «охотничьим» сюжетом как изделия болгарских мастеров, подчеркивая их культовое назначение.

Ученые писали, что на бляхах изображалось верховное божество, покровитель охотников, а сами бляхи являлись символами высокого социального положения их владельца – родового вождя, старейшины, шамана [6, с. 255]. Позднее А. М. Белавин рассматривал подобные бляхи как определенные верительные знаки, удостоверяющие особые права и полномочия их носителей [4, с. 95].

В монографии А. М. Белавина, В. И. Иванова и Н. Б. Крыласовой достаточно подробно рассмотрен вопрос о том, кто же изображен на серебряных бляхах с «сокольничим», а также вопрос об их назначении. Исследователи пришли к выводу, что семантика образа всадника может быть объяснена только из сопоставления его с Мир-сусне-хумом – общеугорским божеством и культурным героем [5, с. 200], а сами бляхи являются символами высокого социального положения их владельца [5, с. 204].

Э. А. Савельева и К. С. Королев, рассматривая торгово-экономические отношения Перми Вычегодской с Волжской Булгарией, отмечали, что круглые бляхи с изображением всадника изготавливались с учетом запросов финно-угорских народов в Волжской Булгарии и, видимо, использовались у последних в качестве культовых предметов. Как правило, такие бляхи найдены в мужских погребениях в области груди и имеют петельку или отверстие для подвешивания [17, с. 96].

Точка зрения о производстве блях со всадниками в Волжской Булгарии была подвергнута критике, по нашему мнению, вполне справедливо, Н. В. Шатуновым, который отметил, что такие изделия не известны на территории Волжской Булгарии, а изображения животных на матрице для тиснения, найденной в Болгаре, принципиально другие, нежели на бляхах. Кроме того, на ней отсутствуют астральные знаки [21, с. 52]. Истоки, к которым восходят изображения всадников, Н. В. Шатунов видит в Византии [21, с. 52].

*Рис. 2. Медальоны со всадником из Тобольского Прииртышья.
1, 3 – городище Тобол-Тура 1; 2 – могильник Абалак 1.
1, 2 – из частных коллекций*

Версия, что бляхи с «сокольничим» это изделия мастеров Волжской Булгарии опиралась, прежде всего, на мнение, что следов местного златокузнечного ремесла в археологических культурах Верхнего Прикамья и Нижнего Приобья не обнаружено [11, с. 144]. Однако эта точка зрения не выдержала проверку временем. Специально рассмотрев подвески с изображением всадника, Н. В. Федорова пришла к выводу, что такие изделия являются работой мастеров болгарской выучки, работавших в Пермском крае [20, с. 169]. О том, что мастера, работавшие в Пермском ювелирном центре, активно развивали болгарские ювелирные традиции, свидетельствует и анализ обнаруженных в Предуралье черневых перстней [1, с. 48]. К. Г. Карачаров считает, «что доводы в пользу доминирования болгарского влияния в XI–XIII вв. на пермскую («прикамскую») скано-зерневую школу основываются не на прямых фактах и сопоставлениях стилей и техник, а на относительном обилии находок в Прикамье болгарских изделий» [9, с. 275]. Исследователь видит заметное влияние на пермских ювелиров русских мастеров [9, с. 275]. О складывании Прикамского центра серебрodelия на основе болгарских и русских традиций пишет и К. А. Руденко [15, с. 101, 102].

*Рис. 3. Рис. 1. Медальоны со всадником.
1 – ХМАО; 2 – городище Ярковоe I; 3, 4 – Тобольское Прииртышьe; 5 – могильник
Дубровинский. 1-5 – из частных коллекций*

Для анализа характерных признаков блях со всадниками из Тобольского Прииртышья (рис. 1, 3; 2; 3, 2–5) нами были использованы только целые медальо-

ны (46 экз.) с нанесенными гравировками (еще как минимум 4 медальона, представленные обломками, нами не учитывались). На 45 подвесках всадник движется слева направо и только в одном случае – наоборот. На 45 бляхах на лошади один всадник, на одной - два. На всех подвесках присутствуют солярные знаки – месяц и солнце. Поза всадника – тело развернуто в сторону зрителя. На 33 экз. левая рука вытянута и приподнята, а правая согнута и опущена на круп коня. На 11 экз. обе руки наездника приподняты вверх. На 2 экз. руки опущены вниз. Всего на 12 экз. всадника сопровождают животные (не считая птиц). Всадник в левой руке держит рог (12 экз.). К правой руке примыкает изображение птицы (11 экз.), и в 2 случаях птица сидит на кисти приподнятой правой руки. На 3 экз. всадник на левой руке держит птицу, и в 1 случае он держит птиц на обеих руках. Только у 8 всадников остроугольная голова. На 6 бляхах у всадника проработаны элементы одежды, а у коня - сбруи. На 17 экз. у всадника показан только пояс, а на 22 экз. у коня показан ошейник.

На 10 бляхах обнаружены остатки чернения по гладкому фону, у 4 экз. чернение нанесено на проработанный фон и еще у 4 экз. фон проработан, но чернение, судя по всему, осыпалось. На 6 подвесках прослеживаются следы золочения. По краю блях припаян один ряд скани у 6 подвесок, двойная скань у 18 блях, на 2 экз. припаяна гладкая проволока, у 2 экз. – катушечная филигрань, у 2 экз. по краю нанесены насечки, имитирующие скань или катушечную филигрань.

Для того чтобы определить место изготовления столь значительной группы серебряных блях с изображением всадника, найденных в Тобольском Прииртышье, мы сравним их с аналогичными по сюжету бляхами из Предуралья.

В Предуралье по опубликованным материалам В. Ю. Лещенко [11, рис. 1], А. М. Белавина, В. И. Иванова, Н. Б. Крыласовой [5, рис. 61, 1, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 16, 17, 18, 19; 62, 2, 8, 10], Н. Б. Крыласовой [10, рис. 3] и Н. В. Шатунова [21, рис. 1, 5] известны 17 блях. Еще 1 подвеска (рис. 1, 1) из сборов черных копателей нам известна по цветным фотографиям хорошего качества (в нашей статье мы не использовали медальоны, где изображения выполнены сканью).

В Предуралье в подавляющем большинстве случаев (17 экз.) изображенный всадник движется слева направо и только один - в противоположную сторону; на всех подвесках всадника окружают различные животные. Значимые признаки следующие: солярные знаки представлены на 17 экз.; поза всадника – с вытянутой и приподнятой левой рукой и опущенной на круп коня правой (прослеживается на 15 экз.); в левой руке всадник держит рог (14 экз.) и только в одном случае – птицу; к правой руке примыкает изображение птицы (на 15 экз.) и только в двух случаях всадник держит птицу на вытянутой правой руке; у всадника остроугольная голова (на 14 экз.); на 15 бляхах у всадника проработаны элементы одежды и на 13 экз. показаны дополнительные элементы у фигуры коня и его сбруи. По краю блях припаяна катушечная филигрань (на 11 экз.) и часто встречается чернение по хорошо проработанному инструменту фону. В целом устойчивое сочетание художественных признаков изображений на медальонах из Предуралья, выполненных, как правило, первоклассными мастерами, позволяет высказать предположение, что они изготавливались в одном ювелирном центре. Этот центр располагался в Предуралье, где мастера массово выпускали круглые серебряные подвески

с изображением всадников (а также широкий набор других украшений), пользовавшихся спросом у местного населения [15, с. 101, 102; 2, с. 33; 13, с. 177].

Если сравнивать предуральские бляхи с подвесками из Тобольского Прииртышья, то нужно заметить, что в целом уровень художественного мастерства основной части подвесок, обнаруженных близ устья Тобола, весьма низок, что резко отличает их от изделий из Предуралья. Несмотря на явное знакомство мастеров с классическим (полным) сюжетом, на котором должны присутствовать всадник с поднятой левой рукой, в которой он держит рог, и птицей, находящейся справа от всадника, солярными символами и сопутствующими животными, остроугольной головой и проработанными элементами одежды и конской упряжи, и самого коня, в Тобольском Прииртышье обязательными считались только классическая поза всадника и наличие солярных символов. Другие атрибуты этого сюжета присутствуют гораздо реже. Например, остроугольная голова изображена на почти 79 % подвесок из Предуралья и только на 17,4 % блях из Тобольского Прииртышья. Мастера, изготавливающие подвески, обнаруженные близ устья Тобола, достаточно редко (на 17,4 %) прорабатывали фон под чернение, хотя и чернение, и золочение изделий использовались.

Массовое нахождение подвесок с изображением всадника в Тобольском Прииртышье, отличие их от изделий из Предуралья свидетельствуют о том, что такие подвески производились на месте. Несмотря на невысокий художественный уровень таких подвесок, гравировка производилась вполне профессиональным инструментом. Знакомство мастеров с чернением, золочением, сканью говорят о существовании в Тобольском Прииртышье центра по производству ювелирных изделий. О функционировании близ устья Тобола ювелирного центра свидетельствует и такая категория серебряных украшений, как перстни [2, с. 39].

Таким образом, и в Предуралье, и в Тобольском Прииртышье существовали центры по производству ювелирных украшений, в которых мастера изготавливали круглые серебряные медальоны с изображением всадника. Сделав такой вывод, мы должны посмотреть, из каких центров поставлялись подвески в другие регионы Сибири.

В подборку сибирских блях мы включили 12 опубликованных изделий [7, рис. 53; 14, ил., 12; 20, рис. 2–4, 6; 21, рис. 1, 1–4, 8; 22, ил. 19] (одна из блях, опубликованная Н. В. Федоровой [20, рис. 6], точной привязки не имеет) и один медальон, представляющий из себя вставку в дно чаши [22, ил. 19], 2 медальона, обнаруженные черными копателями (один – в ХМАО (рис. 3, 1), другой – в Вагайском районе Тюменской области на могильнике Масарлы 2 (рис. 1, 2)). Из 14 изделий, прежде всего, выделяются восемь блях, имеющих признаки, сближающие их с бляхами, обнаруженными в Предуралье. На них изображены всадники с рожком или без него, в окружении зверей, с солярными знаками, с проработкой фона под чернение, катушечной филигранью, с проработанными деталями одежды [7, рис. 53; 20, рис. 2, 6; 21, рис. 1, 1–4;] и (рис. 1, 2). Нужно отметить, что два медальона происходят из могильников южнотаежных культур, хронологические рамки которых не выходят за пределы X–XIII вв. Один памятник относится к юдинской культуре [7, рис. 53], другой – к усть-ишимской (рис. 1, 2). Пусть достаточно редко, но высококлассные ювелирные изделия из серебра пермских мастеров находили

сбыт и в среде сибирских автохтонов, занимавших южные окраины таежной ойкумены.

Из шести медальонов четыре (два с территории ХМАО, один опубликованный О. И. Приступой [14, ил. 12], один, обнаруженный копателями (рис. 3, 1), а также два медальона, опубликованные Н. В. Федоровой [20, рис. 3; 4]), по ряду совокупных признаков – невысокое качество исполнения, изображение только всадника в сопровождении солярных символов, наличие окаймляющей скани, отсутствие птиц и рожка, отсутствие животных, безусловно, аналогичны медальонам из Тобольского Прииртышья и могут рассматриваться как импорт из Тобольского ювелирного центра.

Один медальон из Тобольского музея [21, рис. 1, 8] хоть и имеет ряд признаков, сближающих его с пермскими изделиями: проработка фона, катушечная филигрань по краю, изображения животных, однако по таким признакам, как невысокий уровень художественного исполнения, отсутствие проработки одежды всадника и сбруи коня, вполне может быть отнесен к кругу изделий тобольских мастеров. Об этом же свидетельствует и поступление данного предмета именно в Тобольский музей, в ближайших окрестностях которого и располагался средневековый Тобольский ювелирный центр. Еще один медальон, прикрепленный ко дну чаши (рис. 1, 4), с позолоченным всадником, держащим сокола в поднятой левой руке и другой птицей, примыкающей к его правому локтю, в сопровождении других животных и без солярных знаков, с проработанным фоном под чернь, имеет сходство с медальоном из Тобольского Прииртышья, вырезанным из серебряной чаши (рис. 1, 3). Невысокое художественное исполнение изделия, отсутствие проработки деталей одежды и сбруи позволяют рассматривать его как изделие тобольских мастеров, копировавших сюжет орнаментальных медальонов с серебряной чаши.

Таким образом, анализ изображений на медальонах со всадниками, найденных на территории Западной Сибири показал, что подобные изделия поступали сюда как из Пермского ювелирного центра (8 экз. по нашим подсчетам), так и Тобольского (6 экз.).

На момент публикации работы Н. В. Шатунова им было насчитано 26 медальонов со всадниками [21, с. 50]. Несколько позже такое же количество блях было опубликовано в работе коллектива авторов [5, рис. 61, 1–19; 62, 1, 2, 6–10]. В своей работе мы можем опираться на 76 изделий с изображением всадника.

Правда, не совсем понятно, почему в работах исследователей всадники на медальонах называются сокольничими. Только на 11 (14,5 % от общего числа) медальонах всадник держит на приподнятой, согнутой в локте, руке птицу, причем так как это делают реальные охотники. Птица сидит на кисти или близко к ней. Охотник для этого надевает кожаную рукавицу. Но на 30 (39,5 %) медальонах всадники в левой руке держат рог, а правая рука согнута в локте и опущена вниз. К локтю примыкает изображение птицы – 36 экз. (47,4 %). Но при реальной охоте птицу так никто не держит, и она не сидит на локте. В этом нетрудно убедиться, сделав запрос в интернет-сети на поиск фотографий конной охоты с ловчей птицей. На это же обратил внимание еще В. Ю. Лещенко, решив, что мастер, копируя иранские и среднеазиатские изображения со сценой соколиной охоты X–XII вв.,

не знакомый с реальным обычаем, не придавал значения правильному положению птицы на руке [11, с. 146]. Пока были известны единичные находки, такая версия вполне могла существовать. Но упорное повторение сюжета, как минимум на 36 подвесках, свидетельствует об устойчивой иллюстрации сюжета, понятного как мастерам, так и потребителям украшений. Кроме того, нам известны два изображения всадников, держащих на вытянутой руке птицу, еще одна птица изображена слева от человека (рис. 1, 3, 4).

Если проанализировать наиболее реалистичный медальон, сделанный превосходным предуральским мастером [20, рис. 2], где у птицы вытянуты вперед лапы с выпущенными когтями, раскрыты и приподняты крылья, хвост веером, то складывается впечатление, что здесь изображена сцена атаки птицы на конного всадника. Поэтому хищную птицу, достаточно часто помещаемую рядом с человеком, нужно рассматривать как отдельный персонаж, наряду с другими животными, часто изображаемыми на медальонах. И статус у этого персонажа явно выше, чем у других животных.

Не согласуется со сценой соколиной охоты и частое изображение рога в левой руке всадника. Рог этот, по мнению А. В. Бауло, музыкальный [3, с. 53]. Но почему-то всадник его держит неправильно – широким устьем к себе, причем на вытянутой руке. Для извлечения звуков инструмент так не держат. Конечно, проще всего признать это опять ошибкой мастеров, механически воспроизводивших совершенно чуждый им сюжет. Но существование разнообразных блях с одинаковым сюжетом говорит о том, что их создавали разные мастера, живущие далеко друг от друга, и это показывает, что мастера вполне осознанно изображали этот предмет в руке всадника. Обратившись к работе А. В. Бауло, мы найдем сведения о том, как реальные информаторы воспринимали всадника, изображенного на жертвенных покрывалах: «в одной руке табак держит, в другой рюмку держит, чтобы выпить» [3, с. 53]. Правда сам А. В. Бауло видит в этом позднее переосмысление музыкального рожка в рожок с табаком [3, с. 53]. Бесспорно, табак – это позднее явление в культуре евразийских аборигенов. Но вот спиртное? Мастера, изготавливающие серебряные медальоны, работали не в таежной глуши Приуралья и Западной Сибири, а в районах с развитым земледелием и скотоводством (центрах транзитной торговли), что предполагает и знакомство с алкоголем. Поэтому всадник и держит рог так, чтобы не пролить содержимое.

Из 11 медальонов, где всадник держит на руке птицу, в 6 случаях она сидит на его левой руке, в 4 случаях – на правой, и на 1 экз. птицы сидят и на правой, и на левой руках. В современных реалиях сокольничие держат птицу, большей частью, на правой руке, а не на левой. Поэтому Э. А. Савельева, говоря о расположении птицы на левой руке, повторила тезис В. Ю. Лещенко о слабом знакомстве мастеров с реалиями соколиной охоты [16, с. 117]. Но и сейчас на части найденных нами на просторах Интернета фотографий охотники держат птицу в левой руке, а как было в древности? Известны изображения со сценой соколиной охоты, где всадник держит птицу в правой руке, как, например, на медальонах из Венеции [21, рис. 2]. Однако на ряде поливных иранских чаш всадники держат соколов в левой руке. Это иранское поливное блюдо XII–XIII вв. из древностей Метрополитен музея (<https://www.metmuseum.org/art/collection/search/446261?>). Две чаши из

собрания The Art Institute of Chicago: одна датируется концом XII – началом XIII вв. (https://archive.artic.edu/plotnick/selected_13.html), другая 1200–1220 гг. (<http://www.artic.edu/aic/exhibitions/plotnick/events.html>), что показывает вероятное знакомство мастеров, изготовивших медальоны, с восточными художественными изделиями.

Об этом напрямую свидетельствует подвесной медальон из Тобольского Прииртышья (возможно, из могильника Ивановский 10). Центральная фигура на нем представляет собой всадника на коне (рис. 1, 3). Человек с округлой головой в анфас, сидящий на лошади, движущейся в левую, геральдическую сторону (вправо от зрителя). Левая рука согнута в локте и поднята вверх. На кисти сидит птица, повернувшись к человеку. У птицы показана нога, изогнутое туловище, пышный хвост. Голова и часть крыла срезаны. Правая рука всадника согнута в локте и прижата к туловищу. Всадник одет в длинный халат, полы которого развеваются по ходу движения лошади; на груди показан крест, на талии двумя линиями обозначен пояс, от которого вниз отходят четыре коротких линии (складки халата, привески к поясу?). На ногах всадника сапоги с каблуком и загнутым вверх носком. Конь с большой головой, которая отделена от шеи широким ремнем (?). Грива коня показана короткими насечками. На крупе животного прорисованы ремни сбруи. Ноги коня чуть согнуты, что показывает движение галопом.

С двух сторон от головы всадника в виде условных солярных знаков (полумесяц и круг) показаны месяц и солнце. С левой стороны от всадника имеется изображение птицы с длинным загнутым клювом, с распахнутым крылом и пышным хвостом. С правой стороны от коня показан зверек с небольшими острыми ушами, тонким гибким туловищем и длинным хвостом (соболь?). Морда и ноги зверька частично срезаны. Под ногами коня присутствует фигура еще одного животного с острыми ушами и коротким хвостом. Через туловище этого животного в медальоне пробито отверстие, в которое продето медное колечко, служившее для подвешивания. Поле между фигурами заполнено гравированной сеткой.

Крупный размер медальона, неровные края, обрезанные изображения свидетельствуют о том, что медальон являлся лишь частью изделия. По нашему мнению, он являлся центральным медальоном серебряной чаши. Чаша, судя по характерным чертам всадника, окруженного дикими зверями, с проработанными деталями одежды и частей сбруи, была изготовлена в Пермском (Прикамском) ювелирном центре. При нанесении фигуры всадника древний мастер вполне мог опираться на восточные изображения сокольничих, хотя и развернул всадника в обратную сторону. Именно местными воззрениями на изображаемого персонажа объясняется включение в композицию астральных знаков, а также диких животных, которые делали сюжет узнаваемым для аборигенов таежных районов Предуралья и Западной Сибири. Этот же сюжет повторил и мастер Тобольского ювелирного центра, когда изготавливал центральный медальон для серебряной чаши (рис. 1, 4), попавшей впоследствии на культовое место в нижнем течении Иртыша.

При рассмотрении вопроса о назначении данных медальонов нужно отметить, что большинство из них имеют следы креплений или отверстий для подвешивания. Для того, чтобы понять, как же их использовали, нужно остановиться на значении изображений на них. Вряд ли стоит сомневаться в культовом харак-

тере этих изображений. Предположение о тесной связи изображений всадника на бляхах с образом Мир-сусне-хума в культовом искусстве манси и хантов впервые высказал В. Ю. Лещенко [12, с. 119, 125]. Позднее это положение было детально обосновано А. В. Бауло [3, с. 50–54]. Согласны с этим и другие исследователи Н. В. Шатунов [21, с. 53], Н. Б. Крыласова [10, с. 60, 61].

Совсем другая точка зрения была высказана А. В. Белавиным, обосновывающим точку зрения о геральдическом значении изображенного всадника, которое придает бляхам особый юридический характер, как символу высокого социального положения владельца, как знаки вождя или старейшины [4, с. 95–97]. Многочисленные подвески, обнаруженные в Тобольском Прииртышье, значительная часть из которых низкого художественного качества, свидетельствуют против последней точки зрения. Медальоны в Тобольском Прииртышье использовались в качестве украшений широкими слоями южнотаежного населения.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что на медальонах изображена не плохо воспроизведенная сцена охоты всадника с ловчей птицей, а небесный всадник. Всадник, держащий в руке рог с напитком, в окружении солярных символов и фигурок животных вполне соответствует образу человека, «объезжающего землю, объезжающего воду, объезжающего мир» верхом на коне – Мир-Сусне-Хуму [8, с. 8]. Иногда его могли изображать и в роли сокольничего. В Тобольском Прииртышье подвески со всадником входили в стандартный комплекс украшений, являясь амулетами, как и другие многочисленные антропоморфные и зооморфные подвески эпохи Средних веков.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической Экспедиции. Вып. 9. Пермь, 2014. С. 44–49.
2. Адамов А. А. Перстни с чернью с городища Тобол-тура 1 // Сибирский сборник. Вып. 5. Тобольск: ИП Жмуров С. В., 2020. С. 20–48.
3. Бауло А. В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 158 с.
4. Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. 196 с.
5. Белавин А. М., Иванов В. И., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. 278 с.
6. Белавин А. М., Носкова Е. Н. Серебряная бляха из могильника Телячий Брод // СА. 1989. № 2. С. 253–256.
7. Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Квадрат, 2008. С. 208 с.
8. Гемуев И. Н., Бауло А. В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск, 2001. 159 с.

9. Карачаров К. Г. О серебре закамском // Седьмые Берсовские чтения. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 274–284.
10. Крыласова Н. Б. Рисунок на амулете с Рождественского городища – очередная страничка средневекового мифа о всаднике // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012, № 1 (49). С. 58–61.
11. Лещенко В. Ю. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья // СА. 1970. № 3. С. 136–148.
12. Лещенко В. Ю. Прикладное искусство и мифология в эпоху разложения патриархально-родового строя (булгарский художественный металл в культуре финно-угров) // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1981. С. 105–126.
13. Подосенова Ю. А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2021. 210 с.
14. Приступа О. И. Мартиролог предметов археологии из Ханты-Мансийского района ХМАО–Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск. 2012. Вып. 10. С. 68–99.
15. Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
16. Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 200 с.
17. Савельева Э. А., Королев К. С. Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 3(7). Сыктывкар, 2011. С. 89–97.
18. Смирнов А. П. К вопросу о месте производства шаманских привесок // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 59–64.
19. Федорова Н. В. Художественный металл Волжской Булгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки. Л., 1991. С. 5–10.
20. Федорова Н. В. Справа от солнца, слева от месяца: бляхи с сокольниковым (Предуралье и Западная Сибирь, эпоха средневековья) // Археология Арктики. Вып. 2. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. С. 162–174.
21. Шатунов Н. В. Медальон с сокольниковым из сибирской коллекции Ф. Р. Мартина // Барсова гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург-Сургут, 2008. С. 50–55.
22. Яковлев Я. А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. Вып. 9. С. 10–81.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КЛАНА ТАЙБУГА

Т. А. Акеров

*Кыргызстан, г. Бишкек, Институт этнологии
Международного Университета Кыргызстана*

В научной литературе ученые не имеют общего мнения по вопросу о происхождении клана Тайбуга. Одни полагают, что тайбугиды происходили от конгратов, вторые – салжигутов, третьи – мангытов (ногайцев), четвертые – кераитов и т. д. По мнению автора как салжигуты (аялы), так и конграты (конгират в генеалогии Алангоа) имели связь с родом (или родовой тамгой) ай (луна) или луной (лучом), что указывает на существование близких этногенетических связей между последними объединениями. Т. е. автор считает, что последние являлись одного происхождения. В статье автор пришел к выводу о том, что клан тайбугидов происходил из рода аялы, который находился в тесных этногенетических, этнополитических связях с племенами конград и салжигут.

Ключевые слова: клан, Тайбуга, аялы, этногенетические связи, конград, салжигут, происхождение, Чимги-Тура, Бухара, Алтай.

ON THE QUESTION OF THE ORIGIN OF THE TAIBUGA

In the scientific literature, scientists do not have a common opinion on the origin of the Taibuga clan. Some believe that the Taibugids were descended from the Kongrats, the second from the Salzhiguts, the third from the Mangits (Nogais), the fourth from the Keraites, etc. According to the author, both Salzhiguts (ayals) and congrats (congirate in the Alangoa genealogy) had a connection with the genus (or ancestral tamga) ai (moon) or moon (ray), which indicates the existence of close ethnogenetic ties between the latter associations. I.e., the author believes that the latter were of the same origin. In the article, the author came to the conclusion that the Taybugid clan came from the Ayala clan, which was in close ethnogenetic, ethnopolitical ties with the Kongrad and Salzhigut tribes.

Keywords: clan, taibuga, ayaly, ethnogenetic connections, kongrad, salzhugit, origin, Chimgi-Tura, Bukhara, Altai

Рассказы о клане Тайбуге интересны тем, что генеалогические предания о нем, с одной стороны, подтверждали связь племен данного улуса с Сыр-Дарьей и городом Бухара, с другой – существование тесной взаимосвязи между кыргызами, канглами, кераитами и кыпчаками на Алтае. Бухара являлась знаковым городом как для местного населения Средней Азии, так и для монгольских завоевателей. Согласно местным родословным данным, после покорения города Бухары в 1220 году завершился захват Средней Азии Чингис ханом. Монгольская империя была

разделена между четырьмя сыновьями Чингис хана – Джучи, Чагатаем, Угедеем и Тулуем. В связи с этим идет новый отсчет в истории народов и кочевых племен данного региона.

По данным источников, Тайбуга был выходцем из Бухары. Согласно документу, найденному В. Д. Дмитриевой, хан Бухары Шах-Мираввал отправил в Западную Сибирь («Изкар юрты») в качестве хана своего сына Тайбуга-бия вместе с группой проповедников в 500 человек. В другом документе «Происхождение аула Сала» рассказывается о Сулайман-бае и его сыновьях, основавших деревни Субра и Сала. Сулайман-бай прибыл в Приобье из Бухары вместе с людьми бия по имени Тайбуга Шах-Мурад-угли. Пришельцы заселили г. Искер и Западную Сибирь [8, с. 40–41]. По данным источников, в улусе Тайбуга одними из основных племен являлись салжигуты и конграты (конгираты). Согласно источникам, к началу 1430 годов вилайат Чимги-Тура представляли племена аялы, кунграт, салжигут, дурман, найман, кушчу и многие др. Н. Ф. Катанов тоже писал о племенах улуса, которые составляли основные четыре отряда войска хана Кучума – Кордак, Туралы, Аялы и Бараба [13].

Владение Тайбуга находилось в соседстве с улусом Шибана, сформированном на основе земель Дешт-и Кыпчака. Улус Шибана охватывал земли центрального и северного Казахстана, а также область между реками Или и Сырдарья. Шибан кочевал на просторах между Уральскими горами и реками Илек и Ирғиз, зимой – в районах между Сыр-Дарьей, Чу и Сары-Су [17, с. 198]. Следовательно, земли улуса Шибана вплотную подходили к владению канглинцев на Сырдарье и Таласе.

Следует отметить, что история улуса Тайбуга проходила в тесной взаимосвязи с историей Золотой Орды и чингизидов Токтамыш хана, Абул-Хайр хана, Касым хана и др. Улус Тайбуга был последним оплотом Токтамыш хана, где он попытался как-то улучшить свое шаткое положение и вернуться к власти.

Абул-Хайр хан захватил владение Тайбуга и образовал государство кочевых узбеков с центром в Чимги-Туре в 1428 году. В эпоху Абул-Хайр хана предводитель мангытов Вакас (Бакас) правил городом Узген. Мангыты играли важную роль в составе войск не только Абул-Хайр хана, но и Шибана (манккыт), Барак хана, а затем Жаныбек хана и Керей. Племена Абул-Хайр хана имели тесные связи с сырдарьинскими канглы и кыргызами. Поэтому владыка Моголистана Есен Бука хан не стал отказывать и разрешил разместиться беглым Жаныбек хану и Керейю в долине реки Талас. Позже в 1460 году ханы Жаныбек и Керей, собрав значительные силы, вернулись в свои кочевья на востоке, где сформировали Казахское ханство (1465 г.).

В «Нусрат-намэ» говорится, что Абул-Хайр хану в управлении улусом помогали вожди из двух кланов в должности даруг. Отмечается, что сразу после завершения коронации Абул-Хайр хана лидеры двух кланов Кирни-Таринчак-бахадур из дурманов и Илин-Ходжа и Суфра-ходжа из ички были объявлены даругами Чимги-Туры. Очевидно, первый управлял войсками, а последние двое, судя по их именам, следили за религиозными делами города [23, с. 16]. Клан Тайбуга тоже управлялся с помощью двух кланов конгратов и салджугитов, которые имели отношение к потомкам Алангоа по линии его сына Бухату-Салджи.

В связи с вышеизложенным целесообразно было бы еще раз вернуться к рассмотрению проблемы об этнической принадлежности князя Тайбуга [2, с. 459–474], происхождение которого связывалось, по некоторым данным, с кыргызами и средневековым торговым центром – Бухарой. Согласно Бекрана (1265 г.) кыргызы жили в Горном Бадахшане в соседстве с Бухарой [2, с. 16, 31]. В средние века город Бухара всегда выступал как торговый центр и город кочевых племен азов, айлинцев, башкиров, кыргызов, карлуков, мангытов, конгратов и др. Бухара имела связь с одним из северных городов Чимги-Туры, где правили представители клана Тайбуга.

Отметим, что имелись разные версии о происхождении клана «тайбугидов». Во всех версиях их происхождение связывалось с Ван ханом (Он-сон) кераитов. По одной из легенд, после смерти Он-сона оставшемуся в живых его несовершеннолетнему сыну покровительствовал один из членов двора отца юноши — Мурат бий, современник Чингис хана. Согласно преданию, Чингис хан после завоевания Бухары, одному из потомков Он хана Тайбуге подарил земли Иртыша, Тобола и Туры [5, с. 38–39] с центром Чимги-Тура. По данным источников, улус Тайбуга просуществовал до XVI века.

По мнению Адия Атласова, начиная с 20-х годов XIII века по XVI век владением, находившимся между землями Джучи и Угедея, правили потомки Тайбуга хана. Далее он отмечал, что в 1220 году после покорения Бухары один из отпрысков кыргызского хана Мамыка Тайбуга выпросил у Чингиз хана районы Иртыша, Тобола, Ишима и Туры [5, с. 38–39]. После его смерти там правили его потомки. Весьма любопытно, что имена исторических тайбугинцев совпадали с именами потомков кыргызского Тайбуги. Например, с 1428 года Сибирским ханством правили Гази бий (1428; по легенде Кожо хан), Мар (Умар, Омар, около 1450–1480; Мархан), Муса бий (1460–1496), Мухаммед (1496–1502; Мухаммед хан), Касым Мухаммед (1502–1530, племянник Ангиша; Анмыш хан), Едигер Касым (1530–1563; Эгдер), Бек-Булат Касым (1555–1558), Сейд Ахмед (Сейтек) Бек-Булат (1583–1588 гг.).

В исторических источниках есть упоминание о хане Махмуд-ходже, чьи владения находились между Тоболом и Ишимом (с центром на берегу реки Тобол). Согласно источникам, он «воевал с представителями эля Тура против тюменей (племен) кунграт (конграт) и салжигут» [15, с. 232–238]. В источниках рассказывается о том, что Кучум хан захватил г. Сибирь (т. е. Искер) и убил сибирских князей братьев Едигера и Бекбулата в 1563 году. После этого сын Бекбулата Сейдяк бежал в Бухару. Но позже, в период похода Ермака, вновь вернулся на Алтай из Бухарских земель [32, с. 264].

В научной литературе нет единого мнения по вопросу об этнической принадлежности клана Тайбуга. Одни полагают, что тайбугиды принадлежали к кераитам, другие – мангытам (ногайцам), третьи – чингизидам, четвертые – салжигутам, пятые – беркутам.

По мнению Д. Н. Маслюженко, согласно легендам и преданиям, «Тайбугиды обладали не только не менее древними правами на власть над данной территорией по-своему происхождению, но даже имели преимущество над потомками Чингиса» [20]. В. Д. Дмитриева проанализировала сведения в рукописи «История» о

«тайбугидах», где указывается имя их предка и место происхождения. Его звали Тайбуга Шах-Мурад угли. Он был выходцем из Бухары.

Ученые, поддерживавшие мнение о салжигутском происхождении «тайбугидов», основывались на источниках, где один из представителей «тайбугидов» мурза Едигер назывался выходцем из этого клана. В «Чингис-наме» рассказывается о войнах между шибанидом Махмудек ходжа (сын Каанбая, в 1375–1376 гг. правил в г. Сарае) [37, с. 391; 34, с. 128] и мирзой Едигером, сыном бия салжигутского тюмена. Хотя, конечно, в источнике четко отмечается, что «совместно с представителями эля Тура он воевал против тюменей кунгратов и салжигутов, победив их, смог подчинить [себе] государство» [7, с. 25]. Однако Д. М. Исхаков, несмотря на это, даже считал Едигера из клана салжигутов основателем династии тайбугидов. Он же полагал, что два отряда из войска Кучум хана аялы и туралы составляли объединения аялы и жалаиров.

По утверждению Д. М. Исхакова, в пользу принадлежности «тайбугидов» к клану салжигут свидетельствовали «данные о присутствии среди башкир, локализованных на Урале и в Зауралье, подразделений «сальют». В частности, такая группа имелась в составе башкирского племени айлы, находящегося в генетическом родстве с сибирско-татарской группой аялы (род аялы в составе сибирских татар [6, с. 35; 39, с. 46; 15, с. 207], а также в составе расселенных в Зауралье катайцев». Он полагает, что окончательное формирование северо-восточной группы башкир произошло уже после перехода «Тайбугина юрта» под протекторат Ногайской Орды. Так как, согласно генеалогии башкирских айлинцев, их предки в прошлом проживали «на Сыр-Дарье» [15, с. 198–199; 16, с. 171–172]. Он же имя богатыря и хана айлинцев Сейдаша отождествляет «с именем Тайбугида Сейдяка». По его мнению, Сейдаш и Сейдяк одно и то же лицо.

В связи с вышеизложенным интерес представляет информация Н. Ф. Катанова [12], где он указывает объединение аялы (ср. с айлинцами) в числе четырех основных отрядов войск хана Кучума. В родоплеменной структуре башкирских айлинцев встречаем род сальют (потомки салжигут) [15, с. 196; 7, с. 25]. Здесь же отметим, что царевич Сейдяк (Сейдаш, айлинец по башкирским преданиям), после убийства своего отца хана Бекбулата, бежал в Бухару. В «Сибирских летописях» о возвращении царевича Сейдяка в Бухару говорится, что царевич Сейдяк «...собрался со всем домом своим и с воинскими людьми», т. е. в сопровождении свиты и большой группы людей, военачальников и т. д. Но, позже «в период похода Ермака вновь возвратился в Сибирь «из Бухарских земель» [32, с. 48–59].

Согласно родословной Сейдаш богатырь принадлежал к клану айлинцев и был ханом этого племени, которое в более древние времена проживало «на Сыр-Дарье» или близ Бухары [15, с. 198–199]. Это племя жило вблизи Хорезма, Ургенча, Хивы, Кунграта [16, с. 171–172]. Сейдаш был женат на дочери «каракалпакского и киргизского хана» [13, с. 9–11]. Затем Сейдаш богатырь бежал в долину реки Миасс (Миач) в Башкирии. Очевидно, Бий ач или Бий аз. Т. е. владение аз.

Следует также отметить, что в кыргызской родословной улус Тайбуга упоминается четвертым улусом, добровольно покорившимся Чингис хану [40, с. 80]. Следует отметить, что вышеприведенные Ван хан и представленный в качестве его отпрыска Мурат бий были довольно популярными личностями в монгольский

период. Имена последних подобным же образом – в качестве отца и сына упоминались и в родословной кыргызских племен, записанной С. Ахсикенди, где Онг хан (Ван хан) назывался Онг Моголом, а его сын носил имя Анга Торе Бай Мурат Черик. В родословной Анга Торе в числе его предков встречался антропоним Мары бий, что соответствовал имени отца Онг хана Маргузу. В родословной говорится: «...от него – Ак туг (по прозвищу Онг хан), от него – Мары бий, от него – Доуле бий, от него – Атан бий, от него – Кул Джугач-тюря произошел, от него – Инка тюре Бай Мурад Черик произошел» [3, с. 291]. В ней генеалогия Анга Торе возводилась к общекрыргызским родоначальникам правого крыла. Отмечалось, что Анга Торе посредством своего предка Онг Могола (Ван хан кераитов) имел родство с Токтамыш ханом.

Важно отметить, что в кыргызских шежирах персонаж Муратай встречался в рассказе о бегстве кыргызов с востока в Ферганскую долину, опасаясь уничтожения Чингис ханом. Согласно преданию, кыргызы в период возвышения Чингис хана имели ряд владений, в одном из которых правили Ырыс (Урус Инал) и Сабатай, признавшие власть Чингис хана монгольского владыки. Правители других владений Долон бий (брат Ырыса) и Муратай (брат Сабатая) решили бежать на Тянь-Шань, в горы Азирета Айыпа (Андижан) в Ферганской долине. Долон бий обосновался в Андижане. Муратай – в Ходженте. От внука Муратая Ырая произошло племя саяк. В родословных данных предками южнокрыргызских (ферганских) племен упоминались Узун Калпак Маатбий, или Узун Калпак Муратай. В кыргызских генеалогических преданиях довольно часто встречалось имя Муратай, Бай Мурат Черик, Узун Калпак Маатбий, или Узун Калпак Муратай, которые выступают в качестве имен общих предков народа.

По всей вероятности, все вышеотмеченные персонажи представляли одного и того же человека, который был популярным в кыргызской среде в монгольский период. Им может быть Мурат бий, который упоминался в качестве покровителя Тайбуга в вышеприведенном предании. (Он же беглый Муратай, он же Бай Мурат Черик). Очевидно, Мурат бий был предком Тайбуга. Поэтому в период возвышения Чингис хана, он, чтобы спасти свой клан, скорректировал генеалогию рода, назвав одного из своих отпрысков Тайбуга сыном Он-сона или Ван хана кераитского. Это можно подтвердить тем, что один из основателей интересующего нас улуса носил его фамилию, называя себя Тайбуга Шах Мурат угли.

Отметим, что в поздних версиях эпоса «Манас» содержится много сюжетов, имевших сходство с историей улуса «тайбугидов». В «Манасе» городу Бухара придали важное значение. Хан Жакып, после переселения кыргызов с Алтая в Алай и Андижан, женит Манаса на дочери владыки Бухары Атемира [19, с. 279–291].

Весьма любопытно, что имя хана Сейдяка и хана айлинцев Сейдаша тождественны с именем кыргызского хана Сейтека – сына хана Семетей и внука Манаса в трилогии эпоса «Манас». Согласно источникам царевич Сейдяк после убийства его отца хана Бекбулата бежал в Бухару. В кыргызском сказании после смерти Манаса его вдова Канькей вместе со своим новорожденным сыном Семетеем бежит к своему отцу в Бухару. Когда царевич вырос, то он возвратился на родину отца в Талас. Сюжет о его возвращении в Талас описывается очень красноречиво. Семетей возвращается с большой группой сопровождения. Его перекочевка поддер-

живается и самим небом и природой, всем окружающим миром, зверями, которые его сопровождая следовали в Талас.

В книгах Рашид ад-Дина [33], Ибн Вали [21], Муин ад-Дин Натанзи [31], Утемиш Ходжи [11, с. 24], С. Ахсикенди [3] и других рассказывались о кыргызах, обитавших на Алтае и Западной Монголии в монгольскую эпоху.

Рашид ад-Дин и Абул Гази Хивинский отмечали, что границы владений кыргызов на севере доходили до Ангары, где последние имели соседями алакчинов (пегих лошадиников). Согласно Рашид ад-Дину, ко времени монгольских нашествий, енисейские кыргызы имели два смежные друг с другом крупных политико-культурных центра – Кыргыз и Кэм-Кэмджиут [33, с. 112]. Первый центр – Кыргыз – находился в Минусинской котловине, а второй – в Кэм-Кэмджиуте в Западной Монголии. В эпоху Чингис хана ставка кыргызского владыки Урус инала находилась в местности Еди орун (Семь урочищ) в землях владения Кыргыз в Минусинской котловине. Северная граница княжества Урус инала проходила в месте впадения Ангары в Енисей, где находился город Кикас (Кыргыз), о котором у Рашид ад-Дина сказано: «Город тот принадлежит к области киргизов» [33, с. 102]. ...Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где обитают племена найманов [33, с. 102, 123, 150–151].

Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторая суть монголы и обитают они в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области. В этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны. Титул [каждого] их государя, хотя бы он имел другое имя, – *инал*, а родовое имя тех на этой области, кто пользуется уважением и известностью – *иди* (семь – *Т. А.*). [33, с. 150–151].

Согласно источников монгольской эпохи алтайские кыргызы входили в состав улуса Джучи, который покорил последних во время всего второго похода. Отмечается, что Джучи и Бухуа «преследовали Киргис до реки Имар и вернулись» [33, с. 66–67, 78–79]. Т. е. до бассейна реки Катунь. Утемиш Ходжи и Натанзи тоже сообщали о кыргызах и кыргызских племенах, живущих на Алтае, которые активно участвовали в дворцовых интригах в Золотой Орде. Согласно Натанзи Мубарак ходжи после неудачной попытки захвата власти в Золотой Орде скрывался в землях кыргызов и Алтая. Натанзи (конец XIV – начало XV веков) об этом писал: «Через 6 месяцев он распростился с подобной раю равниной Сарая и еще 2 года и 6 месяцев бездомно скитался в краях и странах киргизов и Алтая, пока не погиб там» [2, с. 282]. Сведения Натанзи говорят о том, что, во-первых, кыргызы еще до Токтамыш хана имели этнополитические связи с царевичами Ак Орды, во-вторых, усиление влияния кыргызов и племен союза аз-ширинов в Ак Орде привело к повышению роли и значения чингизидов этого улуса в их борьбе за золотоордынский трон.

В сведениях Утемиш Ходжи имелись прямые указания о кыргызах, проживавших в соседстве с улусом Тайбуга на Алтае. Более того, улус Тайбуга был построен на землях, контролируемых кыргызами на Алтае в монгольский период. Отметим, что в полном списке рукописи книги Утемиш-ходжи «Чингис-наме», находившейся в распоряжении востоковеда А.-З. Валиди Тогана и получившей название «Тарих-и Дост-султан» [11, с. 47] имелась весьма ценная информация о взаимоотношениях сибирского хана Ибака с улусом Кыргыз и Казанью. Источник

до сих пор не переведен на русский язык. Однако в частично переведенных отрывках рукописи А.-З. Валиди Тоганом об Ибак хане сыне Бек Конды [7, с. 117–134] говорилось, что он «...был знаменитым ханом» и «...правил всей киргизской и казанской страной» [30, с. 28]. Более конкретно в источнике сообщалось: «...из клана Бек Конды Айбак хан, который был знаменитым ханом и правил, объединив страны Кыркыз и Казань» [24, с. 64–65], что подтверждается киргизскими родословными данными. В 1493 году Ибак захватил Чимги-Туру, ликвидировав власть тайбугинов. Однако Ибак был убит мятежным князем Мухаммедом Тайбугой в 1495 году.

Следовательно, согласно вышеприведенному источнику, алтайская группа киргизов подчинялась сибирскому хану Ибаку. Источник подтверждает существование этнополитических связей между алтайскими киргизами, Казанью и улусом Тайбуга в эпоху монголов. Любопытно, что башкирские киргизы свою родословную возводят по одной версии к потомкам Чингисхана – Тонак-бию и Кадык-бию, по другой – к легендарному Коркут-Ата. Возможно, что в данном случае говорится о предках двух исторических периодов киргизов – огузской и монгольской. Ныне киргизы компактно проживают на Краснокамском, Илишевском, Бакалинском, Шаранском и Туймазинском районах Башкортостана и Бавлинском, Альметьевском, Азнакаевском и Актанышском районах Татарстана.

Однако, отметим, что в составе улуса Тайбугидов могли находиться довольно много племен и объединений, которые находились в подчинении или по воле судьбы участвовали в разных исторических событиях, имевших место в данной стране, в том числе, чулымские тюрки, енисейских киргизы, кызыльцы, качинцы и т. д. В народной памяти чулымских тюрков, хакасских кызылцев, качинцев сохранились предания об их приходе с берегов Ишима и Тобола [39, с. 4]. Л. П. Потапов в своей монографии «Происхождение и формирование хакасской народности» относит кызылцев и ачинцев к пришлым племенам из Иртыша и свое название последние получили благодаря своим антропологическим данным: «из-за рыжих волос, которые будто бы были у их предков». Кызыльцы связывали свое происхождение с барабинцами (междуречье Иртыша и Оби) Прииртышья. В прошлом кызыльцы жили в бассейне рек Иртыш, Тобол и у оз. Чаны. «Прародина ачинцев находилась в районе оз. Сана кель около р. Иртыш. По поверьям, души умерших членов сеока ажыг отправлялись на древние родовые земли у оз. Сан'а кель. Два основных кызыльских теса – Хыспынах и Эмекей происходили оттуда же. Вероятно, речь идет об оз. Чаны, где проживали барабинцы» [2, с. 248].

Отметим, что дошедшие до нас генеалогические данные одного из тайбугинцев Сейдяш батыра (Сейдяк Тайбуга) связывали с племенем аялы. Не исключено, что племя аялы могло иметь особое значение и статус среди монгольских племен. Возможно племя аялы (или ай) могло быть предком аристократического кланов салжугитов и кунгиратов (Маалик баяут из племени олконут ветви кунгиратов), которые, вероятно, могли иметь отношение к преданию о трех европеоидных потомков Алангоа, происхождение которых связывалось с лунным светом и желтым псом.

В научной литературе считается, что тюркские племена с названием «ай» были потомками юэчжи-тохаров. По мифологическим понятиям их предки были

сотворены верховным небесным богом-творцом Ай, или Айа, чьим олицетворением на небе являлась Ай – Луна. Современные буряты считали луну своим богом – творцом Ай Хайр-хан-бурханом.

Здесь же отметим, что еще енисейские кыргызы имели общую тамгу под названием «ай тамга» (в виде полумесяца ☾) [1, с. 43–45; 4, с. 105–110; 160–164; 200–205]. В родоплеменной структуре кыргызов есть крупные племена и объединения – отуз уул, ай тамгалуу солто, ай тамгалуу доолос, ай тамгалуу нойгут, ай баш мундуз, чьё происхождение связывалось с Алтаем [4, с. 105–110; 160–164; 200–205]. В составе Тарского уезда, основанного на основе бывших земель улуса тайбугидов в Сибири в XVII–XVIII века, упоминались названия волостей Отуз, Тав-Отуз (куулары), Аялы, которые имели сходство с вышеуказанными кыргызскими этнонимами.

Ряд ученых отмечали этническую и историко-культурную связь тяньшаньских кыргызов с башкирскими кыргызами. Р. Г. Кузеев [15, 16], С. М. Абрамзон [1], С. А. Мамытов [18], И. Б. Молдобаев [26; 27; 28; 29], А. Шмитц [42] и другие, изучив родословную башкирских кыргызов, выявили ряд сходств в традициях и быте, названиях племен и родов башкирских и тяньшаньских кыргызов. Среди выявленных общих этнонимов в названиях племен отмечали кыпсак, катый, канлы, а в родовых названиях аю, мунаш, барын-табын, кошсы, балыксы, миркит-мин и других. Ученые связывали средневековую историю башкирских кыргызов с Волжской Булгарией, Ногайским ханством, алтайскими кыпчаками и т. д.

Р. Г. Кузеев [15] писал о миграции башкирских племен бурджанов, усерганов, тангауров, башкиров, сырдарьинских канглы и кыргызов из районов Сырь-Дарьи и города Бухара в нынешнюю территорию Башкирии в VIII–IX веках. С. М. Абрамзон о башкирских кыргызах писал, что родоначальником их считался Коркуд-ата (в других вариантах он Калдар бий или Кандыр бий). Предки их некогда жили «на Бухарской дороге у моря Сыр» [1, с. 73]. Далее он же отмечал: «В таблице родоплеменного состава башкир киргизы (кыргыз - С. А.) представлены в качестве одного из подразделений рода кесе-табын племени табын, подразделения рода шайтан кудей племени кудей, подразделений родов илекей-ин и кубоу племени мин и в качестве самостоятельного племени кыргыз среди нижнебельских племен башкир западных башкир, с родами танкей и кадыкей. Кроме того, общие с киргизами этнонимы имеются и в названиях племен (кыпсак, катый, канлы – С. А.) и в родовых названиях (аю, мунаш, барын-табын, кошсы, балыксы, миркит-мин и др.» [1, с. 73–74].

Следует отметить, что, в отличие от кочевников башкир, наряду со скотоводством кыргызы занимались и земледелием. Они были мусульманами. Кыргызы сохранили свою самобытность, обычаи, традиции и т. д. Кыргызы жили в различных районах Башкирии: в Бугильминском уезде (сс. Иски киргиз, Ташлы, р. Белая, оз. Татыш), Миякинском уезде (рр. Киргизля, Деме, Коромчай, Мияки, Киргиз-Мияки), а также Агрызском районе (с. Кадыбаш, рр. Большая и Малая Кады/Казы) и др. Кыргызы также жили на берегу реки Манашты (т. е. Манасты).

В конце концов кыргызы здесь смогли образовать нижнебельскую подгруппу башкиров, куда входят роды кыргыз, канлы (пл. канды), еней (корова/пл. енисейских кыргызов), елан (иланджоу/владение енисейских кыргызов), ельдьяк (енисей-

ский – чилдег, кыргызский – желден), дуваней (дуван-черик), таз (таз, таздар/пл. нойгут), гирей (кераиты), каршин, уваныш. Практически название каждого из них имело связь с кыргызами [15, с. 361].

Следует отметить, что в составе башкиров есть отдельные племена, айле (айлинцы), ельдяк (кырг. желден), которые ранее могли представлять кыргызов в различных конфедерациях кочевников. В том числе, в улусе Тайбуга. Об этом особенно говорит тот факт, что, по преданию, предки айлинцев и ельдяков пришли в эти места из берегов Сырдарьи. Согласно легенде, предки айлинцев переселились из районов Бухары.

В VIII–IX веках предки башкирских айлинцев (айле) входили в состав кангаро-печенегов, огузо-кыпчакских племен сырдарьинских и приаральских степей. В IX веке айле переселились на Урал. Род айле (луна) имел родовую тамгу в виде полумесяца (☾). В родоплеменной структуре айлинцев имелись подразделения ай (кырг. ай и ай тамга), айзар, кыргыз, этемген айле, этемген (итэмген), турна (каркыра-журавль), эжек (азык), яманай, бухар и др. Все вышеприведенные названия родов находили свою аналогию в этнонимии тяньшаньских кыргызов. Причем поколения башкирских айлинцев обнаруживались среди сибирских и чулымских татар. В этом же регионе ранее жили и отсюда мигрировали алтайские кыргызские племена с аналогичными названиями ай тамгалуу доолос, ай тамгалуу солто, ай тамгалуу нойгут, айбаш мундуз и другие на Тянь-Шань.

Согласно источникам, кыргызы на Алтае, Западной Монголии и Прибайкалье жили еще с эпохи Кыргызского Великодержавия. В источниках отмечали, что Кыргызский каган, после уничтожения ставку тогуз огузов на Орду-Балыке, вначале переселил свою ставку в район Танну-Ола, а затем в город Кемидж-кет. По топонимическим данным можно полагать, что определенная часть кыргызов мигрировала с районов Священной горы Булантаг [2, с. 139]. («гора племени Лось») на Кузнецком Алатау и Енисея в местность Буланьк («лось») в Западной Монголии, который позже под влиянием монголоязычных племен был переименован в Кандагайты. В данный период кыргызские племена распространились на огромной территории от Байкала до Волги или от башкирского села Манашты до города Манас в Северо-Западной Монголии, что может служить доказательством о существовании в Центральной Азии единого кыргызского этнического пространства от Байкала до Каспия и Таласа, где распространились кыргызы и кыргызообразные племена в эпоху Кыргызского Великодержавия. Отсюда можно полагать, что племена улуса Тайбуга аялы, кордак, туралы, барабы в прошлом могли представлять алтайских кыргызов Мурат бия. Алтайское царство кыргызов имело тесную этнополитическую связь с городом Бухара, что продолжилось в период правления клана Тайбуга Тюменским царством. Алтайские кыргызы вместе с башкирскими кыргызами сыграли важную роль в этногенезе татарского и башкирского народов. Об этом, прежде всего, говорит названия племен аялы (от «ай-луна») и кордак (корд+ак, вольче племя), которое можно сопоставить с названием кыргызского рода беш куртка (пять волков) племени адыгине. Возможно, «корд/ак» («башкорд») имел отношение к этнониму башкир. По-видимому, неслучайно, племя чиннос (волки) бежало в земли улуса Тайбуга в период возвышения Чингис хана.

Подобная же картина наблюдалась в землях Кыргызских владений Кэмкэмд-

жиут и Ус в Западной Монголии, где обитали кыргызские племена булагачины, керемучины и усуту-мангуны и другие. Ныне в прежних землях владения Ус в Туве, встречаем тувинские племена кыргыз, монгуш, кара монгуш, куулар, салчак и другие. В монгольское время население Тувы называли тубасами [14, с. 209], что позже в качестве этнического имени утвердилось в форме «тумат». Тубасы представляли древнее население современной Тувы. Очевидно, Птолемей их называл табайтами [36, с. 179; 2, с. 10], а авторы китайских хроник – добо [22, с. 43]. В эпоху Чингис хана табасы упоминались в числе соседей и покоренных племен наряду с кыргызами, канкасами, урасутами, кабканасами во время второго похода Джучи. Этноним «тубас» мог образоваться в результате слияния двух этнонимов «дубо» и «ас» или «аз» в значении лесные азы и ли лесные кыргызы. В XV–XVI вв. кыргызов на Тянь-Шане называли лесными львами Моголистана. Анализ этнонимии тувинских племен показывает, что ядро последних составляли кыргызские и кыргызско-огузские племена кыргыз, салчак (от «сал» – управлять), кара монгуш, монгуш (от стяженной формы имени тотема и родовой тамги «жагалмай куш-дербник»).

Согласно записанной легенде кыргызским этнографом И. Молдобаевым в 1987 году из уст представителя рода куулар О. Д. Куулар [29, с. 95, 111], основное ядро тувинцев составляли местные племена из Баян Талаа Ховузу кыргысы, куулары и монгуши (или монгуты). По его информации Чингис хан происходил от монгушей. Он родился в местечке Монгут (в бассейне реки Онон) и, якобы, создал государство Монгут. И. Молдобаев отмечал: «монгут, монгуш, монгул, мингат обозначали название одного и того же народа. Кыргызские мунгуши происходят от этих монгушей. По рассказам стариков, они откочевали на территорию Киргизии примерно лет 300 тому назад» [29, с. 95].

По-видимому, в родословной С. Ахсикенди, где прародитель отуз огланов Отуз огул указан предком правого крыла, а в качестве его сыновей указаны Адина (Адыгине), Тагая багадур, Кара багыш (черный лось) и Мунккуш [3, с. 62] зафиксирован процесс слияния тянь-шаньских кыргызских племен со своими пришлыми сородичами. Причем, инициаторами выступали местные племена. Однако, по народной версии процесс слияния местных и пришлых кыргызских племен был инициирован пришлыми племенами во главе с Долон бием. Согласно предания Долон бий переселился на Тянь-Шане в период возвышения Чингис хана. По одной версии предания Долон был находился в заложниках у каракитайского владыки, по другой – у Чингис хана. Долон бий от старшей жены имел двух сыновей Адыгине, Тагай и дочь Наал эже. От младшей Монмош из соседнего племени, на которой женился, когда он возвращался домой после пленения, сын Мунгуш. От него родились два сына Коштамга и Жагалмай, а от них произошли все роды мунгушей, по шесть родов от каждого. Долон бий от младшего сына имел две линии потомков или четырнадцать родов, по семь в каждой, что соответствует значению имени прародителя племени мунгуш – долон (от монг. – «семь»). Это, прежде всего, указывает на благородное происхождение Долон бия, который принадлежал к аристократическому роду енисейских кыргызов иди (семь). Из четырнадцати родов мунгушей два рода жагалмай и тээке имели связь с тотемом – хищной птицы жагалмай и огузом (быком). Немаловажный интерес представлял род монок мун-

гушей. «Монок» – значит «простак». Согласно генеалогии, предок рода всегда выглядел простачком и попадал в разные смешные истории. «Монок» тождествен с уничижительным именем прародителя золотого рода монголов Буданчора мунхака (простака). Можно сопоставить «монок» и «мунхак» с «монгуш» или «мунгуш» («моноккуш или мунхаккуш-жагалмай/сокол-простачок»). По преданию, Кыпчак тоже был рожден с уничижительной характеристикой «никчемного», «злополучного», вожака. «Кыпчак» тоже означал «никчемный», «злополучный» [2, с. 254, 256] и т. д.

Отсюда можно полагать, что, во-первых, в сложении генеалогии Чингис хана имело место заимствование из шежире кыргызских племен, обитавших в Западной Монголии. Во-вторых, три рода, происходившие от европеоидных потомков Алангоа вполне могли представлять если не кыргызские, то омонголившиеся усуту-мангуновские (тобасо-туматские или тувинские) объединения Западной Монголии, которые в своей родословной использовали общепринятые приемы и сюжеты.

Следует отметить, что к эпохе Чингис хана енисейские кыргызы, переживавшие феодальную раздробленность, на Саяно-Алтае, Западной Монголии и Прибайкалье имели ряд крупных и мелких улусов Кыргыз, Кемкемджиут, Ус (усуту-мангуны), Керемучин, Булагачин, Анхэла (Ангара), что способствовало монголизации мелких владений. К XIII веку в Западной Монголии проживало вместе с кыргызами множество кыргызообразных, тюрко-монгольских и монгольских племен – кунгираты, салджугиты, кераиты, канглы, найманы, катаркины, алакчыны, кори, тубасы, туматы, татары, баягуды, борджины и другие. В связи с чем отдельные ученые рассматривали последних как племена, представлявшие кыргызов и вышедшие из Великого Кыргызского каганата. П. Рачневский писал, что найманы и кераиты могли быть частью кыргызского народа или частью этноса Кыргызского каганата [2, с. 484]. Е. Кычанов видел в найманах, кераитах, меркитах и татарах народ Кыргызского каганата [2, с. 494]. Причем И. Березин, затем и Е. Кычанов выдвинули гипотезу о кыргызском происхождении Чингис хана. По мнению И. Березина Алан-Гоа могла родить своих троих сыновей с европейской внешностью от кыргызского военачальника, руководившего монгольскими племенами в период господства кыргызов в степи. Он считал, что им мог быть Малик Баяуд, служивший вождю Добун Баяну. Позже мнение И. Березина было поддержано и другими исследователями [2, с. 269, 459]. Е. Кычанов считал, что Чингис хан происходил от «омонголившегося» кыргызского рода [2, с. 459]. Очевидно, в данном вопросе следует учесть и тот факт, что в некоторых источниках как байауты, так и кыргызы отмечались на Селенге, что в определенной мере говорит в пользу мнения о кыргызском происхождении Чингис хана.

Согласно генеалогии потомков, Алангоа – прародительница золотого рода, якобы после смерти Добун Мерган родила троих сыновей от облика рыжего человека с лучом лунного света, спустившегося ночью через верхнее отверстие юрты. В источнике о предках Чингис хана рассказывается:

§ 1. Предком Чингис хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море).

§ 10. Войдя в дом к Добун-Мергану, Алан-гоа родила двух сыновей. То были Бугунотай и Бельгунотай.

§ 17. Долго-ли, коротко-ли – Добун-Мерган скончался. После смерти Добун-Мергана, Алан-гоа, будучи безмужней, родила трех сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар-простак.

§ 23. По смерти матери пятеро братьев стали делить между собою имущество. При этом вышло так, что четыре брата – Бельгунотай, Бугунотай, Бугу-Хадаги и Бухату-Салчжи забрали себе все, а Бодончару совсем не дали его доли, считая его глупым и неотесанным и не признавая даже за родственника.

§ 24. «Раз меня и родней не признают, что мне тут делать?» – сказал Бодончар. Оседлал он Орок-шинхула, со ссадинами на спине, с жидким хвостом, наподобие свистун-стрелы, и пустил его куда глаза глядят вниз по течению Онон-реки. «Умереть, так умереть! Живу быть, так быть живу!» – сказал он. Ехал-ехал и добрался до урочища Балчжун-арал. Тут построил он себе из травы балаган и стал жить-поживать» [33, с. 152–153, 155; 35, с. 1018].

По Рашид ад-Дину отцом троих рыжеволосых младенцев Алангоа был Маалих Баяуд. В кыргызских преданиях его звали Малик Кыргызом.

Большинство ученых считали, что дети Алангоа появились на свет в IX веке. Т. е. в эпоху Кыргызского Великодержавия, когда кыргызы разгромили Тогуз-огузский каганат и включили в свой состав множество огузских, монгольских и других племен. Примерно в это же время появились сельджуки-огузы, имя которых можно сравнить с вышеприведенным названием деревни улуса Тайбуга «сала», с монгольскими антропонимом и этнонимом «бухату-салчжи»//«салчи», «жалайир» («салайир»), тувинским «салчак» (в. салжугит), «ногайским коьбек салду уулу, а также кыргызскими «салучи-булгачи», «солто» и «кыргыз чал» (эпическим). В эпосе «Манас» говорится: «Кырктын башы Кыргыз чал» («Глава сорока витязей Манаса Кыргыз чал»).

Отсюда можно полагать, что вышеотмеченные термины с корневым словом «сал-» или «чал» исходят к термину «салайар», что означает «руководить», «управлять» [41, с. 93]. Это особо заметно в эпическом антропониме «кыргыз чал», что буквально переводится как «глава Кыргыз» или «глава сорока витязей Кыргыз». Не исключено, что первоначально было «Кыргыз или Кыргыз».

Следовательно, все вышеприведенные этнонимы, имевшие связь с термином «сал/чал/сол» или «салчы-управлять» («сельжук», «жалайир/«салайир», «коьбек салду уулу», «солто», «салучи-булгачи», «бухату-салчжи», «салжугит») своим происхождением могли быть обязаны названию господствующего племени кыргызов в Западной Монголии, которое могло быть предком тувинских объединений салчак, кыргыз, монгуш. В этом смысле салжугиты могли быть омонголившейся частью племени салчак.

Рашид ад-Дин рассказывал весьма интересные сведения о бегстве ряда монгольских племен на Алтай в период возвышения Тимучина. Согласно Рашид ад-Дину, в начале XIII века ряд племен, живших в непосредственном соседстве с кыргызами в Прибайкалье – дурманы, икарас, куралас, катакин (катаркин, катаган), конгират, салжигут и другие, подверглись нападению со стороны монголов во главе с Чингис ханом (Тимучином) и были вынуждены покинуть свои наси-

женные места обитания. В частности, в разделе о татарах Рашид ад-Дин отмечал: «когда племена татар, дорбан, салжигут и катакин объединились вместе, они все проживали по низовьям рек. По слиянию этих рек образуется река Анкара-мурен. Река эта чрезвычайно большая: на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун. Граница [его расселения] в настоящее время соприкасается с [пропущено название страны]. Та река [Ангара] находится вблизи города по имени Кикас и в том месте, где она и река Кэм сливаются вместе. Город тот принадлежит к области киргизов. Утверждают, что эта река [Ангара] течет в одну область, по соседству с которой находится море. Повсюду [там] серебро. Имена этой области: Алафхим, Адутан, Манху и Балаурнан. Говорят, что лошади их [тамошних народов] все пегие [ала]; каждая лошадь сильная, как алагуи четырехгодовалый верблюд; все инструменты и посуда [у населения] из серебра. [В этой стране] много птиц [33, с. 102].

Следовательно, вышеуказанном сообщении говорится о периоде возвышения Чингис хана, когда соседи омонголившегося Кыргызского владения Ус усуту-мангунов татары, дорбаны (дурманы, четыре рода азов), салжигуты, конкираты, катакины и другие объединились вместе для оказания сопротивления. Борьба за власть между племенами бывшего Великого Кыргызского каганата разделила степные племена на два лагеря: на тех, кто предпочел подчиниться власти Чингис хана и на тех, кто решил сопротивляться. Под ударом Чингис хана первыми оказались кераиты, найманы, а после все другие вышеотмеченные племена, имевшие отношение к Великому Кыргызскому каганату. В связи с чем, последние в трудное время бежали в земли, контролируемые кыргызами на Алтае и Туве, которая в то время являлась одной из «областей кыргызов» [2, с. 219]. Тем самым, было положено начало появлению новых этнических образований тубасов, ногайцев, кыргыз-казахов, монголов и других.

Отсюда можно полагать, что в XIII–XIV вв. изменение этнополитической ситуации на Саяно-Алтае и Притяньшанье было связано с появлением на политической арене Чингис хана, что вызвало миграцию восточных племен на Алтай, в земли, контролируемые кыргызами. Естественно передовые группы восточных мигрантов конгиратов, салджигутов, дурманов, канглы, кераитов, сулдусов, онгутов, азов, бахринов, кыргызов бежали и на Тянь-Шань. В результате в XIII–XIV вв. на Алтае появляется улус Тайбуга, в Минусинской котловине владение Кангорай, а на Тянь-Шане улус Анга Торе. В Моголистане кераиты и канглы кочевали на Иссык-Куле и в районах Янги Тараза. Онгуты, сулдусы, азы, бахрины, кыпчаки, кыргызы располагались в землях улуса Анга Торе в горных районах Восточного Тянь-Шаня. Любопытно, что и в Минусинской котловине, и на Тянь-Шане встречались племена со схожими именами. Очевидно, в Минусинской котловине канглы и кераитов представляли предки кангитов, кангаласов, соххы, сагайцев, а в улусе Анга Торе кире, конкош (кангач, кангалас) и соки. Вышеизложенные исторические события совпадают с содержанием вышеприведенной генеалогии кыргызского народа, где рассказывается о бегстве Долон бия и его брата Муратая в Семиречье в период возвышения Чингис хана. Т. е. миграция восточных племен конгиратов и салджигутов на запад привели в движение целого ряда племен кераитов, канглы, кыргызов, сулдузов, онгутов и других.

Следовательно, основываясь на вышеизложенном, можно полагать, что конгираты, салжигуты, дурманы, чиносы и другие в землях улуса Тайбуга слились с аялы и другими местными племенами. Отсюда можно полагать, что предки золотого рода монголов конгиратов, салжигутов, борджугинов могли быть связаны с кыргызскими племенами ай или аялы, которые компактно проживали на Алтае. Вероятно, в эпоху Кыргызского Великодержавия часть их вкупе с другими кыргызскими племенами попала в Западную Монголию и оказались под влиянием монгольских племен, как и предки потомков трех рыжих сыновей Алангоа, родившиеся от луча лунного света.

Очевидно, в данном случае, речь может идти о предках тувинских племен кыргыз, салчак (салжигут) и монгуш, которые представляли объединения омонголившегося Кыргызского владения табасов или усуту-мангунов, страна которых прославилось серебром, серебряными инструментами, посудами и несметным количеством птиц, что отразилось в названии тотема и родовой тамги племен кыргыз и монгуш- жагалмай (дербник). Не исключено, что в данном источнике подобным образом сообщалось о существовании у усуту-мангунов племени кыргыз и монгуш с тамгой «дербника-жагалмай».

По-видимому, происхождение конгиратов (луч света в генеалогии Чингис хан) и салжигутов (аялы) имело связь с племенем ай (луна). Однако, салжигуты могли быть одним из младших поколений конгиратов, которые представляли потомков Бухату-салчжи, представителя золотого рода. Возможно, имя «бухату – салчжи» (в. «бухатай-салчжи») имело отношение к названию улуса Тайбуга. Отсюда можно полагать, что, во-первых, потомки Алангоа от рыжего человека действительно могли иметь связь с енисейскими кыргызами, занявшими степи Западной Монголии в середине IX века. Во-вторых, возможно, предки конгиратов и салджугитов мигрировавшие вкупе с енисейскими кыргызами в Западную Монголию на новом юрте подверглись монголизации. Однако, в период возвышения Тумучина последние вновь вернулись на земли своих предков на Алтае, где попали под влияние аялы.

По-видимому, аялы были ближе к молодому поколению конгиратов – салжигутам, нежели конгратам. К тому же термин «салжи» означает «руководить». Вероятно, это также подтверждается тем, что салжигуты входили в число аристократических кланов Золотой Орды и Крымского ханства.

Следовательно, анализ источников и этнографических материалов позволяет говорить больше об аялинском (или айлинском) происхождении аристократического рода тайбуга.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что «тайбугиды» происходили из клана аялы, который имел этногенетические связи с племенами конграта и салжигут, имевшими особый статус в улусе. Их представители занимали должности даруги и помогали «тайбугидам» в управлении улусом. Чингизиды оказывали большое уважение представителям клана Тайбуга, считая их потомками Ван хана кераитского. В свою очередь, тайбугиды помогали чингизидам в управлении местными племенами.

Список источников и литературы

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. 480 с.
2. Акерев Т. А. Кыргызы–усуни. Кыргызы на просторах Евразии. Бишкек: тип. «Университет» КНУ им. Ж. Баласагына, 2020. 552 с.
3. Акерев Т. А. Маджму ат-Таварих как исторический источник (Полный перевод, анализ и комментарии). Бишкек, 2017. 348 с.
4. Ахсикенди, Сайф ад-Дин. «Тарыхтардын жыйнагы» (Мажму атут Таворих) / Перевод М. Досболова, О. Сооронова. Бишкек: Госконцерн «Акыл», 1996. 126 с.
5. Байтур А. Кыргыз тарыхынын лекциялары. Бишкек, 1992. 128 с.
6. Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XIX вв. Историко-этнографические очерки. Казань, 1980. 232 с.
7. Вэлиди Туган Э.-З. Башкорттардын тарихы. Тэрк хэм татар тарихы. Эфэ, 1994. 352 б.
8. Дмитриева В. Д. Описание тюркских рукописей. Л., 1974. 230 с.
9. Исхаков Д. М. Исторические очерки. Казань, 2009. 164 с.
10. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI в.). Казань, 2007. 356 с.
11. Кавагучи Т. Нагаминэ Х. Некоторые новые данные о «Чингиз-нама» Утемиша-хаджи: в системе историографии в Дашт-и Кыпчаке // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. 2010. Вып. 3. С. 44–52.
12. Катанов Н. Ф. Предание присаянских племен о прежних делах и людях // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина (Записки ИРГО по отд. этнограф., 1909. Т. 34). СПб.: [Тип. В. Ф. Киршбаума], 1909. С. 265–288. VIII, 668, 28 с., [9] л.
13. Катанов Н. Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1896. Вып. 5. 13 с.
14. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборник // Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.
15. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. 576 с.
16. Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960. 304 с.
17. Лен-Пуль Стэнли. Мусульманские династии, хронологические и генеалогические таблицы // Перев. В. Бартольда. СПб., 1899. 344 с.

18. Мамытов С. А. Кыргызско-татарские литературные связи второй половины XIX – начало XX веков. Бишкек, 1999. 177 с.
19. «Манас». Киргизский героический эпос. Москва, 1988. 686, [2] с.
20. Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008. 168 с.
21. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных. (География) // Введение, перевод, примечания Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977. 167 с.
22. Материалы по истории и кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 2003. Ч. II. 259 с.
23. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / отв. ред. Б. Сулейменов. Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. 648, [4] с.
24. Миргалеев И. М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.
25. Мокеев А. М. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек, 2010. 280 с.
26. Молдобаев И. Б. «Манас» – историко-культурный памятник кыргызов. Бишкек, 1995. 311 с.
27. Молдобаев И. Б. Этнокультурные связи кыргызов в средневековье. Бишкек, 2003. 154 с.
28. Молдобаев И. Б. Этнографические истоки одного мотива из эпоса киргизов и народов Центральной Азии // Проблемы хакасского фольклера. Абакан, 1982. С. 124–130.
29. Молдобаев И. Б. Этническая и культурная общность киргизов с народами Саяно-Алтая // Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе, 1989. 140, [2] с.
30. Мустакимов И. А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабграфичных источников // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 2. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 21–32.
31. Натанзи, Му‘ин ад-Дин Мунтахаб ат-таварих-и Му‘ини // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941. 308 с.
32. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них». СПб., 1868. [2], II, 528 с.
33. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I / Пер. с персидского

- Л. А. Хетагурова. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
34. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского государственного университета. Саранск, 1960. Вып. XI. 279 с.
  35. Тарихи Абдыхалык. Предки Чингиз-хана Кият-Борджигины как возможные носители гаплогруппы R1a. // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. М., 2011. Т. 4. № 5. С. 1015–1024.
  36. Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М.; Л., 1962. 500 с.
  37. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. ТКААЭ. Т. III. 308 с.
  38. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. Новосибирск, 1992. 271 с.
  39. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в XVI — первой четверти XIX вв. Томск, 1981. 274 с.
  40. Усейун-Ажы. Кыргыз санжырасы // Кыргыздар. Т. 2. Бишкек, 1993. Б. 72–123.
  41. Ушницкий В. В. Кыпчакский компонент в этногенезе саха // Вестник Томского Государственного университета. История. Томск, 2015. № 3 (35) С. 97–101.
  42. Шмитц А. О Нагайском хане Манас // Газета «Кутбилим». 20.09. 1995. № 28.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА И ПЕРВЫЕ МЕЧЕТИ В ТОМСКЕ (XVII-XIX ВВ.)

В. Г. Волков

Россия, г. Томск, Музейный центр ОГАУК «Центр татарской культуры»

В статье рассматривается первоначальный этап истории мусульманской общины в Томске. На основании вновь выявленных источников делаются попытки заполнить лакуны истории новыми фактами.

Ключевые слова: ислам, Томск, археологические памятники, томские татары, бухарцы.

THE MUSLIM COMMUNITY AND THE FIRST MOSQUES IN TOMSK XVII - XIX CENTURIES

The article deals with the initial stage of the history of the Muslim community in Tomsk. On the basis of newly identified sources, attempts are made to fill the gaps in history with new facts.

Keywords: Islam, Tomsk, archaeological monuments, Tomsk Tatars, Bukharians.

Возникновение в Томске мусульманской общины связано с появлением здесь уже в начале XVII века бухарцев.

Бухарцы являлись особой этносословной группой в Сибири XVII – начала XX веков. Традиционно считается, что бухарцы являются выходцами или потомками выходцев из Средней Азии, которые активно переселялись в Сибирь еще во времена Сибирского ханства.

В Томске бухарцы впервые упоминаются в первой половине XVII века. Торговая деятельность бухарцев отмечена уже в первых таможенных книгах Томска 1624–1627 гг. В этих таможенных книгах указаны бухарцы Азейко Мирабдеев, Шагалак Магаметов, Яра (Ярий) Пиримов, которые привозили «из киргиз» мяхкую рухлядь: соболей, бобров, бобровые и лисьи хвосты. «Полавошные» деньги платили Назар Шугуров, пушнину продавали Курбанко Досмакиев, Обраимко Овсов, Азимко Бакиев и другие бухарцы [14].

В крестоприводной книге 1646 года приведен список бухарцев, которые шертовали, т.е. давали клятву, «Гдрю Црю и Великому Кнзю Алексею Михайловичю всеа Руси а по своей вере целовали Куран». Среди них Аваз Бакиев, Шарип Ариев, Таип Алиев, Сали Ариев, Садык Гадаев, Мулла Паелдыев, Надыр... [13, л. 48 об.–49] Список небольшой, вероятно, не все бухарцы, бывшие в Томске, давали такую клятву.

В этих источниках мы видим почти исключительно мусульманские имена или отчества у бухарцев: Назар, Курбан, Магаметов, Бакиев, Алиев, Шарип, Надыр, Садык. Это отличает, к примеру, томских бухарцев от чатских и томских та-

тар, имена которых, в основном, имеют тюркскую этимологию (Меглибей, Акбулат, Аиткул, Сарткула, Кочкильдей и т. д.). Мусульманские имена и указание на то, что томские бухарцы давали клятву «на Куране» позволяет уверенно утверждать, что эта группа населения являлась мусульманами.

В Томск по торговым делам часто прибывали бухарцы из Тары и Тобольска. Возможно, некоторые из них оседали здесь на постоянное местожительство [16, с. 195].

На проживание в Томске значительного числа мусульман указывает и существование археологических памятников «Кладбище на Юрточной Горе» и «Старое Мусульманское кладбище». Этот памятник находится на территории современного Дома Офицеров. Район Татарской слободы (Заисток), где проживали бухарцы, вплотную примыкает к западной части Юрточной Горы и, соответственно, к данному памятнику. Другой памятник «Старое Мусульманское кладбище» находится в южной части Татарской слободы.

Исследования томских археологов (С. М. Чугунов, А. П. Дульзон, Е. В. Водясов, О. В. Зайцева) выявили на территории «Кладбища на Юрточной Горе» и «Старого Мусульманского кладбища», ряд погребений XVII века и более позднего времени. Эти погребения характеризуются признаками, характерными и для погребений по мусульманскому обряду: отсутствие инвентаря, наличие в могилах боковой ниши и ориентация лица покойного на юго-запад [19, с. 237–245; 2, с. 125–127].

Эти данные также свидетельствуют о существовании в XVII веке в Томске значительной по численности мусульманской общины.

Отдельным вопросом является место проживания этой группы, т. е. место расположения Бухарской слободы в XVII веке. В большинстве исторических и краеведческих работ доминирует мнение, что татары, в том числе бухарцы, жили на Юрточной горе, а район нынешней Татарской слободы не был заселен, так как располагался в низине, в подгорной части.

Но примеры других сибирских городов, например, Тары, показывают, что бухарская слобода располагалась именно в подгорной части, в низине. Расположение слободы в крайне неудобном для проживания и хозяйственной деятельности месте была связано, как указывает С. Ф. Татауров, с запретом проживать иноверцам в самом городе (на горе), «а отходить от прикрытия крепостных стен было нельзя». И бухарцы вынуждены были селиться рядом с городом, в подгорной части [15, с. 153–154].

Нет сомнения, что в подобном положении находились и томские бухарцы, уже в XVII веке они компактно проживали в районе современной Татарской слободы (Заистока).

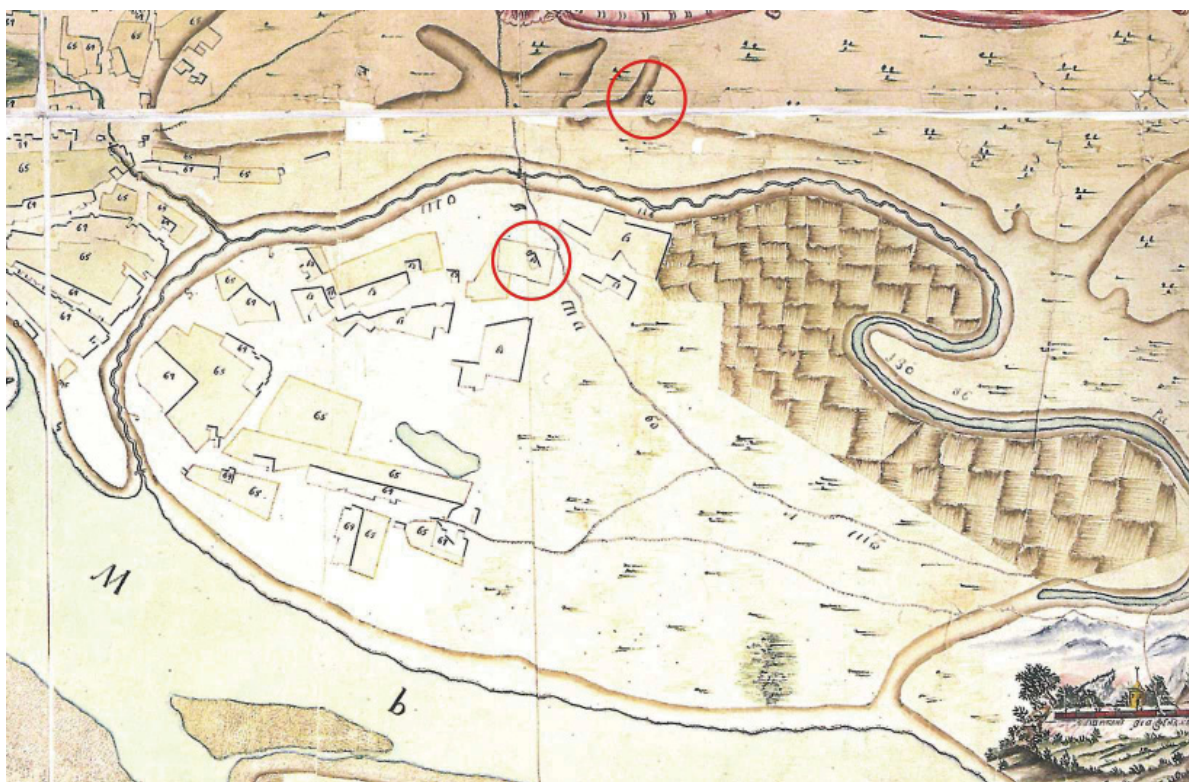
Существование мусульманской общины в Томске подразумевает и существование мечетей.

К сожалению, письменные и археологические источники не дают информации о существовании в Томске мечетей в XVII веке, но уже Г. Ф. Миллер, прибывший в Томск в 1734 году, указывал, что «в Томске по обе стороны Ушайки имелось три мечети, которые посещали живущие здесь бухарцы и чатские татары. Мечети находились также в селениях чатских татар Муратовых юртах (Тахтамышево) и

Казанских юртах» [11, с. 74, 80, 84].

Согласно указа императрицы Елизаветы Петровны от 22 июня 1744 года было запрещено строительство мечетей в населенных пунктах, где проживали совместно некрещенные и новокрещенные инородцы. Старые мечети подлежали сносу. Видимо, в связи с этим, митрополиту Сибирскому и Тобольскому Антонию, приехавшему в Томск в 1748 году, сообщили, что «в городе Томску у татар построена мечеть вновь вместо бывшей прежде мечети которая разломана по указам да и та же прежняя мечеть разломана не до основания на один только верх снят» [3, л. 4]. Таким образом, несмотря на запрет, томские мусульмане возвели новую мечеть вместо снесенной по указу.

На плане Томска Петра Григорьева 1767 года обозначен район «Татарские юрты». Границей этого района являются река Томь и речка Исток. На плане выделяется и одно здание на месте современной Красной мечети. Вероятно, именно здесь располагалась мечеть в XVIII веке. На плане буквой Z также обозначено «Татарское кладбище», находящееся на горе на месте Дома Офицеров [17, с. 30–31]. Именно на этом участке локализован археологический памятник «Кладбище на Юрточной Горе».

Рис. 1. Татарские юрты на плане Томска 1767 г. (окружностями обозначены предполагаемое местонахождение мечети и расположение татарского кладбища)

Таким образом, в XVIII веке здание одной из мечетей находилось на перекрестке современных улиц – Татарской и Трифонова, там же, где ныне располагается Красная мечеть. Вполне возможно, что на этом же месте располагалось и здание более ранней мечети XVII века.

Посетивший Томск в 1771 году И. П. Фальк сообщал, что «число здешних

бухарцев и татар неизвестно, но считается 200 душ обоого пола, имеющих деревянную мечеть и одного абыза». Также он сообщал, что «бухарцы живут частью в Томске, частью в татарских деревнях разсеяно, и занимаются земледелием и торговлей» [18, с. 541].

Как видно из документов разных лет, деревянная мечеть часто горела и отстраивалась заново.

В 1795 г. томские инородческие старшины Абраим Тузбакин, Сибилей Календеров вместе с другими татарами и бухарцами подали прошение о постройке новой каменной мечети вместо сгоревшей деревянной [4, л. 1–7 об.]. Мечеть была построена, но не каменная, а также деревянная. Вероятно, это произошло в 1809 году.

Ценные сведения содержатся в ведомости о мечетях Томской губернии 1828 г. Сообщается, что «состоящая в городе Томске деревянная мечеть наименованием Соборная. ... Мечеть выстроена томским 1-й гильдии купцом Калиной Касимовым 1809 года июля 16 дня а другая остается за ветхостию праздною». Прихожан 200 человек. На должности указного муллы «выбранной обществом городской Казанской волости ясашной Мухамедьяр Динмухаметов. 27 лет» с 1825 г., на должности пономаря (муэдзина) «среди общества выбранной Казанской же волости ясашной Рахматулла Ильчиметов. 45 лет» с 1823 г. [5, л.16 об.–17, 57 об.–58].

Мухамедьяр Динмухаметов был представителем известной в Томске семьи Московых. Его подпись стоит в метрических книгах 1855–1871 гг. [6; 7].

В 1858 г. в Томских губернских ведомостях появился интересный рассказ о томичах-магометанах под авторством ЗаАнгарский Сибиряк. В рассказе сообщается, что «томские татары исповедуют магометанскую веру и имеют одну магометанскую мечеть. Училищ у них нет. Иногда их посещает Оренбургский муфтий. Татары отмечают религиозные праздники, на обряды рождения и похорон приглашают муллу» [9].

С 1876 г. в метрических книгах появляется подпись муллы Хамзы Мухаметаминова (Хамитова) [8, л. 77]. Хамза Хамитов, брат знаменитого Каримбая, и сам не менее знаменитая личность, прослужил на должности имама до 1934 г. С его именем связана вся дальнейшая история томской мусульманской общины и томских мечетей дореволюционного и более позднего времени [12, с. 32–33].

Мечеть, построенная в 1809 г., изображена на гравюре М. Колосова 1871 г. «Татарская слободка» [10, с. 25]. Но во время пожара 1882 г. мечеть вместе с медресе («магометанским училищем») сгорела.

В 1883 г. попечитель мечети почетный бухарец Набыш (Мухамет-Наби) Мавлюкеев Аплин подает прошение на имя императора Александра II с просьбой о строительстве новой мечети. Мечеть была построена и просуществовала до очередного пожара в 1900 г. [12, с. 27]. Сохранилось фотоизображение этой мечети, опубликованное в альбоме «Великий путь. Виды Сибири» [1, с. 45].

И уже после этого при активном содействии Хамзы и Мухаметкарима Хамитовых в 1901 г. была заложена и в 1904 г. построена первая каменная мечеть в Томске, получившая название Красной по цвету стен из красного кирпича, существующая до настоящего времени.

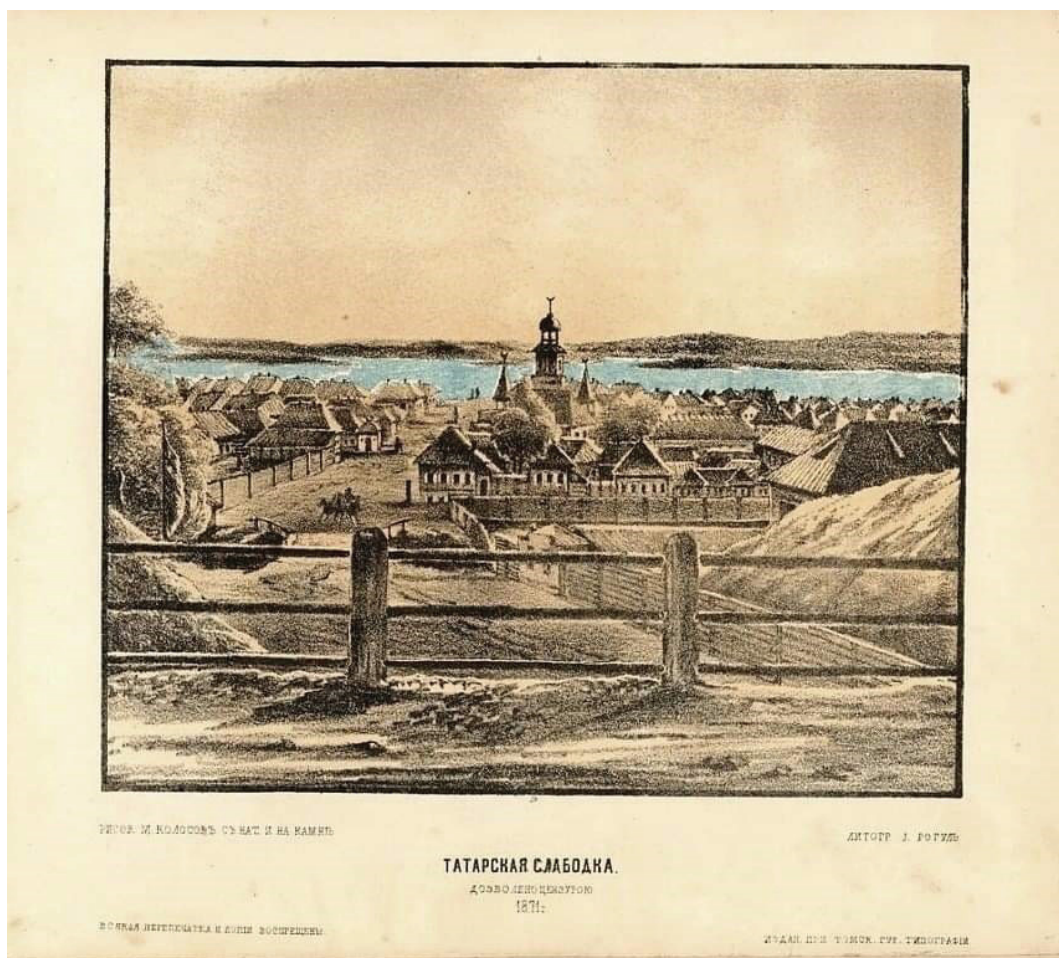

Рис. 2. Деревянная мечеть на гравюре М. Колосова. 1871 г.

Список источников и литературы

1. Великий путь. Виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги. Вып. 1: От р. Оби до р. Енисея и Томская ветвь. Красноярск, 1899. 124 с.
2. Водясов Е. В., Зайцева О. В. Мусульманские некрополи XVII–XIX вв. в окрестностях г. Томска. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 125–131.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156, Оп.1. Д. 290. Дело об имеющейся в Томске татарской мечети.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 113. Дело по прошению Томских инородческих старшин о постройке каменной мечети вместо сгоревшей.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 11. Д. 98. Ведомости о мечетях Томской губернии.
6. ГАТО. Ф. 469. Оп.1. Д. 1. Метрические книги Томской соборной мечети 1855–1861.
7. ГАТО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 2. Метрические книги Томской соборной мечети 1862–1871.

8. ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 29. Л. 77. Метрические книги Томской соборной мечети 1872–1892.
9. Заангарский Сибиряк. Томские инородцы // Томские губернские ведомости от 14 февраля 1858 года. № 7.
10. Колосов М. Виды Томска и его окрестностей: каталог-альбом литографий. Томск: Издательство Томского университета, 2015. 57 с.
11. Миллер Г. Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г. / Публикация А. Х. Элерта // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 59–101.
12. Первая Соборная Красная мечеть Томской области. Люди и страницы истории / Н. Ё. Жумаев, Г. А. Окушова, Т. А. Сметанина. Томск: Изд-во «Печатная мануфактура». 2015. 180 с.
13. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.204. Лл. 1–51. Крестоприводная книга Томского города 1646 г.
14. Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 2: Туринск, Кузнецк, Томск. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1999. 124 с.
15. Татауров С. Ф. Бухарская слобода в Таре в XVII – XIX вв. // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации: сборник статей. Вып. 1. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. С. 152–164.
16. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 274 с.
17. Томск: история города в иллюстрациях. 1604–2004 / Науч. ред. Э. И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 600 с.
18. Фальк И. П. Записки путешествия 1768–1774 гг. // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6. 546 с.
19. Чугунов С. М. Старинное татарское и следы других кладбищ в «юрточной» части г. Томска // Известия Императорского Томского университета. 1904. Кн. 24. С. 237–256.

ТРАДИЦИОННЫЕ КАЛЕНДАРИ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО МАТЕРИАЛАМ XVIII–XXI ВЕКОВ (КЕТЫ, ОБСКИЕ УГРЫ, САМОДИЙЦЫ): ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Г. С. Врганесян

Россия, г. Москва, Центр изучения религий, РГГУ

Памяти Михаила Федоровича Косарева

В работе рассмотрены традиционные календари кетов, обских угров и самодийцев, населяющих Урал и Западную Сибирь. На основе анализа календарной лексики (КЛ), выявлены общие и особенные черты структуры традиционных календарей народов региона, сделана попытка реконструкции общего архетипа календаря. Показана роль Ильина дня и периода наста в формировании календарных мифов народов региона. Выявлено влияние этнических и культурных контактов народов региона на формирование календаря. Изучена трансформация календарной лексики во времени на примере оленеводства. Показано, что для появления новой календарной лексики при смене хозяйственных занятий требовалось не менее 100–120 лет.

Ключевые слова: традиционные календари народов Урала и Западной Сибири, общие и особенные черты календарей, архетип календаря.

TRADITIONAL CALENDARS OF THE PEOPLES OF THE URALS AND WESTERN SIBERIA BASED ON THE MATERIALS OF THE XVIII–XXI CENTURIES (KET, OB UGRIANS, SAMOYEDS): GENERAL AND SPECIAL

The paper considers the traditional calendars of the Kets, Ob Ugrians and Samoyeds (Nenets, Selkups) inhabiting the Urals and Western Siberia. Based on the analysis of calendar vocabulary, common and special features of the structure of the traditional calendars of the peoples of the region revealed, an attempt made to reconstruct the general archetype of the calendar. The role of Elijah's Day, the winter solstice and the snow crust period in the formation of calendar myths of the peoples of the region shown. The influence of ethnic and cultural contacts of the peoples of the region on the formation of the calendar revealed. The transformation of calendar vocabulary in the region, studied on the example, of reindeer husbandry. Shown, that it took at least 100–120 years to change the calendar vocabulary when changing the main economic practices.

Keywords: traditional calendars of the peoples of the Urals and Western Siberia, common and special features of calendars, calendar archetype.

1. Введение. Необходимость исследования мотивируется важностью сравнительного исследования КЛ как историко-этнографического источника, а также появлением большого числа новых работ по теме, не вошедших в ранее опубликованные, – монографии А. В. Головнева [26] и обзорной работы Ю. Б. Симченко, А. В. Смоляк, З. П. Соколовой [66, с. 204–252]). В работу включены календари обских угров, кетов и самодийцев (ненцев, селькупов). В большинстве своем эти народы практиковали разные варианты охотничье-рыболовной экономики, характерной для населения таежной полосы между Средней Обью и Средним Енисеем, по меньшей мере, с эпохи поздней бронзы [41, с. 63–67]. Освоение тундрового оленеводства (ненцы, не позднее XVII в.) [25, с. 96, 97] существенно изменило календарную лексику, но реликты календарной лексики доолeneводческой эпохи в календарях сохранились.

Традиционным календарям народов Западной Сибири посвящено большое число работ, укажем лишь некоторые [7, с. 14, 15; 8, 266–268; 15, 33–41; 23, с. 79, 80; 26, 349–373; 30, с. 18; 34, с. 46–48; 36, с. 206–208; 38, с. 146–153; 39, 2000; 40, 2004; 43, с. 46–49; 44, с. 81–84; 45, с. 101–102; 47, с. 14, 19–22; 49, с. 72–80, 90–102; 52, с. 55; 53, с. 82, 83; 54, с. 379; 55, с. 211–216; 66, с. 202–253; 68, с. 74–103; 69, с. 129–135; 70, с. 79–81; 72, с. 284–303; 78, с. 116–138, 150–167; 80, с. 76–77; 82, с. 44; 84, с. 234, 235; 93, с. 252–253; 94, с. 247] и др., остальные можно найти в библиографии работ [26, с. 578–599; 47, с. 26–29; 66, с. 237–243; 69, с. 666–745; 72, с. 418–475; 78, с. 150–167]). Наиболее подробно изучены, по-видимому, календари обских угров [23, с. 79, 80; 26, с. 349–363; 34, с. 46–48; 52, с. 55; 68, с. 74–103; 69, с. 129–135; 72, с. 284–303; 78, с. 116–138; 88, с. 129–131; 92, с. 30 и др.]. Число опубликованных (известных автору) календарей народов Урала и Западной Сибири более двух сотен, что дает возможность для анализа особенностей структуры, семантики и динамики её трансформации в связи с изменениями климата, хозяйственных занятий и/или языка. Первые записи были сделаны, по-видимому, Н. Витсенем в конце XVII века (модоры, цит. по Г. Ф. Миллеру [49, с. 74, 75]).

Современное население региона формировалось в результате интенсивных межэтнических контактов, что делает регион удобной моделью для изучения влияния различных факторов – экологии, экономики и этнических контактов на календарную лексику, а также для оценки степени взаимного культурного влияния кетов, обских угров, самодийцев и тюркоязычных народов Саяно-Алтая (см. напр. [41, с. 21–24]).

Подробное описание природных условий Западно-Сибирской равнины и их влияние на хозяйственные занятия населения в рамках данной работы излишне, сошлемся на монографии [41, с. 30–80; 81, с. 5–23]. Особенности региона является высокая влажность большей его части в течение всего года, усиление континентального характера к юго-востоку, и, в силу этого, ландшафт, обеспечивающий разнообразие условий проживания и хозяйствования. Также для региона характерны сильная заболоченность и длительные весенне-летние половодья. Снежный покров высотой до 40–90 см сохраняется 220–260 дней. Среднегодовая температура от –3/–6,5°, средняя января, минус –21–23°, средняя июля, плюс 13–17°. Количество осадков 450–700 мм в год [86, с. 198, 199, 376, 377, 296, 297]. Изменчивость направления межсезонных ветров – причина неустойчивой погоды

весной и осенью. Периодические изменения границ тайги, приводящие к изменению режима рек, изменению зеркала водоемов обусловлены климатическими циклами с двумя основными значениями в 35–45 и 70–90 лет. Отступления тайги имели место в XIX веке (1800–1840 и 1865–1910 гг.) и один (наступление тайги на тундру) в XX веке (1920–1970) [89, с. 22]. Это могло отразиться и на основных хозяйственных занятиях населения и на календарной лексике (КЛ).

1.1. Задача исследования. Задачей исследования является анализ календарной лексики (КЛ), семантики названий некоторых месяцев, структуры календарей и факторов, влияющих на их формирование и трансформацию. К последним следует отнести, в первую очередь, изменение основных хозяйственных занятий и языка коммуникации. Что касается возможного влияния на КЛ степени естественной освещенности, то необходим анализ названий месяцев, примыкающих к опорным точкам солнечной эклиптики – солнцестояниям и равноденствиям.

Ввиду близости экологии всей тундровой зоны, и полноты охвата, в работу включены и КЛ европейских ненцев. Особый интерес к календарям кетов в силу их давнего пребывания в этом регионе и их участия в формировании не только селькупов, но и других этносов региона (см. напр. [11, с.130–132]).

Поясним основные термины. Под календарной лексикой автор понимает названия светил, суток, месяцев и сезонов года. В известной степени это определение перекликается с понятием темпоральной (см. напр. [16, с. 52–59]) или календарно-временной лексики [78, с. 69], включающей термины и понятия, связанные с измерением как малых (день – ночь), так и больших (месяц – год) промежутков времени.

Представляет также интерес понятие «календарная система», которое активно используется в различных контекстах (см. напр. [40, с. 57–60; 54, с. 379; 72, с. 291, 299]). В плане описания и измерения календарного времени «календарная система» обычно определяется как тип календаря: лунный, солнечный или звездный. Но, по-видимому, наиболее емким является определение её как фреймовой, то есть системы понятий «элементы которой соотносятся таким образом, что для понимания одного из них необходимо осознать всю структуру, компонентом которой он является» (см. напр. [78, с. 58–61]). С учетом этого, кроме типа календаря (лунный, солнечный или звездный) это понятие должно включать и другие элементы, а также алгоритмы, обеспечивающие её долгосрочное функционирование.

Из перечисленных работ лишь в некоторых [26, с. 295–363; 47, с. 11–29; 78, с. 116–138; 72, с. 283–303] есть анализ разных аспектов структуры и семантики КЛ. В работе [78, с. 77–109] это ещё дополнено полноценным лингвистическим анализом КЛ.

1.2. Общие сведения. Признавая необходимость изучения календарей как важных маркирующих признаков той или иной этнической группы большинство исследований имеют характер описания, ограничиваясь, в лучшем случае, группировкой месяцев по тем или признакам (природные, хозяйственные и др.). Приемлемо мнение З. П. Соколовой о необходимости исследования КЛ этнических групп коренного населения Сибири на изолированных перифериях языковых ареалов, сохраняющих традиционные отрасли хозяйства. Особенно, это касается

вопросов датировки начала года, соотнесения их с григорианским календарем, а также сравнительный анализ КЛ у разных групп населения [69, с. 135]. Хотя имелись в виду обские угры, но сказанное можно отнести ко всем группам коренного населения Сибири. Можно его дополнить необходимостью сравнения КЛ и структур календарей в регионе для выявления степени культурного и этнического взаимовлияния их носителей.

Одна из первых – работа Г. Ф. Миллера, в которой приведена КЛ кетов, самодийцев, эвенков, бурят и др. [49, с. 72–80, 90–102]. В работе П. Третьякова есть сведения о календарях народов Туруханского края, – «остяков» (кеты), «тазовских остяков» (селькупы), «юраков» (ненцы), «карасинских самоедов» (энцы), «авамских самоедов» (нганасаны), тунгусов (эвенки) и др. [80, с. 76, 77].

Обзорная работа Ю. Б. Симченко, А. В. Смоляк, З. П. Соколовой [66, с. 202–253], включающая, если не все, то большую часть известных к этому времени традиционных календарей стала, в некоторой степени, знаковой. В ней были выявлены некоторые черты сходства и различия календарей народов Западной, Восточной Сибири, Саяно-Алтая, Дальнего Востока, Чукотки и др. Отмечен общесибирский характер зимнего месяца – «орла», выявлены характерные названия (селькупы, кеты) середины сезонов. Однако сильное различие природных условий, ХКТ и очень большой объем фактического материала не дали возможностей для подробного анализа как общих вопросов (число сезонов и месяцев в солнечном году, исконность КЛ, структура и архетип календаря и т. п.), так и частных – различные названия одних и тех же месяцев у соседних этнических групп, особая роль оленеводства при формировании КЛ и др. Но в целом можно согласиться с предложенным выводом о вероятном существовании архаической общей календарной системы, обусловленной природными условиями [66, с. 205–236]. Ещё одно важное достоинство этой работы – она существенно стимулировала изучение традиционных календарей народов Сибири и Дальнего Востока.

А. В. Головневым был сделан анализ структуры календарей и семантики названий месяцев у ненцев, селькупов и обских угров. Несмотря на новизну материала и важность полученных в работе результатов [26, с. 323–329; 342–348; 371–377], подробное её рассмотрение в рамках работы избыточно, поэтому приведем лишь выделенные им «главные темы». У селькупов – это «живая природа в собирательном значении «звери»; у тундровых ненцев – это особенности взаимоперехода сезонов и отражение биоцикла домашнего оленя. У обских угров «основных измерений, определяющих год – время» больше, в их числе «серединная ось» – январь – август, птичье – рыбий цикл, летний «олeneводческий ряд» и т. д. [26, с. 346; 328, 329; 377]. К сожалению, использованная в работе база КЛ не всегда была «привязана» к конкретным её носителям, что затрудняет конкретные сравнения. Также нет в ней и сравнений с КЛ кетов, сыгравших важную этническую роль в формировании селькупов и некоторых групп северных обских угров [11, с. 130–132; 19, с. 86–90]. Без учета этого влияния трудно понять и восстановить (хотя бы в общих чертах) картину культурного взаимовлияния, динамику изменения КЛ и, что очень важно, архетип(ы) традиционных календарей Западной Сибири.

Анализ КЛ народов Сибири и Северной Азии был сделан А. В. Лушниковой, рассматривались названия месяцев по сезонам (года) в уральских, тунгусо-мань-

чжурских, палеоазиатских и тюркских языках Сибири. Эти данные сопоставлялись с названиями месяцев в индо-европейских языках (русском, европейских, др. индийском, др. греческом, иранских и др.). Месяцы «орла» и «вороны», рассматривались особо, противопоставлялись основные сезоны года – зима и лето, как «маркеры Нижнего и Верхнего уровня мироздания» [47, с. 12–18].

Зима соотносилась с образом хищников (медведь, волк) – носители мужского начала, локализованные в нижней части вселенной. Летний сезон соотносился с копытными (олень, лось, лошадь), соотносимых с женским началом, они «были связаны с верхней частью модели Вселенной – областью бессмертия, воплощенного в высшем, Небесном божестве» [47, с. 25]. Предлагаемая ею оппозиция образов «медведь – лось» для лесотаяжной зоны и «волк – олень» – для тундровой и степной, носила, в целом, формальный характер, поскольку биология северного оленя и представителей южных видов оленей (например, изюбря) существенно отличны. В состав женских образов был включен горноста́й (без всяких мотивировок), который ни к копытным, ни к травоядным не относился.

Цикл исследований календарей селькупов и других народов выполнен С. Ю. Колесниковой [38, с. 148–150; 39; 40] и посвящен разработке таких важных вопросов, как исконность селькупской КЛ (темпоральные термины), зафиксированной в XIX–XX веках, включая генезис названий некоторых месяцев (орла), реконструкция КЛ у носителей некоторых археологических культур (релкинская) и др. Исконно селькупскими она считала термины *tel* – день и *pi* – ночь, возникшими в праселькупский период, а также считала, что «слово и понятие (!?) зима – *ke* было заимствовано у кетов». Лексема *taupsan* – лето наступает (букв., в переносном «весна») и термины лето (*танг*) и осень (*кандек*) возводились к уральскому лексическому пласту [39, с. 12–14]. Появление названия «месяц орла» было приписано существованию фратрии орла у селькупов, причем это название «имело общие истоки у селькупов и кетов» [40, с. 215, 216].

Отметим спорные тезисы работы. Претензия на общеселькупский характер выводов работы упирается в отсутствие языкового единства. О приемлемой однородности КЛ, можно говорить лишь в северном наречии (весна – *утты* [31, с. 113; *утты*, *шеттыр* [35, с. 153, 166]; лето – *тауы* [31, с. 166; 35, с. 131]; зима – *кэт* [31, с. 136]; *кэ* [35, с. 38]; осень – *арат* [31, с. 166]; *ара* [35, с. 26]. У обских селькупов (среднеобск. говор, шешкупы): весна – *о́дыт*, зима – *кат*, лето – *таыт*, осень – *арат* [12, с. 52, 61, 66, 74]. У кетских селькупов: весна – *тагыпсан*; зима – *кэ*, *кэтты*, лето – *тагы*; осень – *эпра* [1, с. 86, 99, 107, 117]. Весна, как промежуток между зимним и летним «годами» у самодийцев, в первую очередь, соотносилась с понятием «наст» [51, с. 185, 186].

Мотивировка появления «месяца орла» названием одной из фратрий (Орел vs Кедровка), требует обоснования, ввиду полного отсутствия в КЛ селькупов «месяца кедровки». Из чего следует, что названия месяцев не имеют прямой связи с фратриальным делением и семантика названия «месяц орла», остается по-прежнему, нераскрытой.

Обзор и анализ КЛ с учетом особенностей традиционной культуры носителей восточно-хантыйских и южно-селькупских диалектов есть в работе М. Н. Тоноян. Проведен анализ структуры и семантики составляющих КЛ – месяц, год, луна,

ночь, день и др. в ряде диалектов восточных хантов (васюг., салым., тр-юган.) и южных селькупов. Показан фреймовый характер понятия «календарная система». Наименования месяцев в обоих языках образованы одинаково путем сложения именных или глагольных основ плюс лексема «месяц». Среди южноселькупской (кетский говор) КЛ выявлены ранее неизвестные названия: *амнай* – голодный (июнь), месяц подготовки таежного зверя к зиме («тайга зверь стать зимним»), шестой (*kutmet*) месяц, февраль «последний месяц» и др. Были выделены шесть тематических групп наименований месяцев в селькупских и восточно-хантыйских календарях. Наиболее многочисленную группу в обоих языках составили названия природных особенностей и хозяйственно-трудовая деятельность и меньше всего – наименования, связанные с культово-религиозными представлениями [78, с. 70–90, 116–138].

В. И. Сподина привела данные по КЛ обских угров и лесных ненцев, в некоторых случаях сделав сравнительный анализ семантики КЛ. Выявлены новые названия месяцев (казымские ханты). В некоторых из них использован термин «пора» (вместо обычных *тылыщ* или *ики*). Это: *йилуп тал хатал тылыщ* – новой зимы месяц»; *тал сахар тылыш* – зимнего стойбища время (январь); *вухсар улты пура* – время лисице спать (начало февраля); *кушар шахты пура* – бурундука свистеть время (конец марта – начало апреля,); *вой хул нёхласты пура* – зверю-рыбе гоняться время (февраль – март) и другие. Отмечалось, что маркерами границ сезонов служили перелетные водоплавающие и особенности биологии северного оленя (гон и отел). В календарях северных хантов преобладают фенологические названия месяцев, отражающих рыболовство и оленеводство и, в целом, они ближе к ненецким [72, с. 292–295, 284–303].

В календарях манси более отражены природные явления, затем охота и, менее всего, рыболовство. Доминируют названия, связанные с фенологией, в меньшей степени с поведением фауны, хозяйственной деятельностью человека, православным календарем и др. (специфические названия месяцев, связанных с православным календарем и праздниками, – «Микола» (< Николай), Покров (*пукров-енхеп*, манси), Илья – *хотал* (Ильин день) или хозяйственными событиями (уплата налогов, ярмарки < *ярминки*). Уточнено деление межсезонья «весна» у лесных ненцев [72, с. 304–307, 411, 117].

Но есть и спорные выводы. Названия июля (месяц луговых озер) и августа (месяц лесных озер) у сосвинских манси никак нельзя соотносить лишь с фенологией, так как имеют хозяйственный смысл (малые и большие соры городить месяцы) [34, с. 46,47; 23, с. 79, 80] – свидетельство важной роли рыболовства. То же самое относится и к ломбовожским манси [33, с. 146]. С учетом большого числа привлеченных внешних примеров было бы не лишне пояснить факт начала отсчета зимнего сезона с конца октября у разных групп населения, живущих в междуречье Оби и Таза, выявленный в [24, с. 66; 45, с. 101–102; 70, с. 80]. Есть и ссылки на названия месяцев с ошибочными или неясными формулировками. Например, *хор войхул воханты*, *нёхласты пура* – месяц гона крупных животных (сентябрь, казымские ханты) включал и медведя (!), хотя известно, что гон медведей завершается в середине июля. В календаре кондинских манси апрель указан, как «месяц посева пшеницы» (!?) [72, с. 295, 301]

Для дальнейших сравнений рассмотрим календари кетов. Хотя первая запись («енисейские остяки») была сделана ещё в XVIII в. [49, с. 79, 80], основной источник КЛ кетов – монография Е. А. Алексеенко [2, с. 38, 39]. Одна запись конца первой пол. XIX в. есть в [80, с. 76]. М. А. Кастрен опубликовал две записи, сделанные им в 1845–1849 гг. у имбатских (13 месяцев) и сымских кетов (неполная, есть названия лишь 7 месяцев) [94, с. 247]. Ещё одна неполная запись (6 месяцев) была сделана К. Доннером (см. [2, с. 39]). Календарь кетов (и югов, фрагмент с названиями отдельных месяцев) есть в работах Г. К. Вернера [16; 17].

Имеющийся материал, несмотря на разные хозяйственные занятия и широтный разброс обследованных общин кетов, дает достаточно близкую картину. Это общие названия большинства месяцев – орла (*динуп*, февраль – март), бурундука (*конуп*, апрель), линьки малых и больших водоплавающих (июнь – июль), половины (середины) лета – август, листопад (сентябрь – октябрь), замерзания земли (*бангта:л*), месяцев коротких (декабрь) и длинных (январь) дней и др. Пара декабрь – январь маркировались как «коротких» и «больших» дней с вариантами (*кяггып* < *кя* – большой, крупный великий, *кябесь* – расти, вырастить [17, с. 66]). Характерная черта КЛ – разные названия одних и тех же месяцев, особенно летних. Август, кроме орнитоморфной маркировки *илбенанг* – поздних (водоплавающих) линьки месяц, назывался ещё *чаап* (сусил) – месяц середины лета, *бонтунгдонъ хыбъ* (первое руно сельдей) или *даангип* (травяной) [2, с. 39; 17, с. 128; 49, с. 102, пр. 229; 80, с. 76].

Как и в других традиционных календарях народов Западной Сибири, в календарях кетов фенологические названия месяцев, отражающие уровень естественной освещенности (декабрь, январь) или выделенный особо «месяц середины лета» (август), отмечающий перелом погоды «на зиму» после Ильина дня, сочетаются с названиями природных явлений (*икромет*, листопад, замерзание земли и др.), и хозяйственными названиями месяцев (рыбной ловли удочкой, котцовый, пешей охоты и др.). Отсчет « годового » времени начинался с месяца бурундука. Отметим единичное в КЛ региона название февраля *кажетын* – сохатого (месяц) [2, с. 38, 44]. Форма и значение названия месяца часто расходятся. Одинаковое обозначение зимней (декабрь – январь) и летней (июль – август) «пары» месяцев, как малых (*Uieng chaap*) и больших (*chaap*) [49, с. 79, 80], формируют симметричную структуру зимнего и летнего сезонов. Подход к главному событию («верхушке») сезона с переломом погоды маркируется ступенькой «малый – большой». Оленеводство в КЛ кетов практически не отражено [2, с. 40]. Название луны (месяц) имеет много вариантов – *чаип* (*чаап*), (*к/г*)*ип*, *хеп* и др., при этом в кетском и югском языках форма *кги'п* / *хеп* имеет также значение «дед» и «медведь» [16, с. 54], семантически сближаясь с селькупской, хантыйской и ненецкой (тундр. диал.). Вставные месяцы по материалам работы [2, с. 38, 39] выявить не удалось.

Календарная лексика южных самодийцев (*маторы*, *камасинцы*, *тайгийцы*, *койбалы*, *карагасы*), населявших отроги Саян, представлена лишь одной записью календаря маторов? сделанной Витсеном (XVII век). Счет календарного времени начинался, по-видимому, с осени (октябрь?). С опорой на *ki* – соболь (карагасский, маторский и тайгийский), первый осенний месяц (*kisir*) будет фактически «соболиным». Календарь содержал 12 месяцев, и вслед за октябрём шли месяцы малого

(*Utschungbu*) и большого (*Urgu*) морозов (*doukte*). Январь считался «серединой зимы» (*kon dsirra*). Название февраля как «измороси месяца» *kurbung kistitn*, является единственным в КЛ населения региона. Время прилета малой воробны (в отличие от “большого” зимующего ворона) – март, и выхода бурундука (*orum*) – апрель (период последнего наста). Также отмечался «летний средний месяц» – *tan dschira kistitn*, – август [49, с. 74,75, 93–95]. Особая маркировка середины сезонов (зима – лето), сближает его с кетскими и большинством селькупских календарями, записанных в XIX–XX вв.

2. Календарная лексика и её особенности.

2.1. Названия светил, месяцев и суток. Названия светил (Луны и Солнца) – обычно самая консервативная часть лексики. Население Западной Сибири и сопредельных территорий (Южная и Восточная Сибирь) говорит на уральских (обские угры, северные самодийцы), алтайских (алтайские тюрки, чулымцы, хакасы, шорцы, эвенки, буряты, тувинцы и др.) и енисейских (кеты) языках. Многообразие формы лексемы “луна (месяц)” в уральских и енисейских языках (*xun/kin, tui*), контрастирует с единообразием названия месяц (“луна”) в тюркских (*ay*) и тунгусских (*бега*) языках. Ниже приведены названия солнца, луны-месяца и суток.

Названия светил у обских угров различны, и не имеют аналогов в других языках. Огласовки лексемы Солнце (*gotl* – ханты, *хотал* – манси) близки, в отличие от названий Луны. Кроме того, для обозначения солнца, в хантыйском используется лексема *най*, имеющая и второе значение «огонь». Восход светила описывается глаголом *этты* – появиться, заход – *дѳнты*, имеющий значение входа в замкнутое пространство [27, с. 178].

«Луна /месяц» у хантов имеет два основных названия. У восточных это *ик(э/и)*, со значениями: 1. Луна 2. Старик [75, с. 52], у остальных групп хантов лексема «луна / месяц» имеет форму *тыл(ы/а)(сь/и)* (без этимологии). К хантыйскому *тылысь* по огласовке очень близки удмуртское *толэзь* [18, с. 224] и коми *толысь* [79, с. 112–114]. У манси луна-месяц *этнос* – ночи свет/ ночное светило (*эт* – ночной, ночь, *нос* – свет, северные манси). Солнце *хотал*, *эт* – ночь, *этанг хотал* (букв. ночь–день) – сутки [87, с. 65], то есть отсчет суточного времени идет от ночи. Второе обозначение Луны – месяца у манси, – *йенгхун / энгхун* («вращающийся», конд.) [57, с. 139]. Название дня и солнца у хантов *gotl* (вас., вах., салым., юган., аган.), но в некоторых диалектах (вах., вас.) для обозначения солнца используется и лексема *sünk* [75, с. 175]. Для счета времени ханты использовали термин день *gotl*, при этом лексема *joypen* – ночь, использовалась только при счете ночного времени (васюг.) [78, с. 75].

У разных групп сосвинских манси (ПМ В. Н. Чернецова, первая треть XX в. [34, с. 46–48]) использовались два названия луны-месяца, – мансийское *этнос* и хантыйское *тылысь*. Комбинированные записи известны у других групп манси, в них лексема месяцев сочетаются с хантыйским *тыЛлц* (обские и обдорские манси): май «месяц высоты воды (когда поднимается вода в Оби)», – *соува тыЛлц* (обск.) «месяц теплой погоды» (май); *ай лар тыЛлц* (обд.) – месяц маленького паводкового озера (июнь) и др. [23, с. 79, 80].

У тундровых ненцев, живущих в междуречье Оби и Енисея, название Солнца

хаер. Наряду с ним используется термин *яля* с исходным значением «свет, день». Обозначение луны – *иры* [27, с. 178, 181]. У некоторых групп – *ярий* (юраки) [56, с. 78], *ирий* [84, с. 234, 235], *гирий* (ненцы Канинской и Большеземельской тундры [91, с. 480]). Ночь – *ни*. *Писавэй яля* – сутки (*ни* – ночь; *савэй* – вместе, *яля* – свет, день [83, с. 56, 100], то есть отсчет суточного времени от ночи.

У северных селькупов лексема *чѐлы* обозначает и день, и Солнце, с той лишь разницей, что при обозначении солнца добавляется частица – *ты*’, как маркер уникальности объекта. Также маркируется и Луна – *ира-ты*’ [27, с. 181] (см. также *ирят* в [85, с. 105–108]). Названия луны (месяц) у носителей центральных и южных групп селькупов несколько отличаются (*арѐт*, *ӓрет*, *а’ред/т*, *иррет*, *ирѐт*, *иреде*) [1, с. 110; 44, с. 81–84; 49, с. 96, пр. 135] и др. В целом огласовка лексемы луна-месяц по всем диалектам близка. В названии солнца меняется начальная согласная (*ч* > *т*), – *тѐлы* (кетский диал.), *тѐлт* (ср. – обский диал.) [1, с. 135; 12, с. 84]). Для обозначения ночи используются лексемы 1. *Лыпыкын*. 2. *Пит* (тазовские селькупы) [31, с. 161]; *пит–ты*) [1, с. 114] (кетский говор).

Описание рождения нового солнца дано в антропоморфном коде. *Чель сыгаль бытыль ира* – название января у «тазовских остяков» [80, с. 76]. *Чель* – солнце (турух. говор). *Сыгыл(ко/гу)* – влезть, забраться, перелезть (об., кет., [13, с. 310, 219]. Начальной «б» в северных диалектах селькупского нет. При допустимой метатезе *б* > *в*, лексема «вытыль» входит в этимологическое гнездо с значением «обкатать, поскользнуться, сделать гладким, скатить, прокатить». Речь, по-видимому, о солнце “(пере / про) лезающем” некое препятствие, то есть «рождающимся», и затем “катящимся по гладкой поверхности”. Описание заката солнца (*пат–кгыл–кго*, сев. селькупы) также имеет близкую семантику – «проникнуть во внутрь чего-то, нырнуть, зайти» [35, с. 27, 97], и близко по смыслу с хантыйским (см. выше).

По Г. К. Вернеру в енисейских языках слова день *и*’ и солнце (*и* – кет.), имеют близкую морфологию, сближая также слово ночь (*си*) с понятием Луна [16, с. 56]. Если для пары “день – солнце” это приемлемо с опорой на енисейские праформы, то примеры, приведенные для пары “луна – ночь” бесспорными не являются, так как выявляют две формы названия ночи, – *сай* (арин); *си* (юг.); *шиг* (котт.); *си* (кет.) и *джу* (эджешинский говор), близкий к общеенисейской форме **tuj*. Лексемы месяц и луна в кетском (как, и в остальных енисейских языках) омонимы, – *qip* [74, с. 301]. Общеенисейская форма названия месяц (по Г. К. Вернеру.) – **suj/*tuj*, но в кетском и югском месяц *кги’н* – *хеп*, имеющие также значение «дед» [16, с. 54]. *Xig/sig* – день / ночь [74, с. 275] или *и’си* [17, с. 146, 180].

Выявляются группы терминов КЛ, близкие по огласовке или смыслу. Это название зимы (*сив / хива*) у тундровых и лесных ненцев; название зимы *ке / кэн*, *катэ* у кетов и селькупов; название луны-месяца *ира – ты / (и/я)рий* у селькупов и тундровых ненцев; название солнца (день, свет) (*ч/т*)ѐлы / *тяля* у селькупов и лесных ненцев, и *яля* (свет, солнце) у тундровых ненцев; название ночи **ни(т) / ни* у селькупов, тундровых и лесных (аганских) ненцев. И, что важно – смысловая близость и омонимия (внутри каждого языка) лексем месяц-луна, дед (в более общем смысле предок, старший по мужской линии). У тундровых ненцев *при* – дед, старший мужчина, предок, при *ирий* – месяц [83, с. 22]. У кетов лексема «медведь» продолжает этот омонимический ряд [17, с. 171, 173, 174]. У восточных хантов

обозначения луна и старик – омонимы (*ики*) и близкую огласовку имеет лексема медведь, – *их* (*э*) [75, с. 53]).

Лексема «месяц» в южно-самодийских языках: тайгинском – *kischtin*, карагасском *kistit*, моторском – *kistitn* [95, s. 55]. По огласовке к ним близки нганасанское *к(и/ы)(м/ч)еда* и юкагирское *кинид(ь/ж)е* [22, с. 9].

2.2. Сезонная структура календарей. Особенность структуры календарей народов Западной Сибири – выделение двух «годов» – зимнего и летнего, отмечали почти все исследователи. Это было устоявшейся календарной практикой, сохраняющейся ещё в XX в.

По Г. Ф. Миллеру у туруханских самоедов год начинался с *otur iri* (осенний месяц, сентябрь). Названия сезонов года – зима *сира*, весна *наре*, лето *то* [49, с. 79]. Названия остальных месяцев информанты ему не сообщили. У тундровых ненцев богом времени был Нугэмбой (дух звездного неба) [82, с. 127]. Это можно полагать маркером начала зимы (конец сентября), когда вымерзание влаги максимально повышает прозрачность атмосферы, способствуя лучшей видимости и «рождению» созвездий. Зима – *сыра*, *сыв*; лето – *та*, *тангы*; осень – *нэре*, *сельбя*; весна – *нара* (до ледохода) и *юнуй* (после ледохода) [83, с. 70; 72, с. 290]. В ненецком (тундр.) *та'(н)* – год–лето, включающее в себя конец весны и лето. *Сыра* 1. снег 2. “год – зима”; *та'* – “год – лето”. Переходный период между зимним и летним сезонами делился на две части, первая *нара* – до ледохода, и вторая *юнуй* – после ледохода [76, с. 644, 574, 285, 815]. То есть маркером границ сезонов первоначально было состояние воды и льда. Это весьма вероятно с учетом экологии Западной Сибири – обилия рек и озер и их роли в экономике.

Нарастающее доминирование оленеводства привело к появлению системы отсчета времени, основанной на биологии оленя (гон, отел) и их внешнего вида (состояние рогов, шерсти и др.). А. В. Головнев выявил семь сезонов (своего рода переходная ступень к календарю) в годовом цикле у тундровых ненцев. Это *сырей* (снег), *сыв* – время холодного солнца, *нара* – снежного наста, *юнуй* – половодья, *ендя* – жары, *сельвенянгы* – дождей и чистки рогов, *нэрей* – осень. Летний год начинался с начала отела и завершался с чисткой рогов от кожи. Начало зимнего года определялось по гону оленей и выпадению снега (замерзанию воды) [26, с. 302, 303, 325, 328]. Начало отсчета зимнего «года» – гон домашнего оленя *хор иры* – октябрь [82, с. 44]. То есть у разных групп тундровых ненцев начало сезонов могло смещаться в пределах 1-2 месяцев в зависимости от выбранных маркеров. Заметим, что отсчет времени по выпадению снега и замерзанию воды объективным маркером быть не может, поскольку начало замерзания малых и больших водоемов могут быть очень сильно сдвинуты по срокам, то же самое относится и к срокам формирования снежного покрова.

Целесообразнее опора на данные Л. В. Хомич, согласно которым отсчет «годов» начинался с полнолуний (*минюй*) – в месяцах половодья (летний) и листопада (зимний) [84, с. 234, 235]. Он представляется и более архаичным, так как не связан с оленеводством и наличие «месяца листопада» в большинстве календарей селькупов, кетов, обских угров, лесных ненцев, энцев и др. – убедительный довод в пользу этой модели. Привязка отсчета времени к полнолунию понятна, поскольку

ку длительность периода безлунного неба (нуомении) сильно зависит от состояния атмосферы. В соответствии с реалиями *совогылу минюй* – время разлития вод, июнь – в записи Третьякова [80, с. 76]. Если *минюй* – полная луна (см. выше), то эта идиома сравнивает с полной луной максимальный уровень разлива воды. *Гылу* по смыслу и огласовке соотносится с *уылы* < нижний, ниже чего-то [76, с. 409].

Лесные ненцы начинали зимний год с *кот дири* – гона оленей, летний с *ветесь дири* – размножения птиц месяц [26, с. 303]. Согласно В. И. Сподиной, сезоны: весна – *выну*, лето – *тангичу*, осень – *мыличу*, зима – *хивы*. По огласовке они близки с названиями лета – *тангы* и зимы – *сыв* (с метатезой с > х) у тундровых ненцев. По уточненным данным «холодное время зимы» – *хывң* входило в период *хыда* – снег, а период *таңы* «комаров время», вмещало понятие «лето» [72, с. 286, с. 288, 290].

У аганских (лесных) ненцев (оленеводы), летний и зимний «годы» также делились на части. Первая часть летнего года начиналась со схода снега и льда до появления листвы. Вторая часть начиналась с рождения листьев и завершалась их пожелтением после первых ночных заморозков, начало которых определялось появлением первых льдинок на веслах. Зимний год завершал месяц наста, начало которого совпадало с прилетом орлана. Другие группы лесных ненцев (без доминанты оленеводства) зимний год начинали, по-видимому, с листопада (август) [55, с. 212, 214]. Но, скорее всего, это не единственные способы маркировки начала нового сезона. У пуровских ненцев одно из названий августа *тыту ширша дири* – олений дымокур прошлогодним становится [30, с. 80], что вполне можно считать маркером начала конца летнего «года», так как в августе комары и гнус исчезают. То есть оленеводческие реалии встраивались в календарную модель, в которой «начало конца» лета маркировалось началом листопада, с похолоданием после грозных дождей на стыке конца июля – начала августа.

У восточных хантов зима – *тал*, лето – *лунг*, год – *ал* [78, с. 75, 70]. Понятие *ал* – год, считалось дериватом лексемы *äləŋ* со значениями: 1. Начало. 2. Конец [50, с. 26]. Пара *tal' – lun* (зима – лето) также обозначала год [78, с. 125]. В приуральском диалекте, *тал* «зима – год». *Тала – луһан* – зимой – летом (перен. весь год) [60, с. 8, 16]. По М. Б. Шатилову (вост. ханты) [88, с. 129–130] названия «годов» *этих* – холодно и *мелек* – тепло, вах.). У аганских хантов основные сезоны: год / зима – *тав*, год / лето – *доң* [78, с. 286].

Бытовало представление о весне (*товви, тав, тавы, тавэн*) и осени (*сус, тон сугысь, сухусь*). Лето, кроме названия “*лун*”, называлось ещё *сун, сунг, тон, монь*, а зима, – *тульпу, тулих* (ханты) [68, с. 77]. *Товви* – весна состояла из двух частей: *тал товви* – зимняя половина весны, *лук товви* – летняя половина весны (шурыш. диал. [67, с. 85]), таким образом подтверждая первичность бинарного деления годового цикла.

У южных хантов были известны четыре сезона *tete* – зима (5 мес.), *tavn* – весна (3 мес.), *тунг* – лето (3 мес.) и *sus* – осень (2 мес.). Основной сезон года – зима, поэтому отсчет “нового года” начинался с осени, реже с весны [53, с. 82, 83]. У манси зима и год назывались одинаково – *тал* (*tal* – зима). *Tuji* – лето, летом, летний [87, с. 101, 104]. Полный год назывался *талыг – тувыг* (буквально зима – лето) [57, с. 136]. По сообщению И. Г. Георги у остяков (хантов) год начинался

между 14 и 21 октября [24, с. 66]. С. К. Патканов считал, что основной сезон, с которого начинался отсчет календарного времени – зима, и поэтому у хантов отсчет начала календарного времени («новый год») идет с осени и намного реже с весны [53, с. 82, 83].

Из работы З. П. Соколовой следует, что новый год начинался с января у куноватских, сынских, ваховских и казымских хантов. Весной начинался отсчет нового года у ваховских (март, апрель) и васюганских хантов (март). В сентябре – октябре начинали отсчет годового времени ваховские, салымские, тромъеганские, среднеобские ханты. В декабре новый год начинали нижнеобские ханты. Появление промежуточных сезонов (весна – осень) – явление более позднее [68, с. 77]. Если пренебречь разницей декабрь – январь и смещением дат при переводе данных по старому стилю на новый, то окажется, что менее всего для начала года подходила весна. Это отметил и А. В. Головнев, анализируя данные по 25 календарям хантов, из которых лишь шесть начинались весной (март – апрель) [26, с. 349].

У северных манси отсчёт «зимнего» года, шёл с начала темных ночей с «мужского» праздника Торум кан (места молитв Торуму) в августе после Ильина дня. Выбор времени проведения праздника ожидаемо совпадал с завершением основной части летнего рыболовного сезона (июль – больших *соров* месяц). Гонки на лодках по реке, которые предвворяли основные события, символизировали и переход через некий рубеж «пространства – времени», разделяющий тепло – холод, женское – мужское. Место проведения праздника – территория обитания духов предков. Праздник Торум кан был семантической оппозицией женскому празднику *Уринэква хотал* «Вороний день» (апрель), который начинался с удлинения световой части суток и отмечал начало «летнего» (женского) года [57, с. 136–137].

У селькупов *ка(й)* – зима, зимний (об. селькупы [13, с. 34]), варианты *кэ* – зима (сев. наречие) [35, с. 38]. Лето – *танг* [49, с. 96, пр. 135]. Другой вариант *тачэты*, год – лето и *катэ*, год – зима [26, с. 331, 336]. В [31, с. 135, 148] *кэ(т)* – зима, *тангы* – лето (тазовские селькупы). А. В. Дыбо допускала возможность заимствования пратюркского *kil – зима в тазовский диалекте селькупского (*кэ*), *ке* – *риа* = зима – год. При этом южно-селькупская форма лексемы «зима» *кэ'т* могла быть заимствована из кетского *кэти, кэтэ* [29, с. 144].

Информанты М. А. Кастрена началом зимнего «года» называли месяц опадания листвы *шабегедил ирейд* – август [94, с. 252–253]. Начало зимнего «года» на стыке июля и августа, совмещенное с интенсивным ходом нельмы (*вандж ирэт* – июль – август), зафиксировала Г. И. Пелих (юрты Иванкино, центр. диал., 1961 г.) [54, прил. 4]. Северные селькупы (лесотундра) начинали год с *кекса ират* – ледостав (20 октября) [45, с. 101–102]. Наступление летнего года у северных селькупов (группы не указаны) определялось сроками прилета водоплавающей птицы, в частности, уток и знаменовалось празднеством *Порый Ансэ (Сюркында)*. В канун зимнего года проводился обряд *Шурпенда Сюркында* – «похороны» лета (проводы уток). В обоих случаях происходили 3-7-дневные общинные сборы, жертвоприношения, ритуальные трапезы, шаманские камлания, пляски [26, с. 329, 336].

В работе Л. В. Хомич с соавторами [85, с. 105] дана схема перехода сезонов года: *кэт* – зима, *шетыр* – первая весна, время наста. *Утын* – весна (вторая, после стаивания снега, появление ручейков и речек, завершение отела, икромет

язя). *Таңы* – лето. *Таңы арат* – летняя (первая) осень, ночные заморозки, начало листопада, образование кромки льда на речках. *Кэй арат* – зимняя (вторая) осень. У некоторых групп северных селькупов (Фарково), отсчет начала зимнего «года» начинался после Ильина дня [37, с. 207–210].

Известно около десятка кетских календарей, в остальных языках (югский, аринский, ассанский и др.) – лишь названия отдельных месяцев. Г. К. Вернер сближал этимологии общенеисейских лексем «год» – *saga / sega* и “лето” *segala / sagara*. Он считал, что зафиксированной в историческое время четырехчленной схеме деления годового времени предшествовала трехчленная без специального выделения осени. Название летнего сезона у южных кетов *с’и:л*. К единому (общенеисейскому?) источнику могли быть отнесены лишь слова, обозначающие зиму *ке* и весну *ырь* [16, с. 53–56]. Весна *t:ri*, осень – *qogdi* [74, с. 227, 297, 302, 303].

Летний сезон *sagara/segala* у кетов, являлся, видимо, основным ввиду близкой огласовки с “год” – *saga / sega* [16, с. 53, 54]), завершаясь месяцем листопада (*ъьундаку, сентябрь*) [17, с. 170], *ондок* по [2, с. 38, 39]). Месяц замерзания земли *бангти(л/р)* [49, с. 79, 80] (октябрь, как начало зимнего сезона) – единственный в календарях коренных народов Сибири и Севера. Лексема *бангти(л/р) / бангтоль* составная, – *ба’у* – земля, *ти’у* – иней [17, с. 157, 88], *то есть иней, был главным маркером начала зимы (застывшее «дыхание» земли). Летний сезон начинался с выхода бурундука (ко’н), маркирующий период последнего наста (апрель, месяц «умирания» зимы, выход из спячки «летних» зверей, начинающийся с бурундука* [2, с. 44]).

У южных самодийцев известно сезонное деление года: зима – *kugi* (тайг.), *кио* (матор.), *gogitua* (карагасы); лето – *tanga* (тайг.); *dangatua* (карагас.); *tanga* (матор.) [49, с. 94, 95]. При близкой (или одинаковой) огласовке лексем «лето» с северносамодийским *танг*, название зимы отличается и от кетского, и от северносамодийских. Причина выбора зимы в качестве опорного сезона, в целом понятна – это самый длинный сезон года, во-вторых, в его «середине» рождается новое Солнце. Границы сезона выбирались по главным (опорным) точкам – состоянию воды и флоры (листья). Длительность сезонных «годов» сильно зависела от широты, у нганасан «зимний» год составлял восемь месяцев, летний – четыре [66, с. 205].

Приведенный материал выявляет разные модели маркировки «начала времени», зависящие от основных типов хозяйственной деятельности. Первая группа, – маркировка начала лета по появлению листвы и затем, после перелома погоды «на зиму» (Ильин день), листопад как «начало конца» летнего «года». Начало зимнего «года» – с замерзания водоемов. В некоторых случаях оно маркируется по замерзанию малых водоемов (речек) [85, с. 105], в других – по ледоставу больших рек, играющих важную (если не главную) роль в экономике. Именно этим, ледоставом больших рек (Обь, Конда, Таз, Пур и др.), можно объяснить маркировку начала отсчета зимнего сезона с конца октября у разных групп населения, живущих на берегу больших рек [24, с. 66; 45, с. 101–102; 70, с. 80]. Исключение из этой схемы – кеты, отсчитывающие начало зимы по появлению инея – замерзшее «дыхание» земли. Завершение зимнего сезона – месяц последнего наста (апрель) и визуальный маркер события – бурундук. Второй тип маркировки сезонов (очевидно более

поздний) основан на особенностях биологии и внешнего вида северного оленя, который, тем не менее, окончательно не вытеснил более архаичную фенологическую маркировку границ сезонов года.

2.3. Особенности формирования КЛ (запись, омонимия, диалектные особенности, народные этимологии).

Календарные записи той или иной степени полноты для обских угров, самодийцев и кетов известны с начала XVIII в. [49, с. 74–76]. Эти языки обрели статус письменных лишь в XX в. и поэтому достоверность и информативность записей XVIII – сер. XX вв. сильно зависит от:

- степени аутентичности передачи при записи, особенно заднеязычных (q, k, u и др.) и гласных (э > а, е, э);
- степени утери исходного смысла (и этимологий), зачастую доходящая до полных расхождений с реалиями при удовлетворительной сохранности формы (огласовки) лексем;
- смещения мест расположения месяцев при соотнесении их с григорианским календарем. В записях, сделанных до реформы 1918 года, есть ещё и разница в 13 дней между “новым” и “старым” стилем;
- малой плотности населения, территориальной разобщенности – причины появления существенных диалектных различий на грани потери языкового единства, поэтому глоссарий для одного диалекта (если он имеется) может не обеспечить правильную трактовку записи на другом диалекте;
- изменение языка коммуникации при этнических контактах, приводящее к изменению как структуры календаря, так и лексики, в итоге чего разные месяцы могут иметь одинаковые названия;
- при утере исходного смысла КЛ под сохранившуюся форму «подгоняются» омонимы, имеющие чаще хозяйственные, реже – фенологические значения.

Примеры. В ненецком (тундр.) нет исконных лексем на «а», но при этом *амдо* – трава, и это искаженный перевод лексемы *намдэ* – трава с выпадающей начальной *н(нг)*. То же самое относится и к арка (>*н(нг)арка*) – большой [83, с. 47, 48], часто встречающееся в названиях месяцев. В записи П. И. Третьякова [80, с. 76] («тазовские остяки») есть единичное название августа – *таюр иры* и пояснялся как «исчезновения комаров месяц», при том что комар – *ненянг* [83, с. 38; 76, с. 301]. *Таюр* < *таяра(сь)* – колотья надвое, разрезать поперек [76, с. 643]. В реалиях, это резкое похолодание после грозных дождей начала августа (Ильин день), – обозначение середины летнего сезона. То есть слов «исчезновения комара месяц» в названии нет, а сохранилась более старая форма названия «перелома» месяц, – похолодание после Ильина дня, и она стала затем оленеводческим термином, маркирующим время по исчезновению комаров. Название мая *сово иры* – прилет гуся (туруханские ненцы [80, с. 76]), хотя буквально *сово* – это разлив воды. По смыслу ясно, т. к. массовый прилет гусей приурочен к началу разлива воды, но собственно лексемы гусь – *ябто* [83, с. 99] в названии месяца нет. У ненцев (Большеземельская тундра [91, с. 480]) февраль *ярий гирий* – возвращения (солнца к

лету) месяц (перен.). *Яра* (тундр. диал.): 1. нарост 2. песчаный нанос [76, с. 850]. В реалиях после зимнего солнцестояния сначала появляется край солнца («нарост») на линии горизонта. Параллельно подразумевается и состояние рогов оленя, когда сбрасываются «пеньки» (остатки старых рогов) и начинается рост новых.

В календарях селькупов *чагай ират* – январь, *чагал ираты* – «месяц, когда прилетает огромный черный орел с белой головой»; *чанга ирэт* – орлана месяц. При этом *чанго / чанг* – ловушка, петля для ловли зайца, белки (об. Ч) [13, с. 276] и также в [35, с. 155] *чаңкы* – ловушка – пасть. Ловушки для мелкой дичи ставят или сразу после рекостава (октябрь) или после потепления в феврале. Начало второй фазы зимней охоты, видимо, совпадало с прилетом орлана (январь – февраль) и хозяйственное название месяца затем возобладало, но, при этом, резкое увеличение солнечной инсоляции в этот период устойчиво соотносилось с появлением орлана. Промысел белки *табёк* [31, с. 50] начинается в начале ноября, *täpäsčyl iräty* – белкования месяц [43, с. 46–49]) и возобновляется в феврале – *чықыри кон'ирет* (букв. трескучего мороза месяц) [35, с. 161], но пояснялся как «снова белковать идем». *Холим этнос* – тетерева токуют (сентябрь, сев. манси). Тетерев – *ятри, hol* – утренник (заморозок с инеем) [87, с. 71, 67], то есть букв. «заморозков месяц», по сути «эхо» кетской календарной модели (месяц замерзания земли *бангтол*).

Куоче би иррет – половина лета. *Куочэби ирэт* (кет.), *куочэбилъ арет* (тым) – август, хотя буквально это «утки шилохвоста месяц» – *куочьче чюмбу* (кет.), у которой в начале августа завершается линька (*чямб(ы/э)тку* – одеться, кет. [13, с. 100, 293] со слиянием лексем и ассимиляцией (– *че би* < *чюмбу*). У манси *ойтур этнос* – луговых озер < *ojt* – заливной луг, *tur* – 1. озеро 2. глотка [87, с. 86, 105], с ассимиляцией *t*.

Одинаковые названия могут иметь разные месяцы. *Маттырсай иррет* – ноябрь [1, с. 36], начало первой (осенней) части охотничьего сезона. *Маттирс (а/э) ирэт* – февраль (< *мати* – тайга кет., [13, СРДС, 124]), «в тайгу (идти) месяц», – начало второй части охотничьего сезона.

Пример переноса семантики КЛ (при «переломе» погоды), – месяц *лимбий ират* являет название августа в елогуйском наречии (*лимби* – орел) [13, с. 116, 119], хотя «месяц орла» почти во всех селькупских календарях – это март (см. напр. [80, с. 76; 44, с. 81–84; 43, с. 56] и др.). Ноябрь *чықырый ират* – выпадение мелкого сухого снега (*чықыр*), плохое скольжение нарт [85, с. 105–108], при *чықыры-ль* – трескучий (мороз) [35, с. 161]. У лесных ненцев названия апреля и августа *хомодюнул'ама дил'и* – хорошей охоты на дикого оленя месяц» одинаковы [36, с. 141–142] – отражение реалий успешной поимки дикаря.

3. П. Соколова (куноватские ханты) [68, с. 88], название января *ванхат тылысь* раскрывала как “поимки оленей месяц”, хотя буквально, это “короткого дня месяц” (*ван* – короткий, *хат* < *хатл* – день, свет [67, с. 16, 15]). Январь *tal yat uoңqer* – середина зимы, крещение, хотя середина – *сым, котиль*. *Тал(и/я)х* – верхушка [61, с. 320, 121], то есть буквально «зимы верхушки месяц». У сынских хантов апрель *ункер тылысь* переведен как «месяц больших заморозков», хотя буквально это «большого наста месяц» [72, с. 293]. В шурыш. говоре (сев. ханты) сентябрь – *лыпат хойты тылысь*. *Лыпат* – лист, *хойты* – метать икру (букв.) [67,

с. 88], то есть используется «ихтиоморфная» модель для описания дефолиации (листья как «икра» деревьев), уподобляя её процессу икромета.

Октябрь – *холилёкнь* (кеты, [80, с.76]) «месяц замерзания Енисея». Термин *холилёкнь* имеет в более поздних записях близкую огласовку (*хол'онгокг, хол'онгыкг* – букв. коротких (дней) [2, с. 38], в полном соответствии с фенологией, поэтому раскрытие его как «замерзания Енисея» – обычное (в таких случаях) «наполнение» старой формы новым содержанием. Отметим, что обычно с утерей начальной семантики названия месяцев получают фенологические, а чаще хозяйственные пояснения, при почти в неизменной огласовке. В целом, этимология названий сезонов и многих терминов КЛ в языках региона утеряна безвозвратно, м.б. кроме *сыв* (зима, тундр. ненцы), восходящего, по-видимому, к *сыра* – снег (см. выше).

Существенно искажают картину метатезы (м > (н/в); уа > в; э > е, о, а, ы; б > м; нг > н, г; а > я; у > ю, д, ч > т и др.), усложняя расшифровку КЛ с учетом времени (десятки / сотни лет), прошедшего с момента записи. Термин «мороз, холод» у лесных ненцев может иметь огласовку *тестя* [26, с. 321], *чесьча* [30, с. 80]). У селькупов нельмы месяц – *вюэнджел ирейд*, при *ванж(э) < вонть* – нельма (об, кет., тым, вас, [13, с. 23); *венты* – нельма ([35, с. 28]). Но есть так же *мэнтый ират* – нельма идет на нерест [45, с.101–102]. Название марта – апреля как «бурундука (выхода) месяц», в разных записях (сельк.): *сапакей ирэт* [54, с. 379]; *щеляй ирят* [85, с. 105–108]; *себака иррет* [38, с. 152], *шэнай ират* [45, с. 101–102]. В итоге имеем ряд (и видимо, далеко неполный), – *сапакей* – *себака* – *щеляй* – *шэнай*.

Кроме естественных процессов (появление листьев, паводок, листопад и т. д.), названия которых отражаются в КЛ, есть фактор, серьезно влияющий на её формирование, и он связан с так называемой «народной лингвистикой». В её основе лежит «свойственное наивному сознанию представление о естественно-необходимом характере его родной речи» [90, с. 33]. Поэтому, встречаясь с забытыми / непонятными (то есть утерявшими первоначальный смысл) словами, народное сознание меняет его облик, подстраивая под известные. Второй – фонетическое сходство терминов КЛ, явное или неявное, достигаемое различными способами, например, перестановкой букв [4, с. 17–26].

Усложняют прочтение и анализ КЛ слитное произношение исходных лексем, входящих в название месяцев, включая и саму лексему «месяц». У кетов обозначение луны – месяца (*кип, хеп* и др.) часто сливается с названием месяца (*ди* (орел) + *хеп* (месяц) = *дигып* (*диан/дион*) – орла месяц). *Сюидыб* – промысла белки (месяц). Белка – *са'к* (< *сюи*). Промысел (охота) белки – *санно, санноавет* – белкую, *дыб* < *қип*, – месяц [17, с. 75]. Васюганские ханты: сентябрь – *n'ogotkynthytäiki* – месяц гона лосей; *jaxkutj'kytiki* – народ охотится (*jax* – народ, *kutj'kyt* – охота, восточные ханты, ноябрь [78, с. 176]). *Ойтур* йёнхеп (сыгв.) – луговых (низинных) озер < *ојт* – заливной луг, *tur* – 1. озеро [87, с. 86, 105]) с ассимиляцией начальной «*t*». *Дигып* – орла месяц, при *ди'* – орел [17, с. 184]. Слитное произношение лексем в названии месяца – первый признак утери исходного значения.

2.4. Особенности маркировки месяцев. Начало – конец. Малый – большой. Ступени и ряды. В названиях месяцев обычно отражается начало какого-либо природного явления (отел, нерест, лов рыбы, линька пернатых, гон и т. д.), но не

его завершение (конец) в силу доминанты начала процесса («рождение») над его завершением («смерть»). Редкое исключение из этого правила – месяц листопада (букв. «голых деревьев») – отражение реалий с учетом разного время начала дефолиации, но завершению его почти всегда отвечает одно время. Любой природный процесс развивается постепенно, поэтому возможно выделение, как минимум, двух разных по интенсивности стадий. Если тот или иной процесс растянут на два месяца («луны»), то первый месяц – это «малый» (начало), второй, – «большой» (завершение). Например, период наста обычно охватывал два месяца, поэтому у манси он делился на «малого» (*ай*) и «большого» (*ун, янык*) наста месяцы [87, с. 51, 114].

Сентябрь *итче кандак ирэт* – малого мороза месяц. Октябрь *варгы кандак ирэт* – большого мороза месяц [54, с. 379]. У обских угров это названия марта – апреля, малого *ай кер* и большого наста *ун кер* месяцев (ханты), также у манси *ман поль* – малого наста, *янык поль* – большого наста. Это и малой – большой осени *мань – янык тавкс* месяцы (сосвинские манси [87, с. 51, 114]). Тот же алгоритм «малый – большой» использовался для обозначения более длительных промежутков времени.

«Ряды» из названий месяцев, объединенные по какому-либо признаку, в структуре календарей встречаются реже. Самый ранний пример – ряд из трех летних месяцев с названиями кровососов был записан у «кетских остяков»: *имтунанг туи* – мошки месяц, *чатунанг туи* – комаров месяц, *лопайн туи* – оводов месяц (цит. по [49, с. 77]). Судя по тому, что им предшествовал месяц икромета *читти балс туи* – май, речь идет об июне, июле и августе. Орнитоморфный ряд есть в календаре северных селькупов – вороний месяц *кэри ирати* – февраль, *лимпи ирэти* – орлиный месяц (март), *тёкал ирэти* – гусиный месяц (апрель) [43, с. 46–49]. Ряд из трех месяцев начала зимы есть в материалах А. П. Дульзона (пос. Усть-Озерное, 1952 г.): *кыбакандакте* – осенью первый раз мороз бывает (октябрь), *н'юн'ю кандак* – маленький мороз (ноябрь) и декабрь – *вуорга кандакте* большой мороз (цит. по [78, прил. 2]). Ряд из четырех месяцев (март – июнь), описывающих динамику отела, записал В. Н. Чернецов у ямальских ненцев [34, с. 127, 128].

Динамика природных процессов может быть отражена в названиях месяцев не только по алгоритму “малый – большой”, но и фонетически. В некоторых случаях, можно выделить «ритмические» ступеньки, возникшие подбором одинаковых формантов, как способ маркировки принадлежности к одному и тому же природному процессу или явлению (созревание ягод, потепление и т. д.). *Бассе* – цветение (июль) и *муссе* созревание (август) ягод, как способ выражения степени жары (южные селькупы [40, с. 178]). *Шатир* (наст, апрель) – *пичатыр* (икромета шуки, май) в записи А. П. Дульзона (цит. по [38, с. 149]). *Хорыль* (сентябрь) – *араль* (октябрь), сев. селькупы [80, с. 76]. Южные селькупы (нарым. говор): *чобор орвешпэдэл арет* – когда ягода растет месяц, июнь – июль), *чобор вадэшпэдэл арет* – ягод сбора месяц (август); *чабла альчепэдэл арет* – опадания листьев месяц (сентябрь – октябрь) [78, прил. 2].

Северные ханты: *нобытты тылысь* – несущий лед месяц, апрель. Май – *лобыт этты тылысь* – листьев выбрасывания месяц (по В. Н. Чернецову [34, с. 46, 47]). Енисейские ненцы (юраки): февраль – *хентабова ярий* – ясный месяц; март

– *хавайунулава ярий* (дикаря охоты месяц) [56, с. 78]. Кеты: *динуп* (орел, март) – *конуп* (бурундук, апрель). *Ыданэ* (котцовый, май) – *кубэнэ* (линьки уток, июнь) – *улбэнэ* (линьки лебедей, гоголя, крохали, июль) [2, с. 38, 39].

Также отмечалось существование симметричных обозначений переходных сезонов “весна – осень” в структуре обско-угорских календарей. Осень имела “ступеньку” из “малой – большой осени” (октябрь – ноябрь), для весны характерна ступень “малый – большой (наст)” (март – апрель), разделенные примерно шестью месяцами – лунами [26, с. 350]. Осенняя ступень описывала динамику замерзания воды в малых реках и Оби.

Ступени есть и в обозначении зимних месяцев (ноябрь – декабрь) в календарях тундровых ненцев, алтайцев и др. У ямальских ненцев ноябрь – *нюдя пэвдей* – малый тёмный месяц; декабрь – *нгарка пэвдей* – большой тёмный месяц [76, с. 147]. Енисейские ненцы: ноябрь – *нюдум пэвдэй ярий*, – малый (из двух) темный месяц, декабрь – *баркгнюм пэвдэй ярий* – большой (из двух) темный месяц [56, с. 78].

2.5. Число месяцев в годовом календарном цикле. Вставные месяцы (интеркаляции). Если вести учет времени по сидерическим (27, 3 суток) лунным месяцам, то в годовом солнечном цикле окажутся 13 месяцев и около 10 суток. При среднем значении лунного синодического месяца 29,53 суток, это составит 12 месяцев и около 11 суток. То есть солнечный год содержал примерно 12–13 лун, хотя известны календари с числом месяцев менее 12. Это, например, календарь «остяков с р. Кеть», маркирующих два зимних месяца одним названием «река отдыхает месяц – *tom ulchadung tui* [49, с. 78]. В более поздних записях январь – февраль также могут быть соединены в виде «сильно дул ветер» *wark tärk ча:джесут*, селькупы) [44, с. 82] или же январь – февраль *маттельсы ирэт* – когда уходят в лес месяц [38, с. 151]. Объединение нескольких месяцев в один временной период известно и в других традициях. Например, *лакгингынгыр* – период лова осенней сельди (жировой) с августа по октябрь [62, с. 154] (нивхи), но месяца с таким названием нет. *Либгэ* – название первого осеннего снега или снегопада весной, его отличительная особенностью является “рыхлость” снежного покрова (эвенки) [73, с. 496]. Но он не имеет постоянного времени наступления, и поэтому не соотносится с определенным периодом (луной) зимнего «года», поэтому и нет месяца с этим названием.

Иногда традиционные календари «вмещают» более 13 «времен». Есть довольно простое объяснение этому. В природе, особенно летом, могут протекать сразу несколько процессов, важных для жизнеобеспечения социума. Например, сенокос и нерестовый ход нельмы (кеты, август). Если они одинаково важны и идут с небольшим «сдвигом» относительно друг друга, то все они, скорее всего, найдут свое отражение в календаре. Поэтому маркировка «месяца» подразумевала, в первую очередь, обозначение начала определенного природного явления и, несравненно реже, время его завершения. Но, основная часть традиционных календарей народов Сибири имели 12–13 «лун-месяцев» в соответствии с реалиями.

Отмечалось, что у иртышских (южных) хантов «по мере обрусения, тринадцатимесячная система постепенно вытесняется двенадцатимесячной,

причем месяцы все-таки сохраняют свои остяцкие названия» [53, с. 84]. Первые европейские исследователи Сибири, находясь под влиянием григорианского календаря, вольно или невольно пытались приспособить к нему сложившиеся традиции счета и учета времени в традиционных календарях, хотя в них имелась вполне работоспособная практика вставных месяцев. Для календарей Урала и Сибири проблема была рассмотрена в работах [26, с. 301; 20, с. 112–120], некоторые примеры даны ниже.

Северные селькупы вставку 13-го месяца, связывали, по-видимому, со временем отлета уток (или другим приметам сентября – на стыке летнего и зимнего «годов»), что являлось, по-видимому, частью обрядовой практики Утиного праздника [26, с. 330]. В календарях обских угров 13-й дополнительный месяц вставлялся через каждые два или три года сразу после зимнего солнцестояния (казымские ханты, северные манси). Было показано, что вставной месяц имел семантику «клина» *сан квем этпос* (север. манси), «раздвигающего» время, и принимал название предыдущего месяца – января («холодный месяц»), получая название «сверх холодный» или «Бога холодный» месяц». Показано, что вставка производилась при завершении того сезона, который в календарной модели социума считался основным (чаще зима) [20, с. 115–117].

Реликтом особой роли вставного тринадцатого месяца у северных групп манси можно считать упоминание о «черной, тринадцатой породы» змей, которая держится отдельно, выползая в начале месяца наста [34, с. 45]). «Месяц наста» – это конец марта – начало апреля, и это можно считать указанием на время вставки, – конец зимнего сезона, и указание на зимний «год», как опорный в календарном мифе его носителей.

У тундровых ненцев с доминантой оленеводства расхождение лунного и солнечного отсчета времени компенсировалось введением *ты'сапо лана иры* – ложного отела месяц. Тундровые ненцы это делали в «середине» зимы (видимо после зимнего солнцестояния) или же в конце [26, с. 301]. У лесных ненцев вставка связывалась с месяцем вороны *варны дири*. Если они не прилетали, то к счету месяцев добавлялась еще одна «луна» с названием «последних ворон месяц» *нючедема варты дири*, то есть время корректировалось по окончанию зимы. Есть и другие случаи – у аганских (лесных) ненцев в календаре 13 месяцев и два месяца с названием январь, первый *чеша тил'и*, (< *чешта* – холодный) и второй *хив – тил'и* [70, с. 80], который и является, по-видимому, вставным. В крайне-западном диалекте ненецкого *хив – ялт* – никто соотносится с *хибя – харт* северного диалекта от *хибя* – «кто» плюс частица отрицания (*харт / ялт*). *Хибася* – «быть безродным», придает этому календарному термину вполне уничижительный оттенок, как неожиданной и досадной помехе. *Тил* – частица со значением «приткнуть, приставить», при этом *тиля* – нижнее переднее ответвление оленьего рога с обрезанными концами [76, с. 766, 659]. Имеем показательное соотношение календарного цикла с динамикой роста рогов, а «месяц – вставку» как бы «приставляли, притыкали», сравнивая его с нижним передним ответвлением оленьего «рога – года» [20, с. 115]. Вставку месяца в «середине зимы» можно полагать либо общим реликтом доолленеводческой календарной системы у некоторых групп тундровых и лесных ненцев, или

м. б. способом увязать календарный счет с началом роста рогов оленя. У кетов не удалось найти указаний на практику вставки дополнительного месяца.

3. Отражение процессов перехода в КЛ.

3.1. Лексические особенности маркировки переходов. Наиболее явными и, по-видимому, архаичными особенностями КЛ, относящейся к «переходам» (переломам) погоды, являются обозначения их «месяцами половины». Это названия месяцев «половины зимы / лета», маркирующие перелом погоды на лето / зиму. Важно, что при обозначении сезонных пиков жары или холода в условиях региона ни один из них не соотносится с солнцестояниями. Середина лета – Ильин день (начало августа), когда холодные грозовые ливни резко охлаждают землю, воздух и воду, что совпадает с начавшимся резким сокращением световой части суток (особенность высоких широт). Это отражается на поведении и внешнем виде фауны и флоры (начало листопада) и совпадает с последними грозами и «уходом Нома» (сев. селькупы) на южную сторону неба [26, с. 329], маркируя, таким образом, «начало конца» летнего года.

Середина зимы чаще всего связывается с пиком холодов (конец января – начало февраля) и выше 50⁰ СШ совпадает с постоянным увеличением длительности дня. Антитеза – август, когда понижается температура и резко сокращается световой день. В любом случае необходимо сочетание обоих факторов – ощутимых изменений световой части суток и температуры. «Половинная» лексика используется иногда и при маркировке весеннего равноденствия (начало апреля) у южных селькупов. Впервые её привел Г. Ф. Миллер – *плел дуде (иреде)* – апрель, пояснялось как «время, когда на оленя охотятся половину месяца на лыжах, другую на голицах» (*плел* – половина, *дуде* – подволока, то есть приклеенная к лыже полоска шкуры лося или оленьего камуса) [49, с. 96, пр.134] (нарымские остяки). Также фигурирует термин «половина» в названии апреля *пиллель туут аррет* (запись А. П. Дульзона у южных селькупов, р. Кеть). Апрель – *nulel думил ирет* – половина на лыжах, половина на голицах (записи А. П. Дульзона, 1952, цит. по [78, прил. 2]).

Близкие по семантике названия месяцев есть в календарях эвенков-ороченов. Это обозначение второй половины марта – первой пол. апреля *кулунтатор бега* – свечения перелома месяц (ср.-олекм., верх.-алданские орочены) [48, с. 122–124]. Время потепления не всегда соотносится с равноденствием, тем не менее, «половинная» лексика, как маркер перехода, встречается и в других случаях. Лесные ненцы: май «*перято найоле, перято нынута тан дири*» – половина месяца на оленях, половина на лодке [30, с. 80]. Декабрь *пилей тудыл* — на одной лыже шерсть, другая голица (кет., [13, с. 187]). Последний пример показывает полную потерю исходного смысла при сохранении формы, так как *тудал тольди* – не обшитая мехом (то есть зимняя) лыжа (кет., [13, с. 243]). Но в названиях месяца осеннего равноденствия в календарях обских угров, селькупов, ненцев и кетов, «половинная» КЛ не известна.

3.2. «Предтечи» зимнего солнцестояния. Особую семантику имеют месяцы, предваряющих зимнее солнцестояние – ноябрь и декабрь. В календарях ненцев и

селькупов это почти всегда малой и большой темноты месяцы, что полностью отвечает реалиям – убыванию световой части суток. Это *ван хат тылысь* – коротких дней месяц (ноябрь или декабрь) [92, с. 30; 34, с. 46, 47; 52, с. 55]; восточные ханты *н'ахсел хотел ики* – коротких дней или *ван котлев ики* – низкого солнца [68, с. 95]. В них почти всегда есть разные варианты лексемы – *gotl* (день, солнце, вас., вах., салым., юган., аган.) в форме *хотал* (*х(о/а)т, котлев* и др.) [75, с. 175]). В календарях северных селькупов одно из названий декабря *qэpту cely iräty* – коротких дней месяц [43, с. 46–49], *кыба кантел иретть* – малый день (декабрь) и *варк кантел иретть* – короткий день, январь (по А. П. Дульзону – у южных, на р. Тым, 1953, цит. по [38, с. 149]). Есть и обозначение декабря *нобыт ка:калул'ура-ты* – рукавицы пальца месяц [44, с. 81–84], или *нопкокал ират* – коротких дней (с пояснением “не успевают пришить палец на рукавичку”) – ноябрь [45, с. 101–102].

По мере движения на юг (где сезонные колебания освещенности меньше) названия ноября и декабря, отражающих длину светового дня, сохраняют название (форму), но теперь поясняются как “малого” (ноябрь) и “большого” (декабрь) морозов” месяцы. При этом, та же календарная формула (*нобыт кокали ирэт*) раскрывается уже в виде “когда солнце поднимается над землей на рукавицу” (варианты см. [26, с. 339]).

3.3. Месяцы орла и вороны. Они являются общими в календарях народов Северной Азии (кроме Чукотки), маркируя месяцы от зимнего солнцеворота до весеннего равноденствия. Месяц орла на Урале и Западной Сибири есть во всех календарях, месяц вороны встречается реже. Появление их вряд ли связано с пищевыми предпочтениями, поскольку обычно охота на них была табуирована [46, с. 59,83; 49, с. 254, 255].

Месяц вороны есть в календарях александровских, васюганских, ваховских хантов и сыгвинских манси [68, с. 92–95; 23, с. 79, 80]. У селькупов (все группы) месяцем орла названы февраль восемь раз, март – двенадцать раз, январь и декабрь по разу, апрель и май, – по разу [26, с. 334, 335, 337, 341, 343; 38, с. 149–152; 78, с. 87; 54, с. 379; 43, с. 46–49; 44, с. 81–84; 80, с. 76, 77] и др. Апрельский орел-месяц выявляется лишь на самом севере (лесотундра) [45, с.102]. Отличительная черта некоторых селькупских календарей – месяц вороны может предшествовать месяцу орла – случай исключительный для традиционных календарей Западной Сибири. У тундровых ненцев месяцы орла есть в большинстве записей, и в основном они маркируют январь (шесть раз) и по три раза – февраль и март. Вороний месяц (март/апрель) отмечен лишь два раза [80, с. 76; 77, с. 116; 76, с. 147; 34, с. 127–128; 82, с. 146].

Ханты месяцами орла обычно обозначали февраль – март, манси – декабрь – февраль. У манси это всегда месяц «обманчивого (лживый/ложный) орла» [68, с. 99–101] и, по-видимому, он отличается по смыслу от месяца «прилета орла». У лесных ненцев месяцы орла сохранились в форме «ложного орла» – *шитина лимпя тил'и*, (февраль) и просто «орла» – *л'импя тил'и* (март) месяцев, причем лишь в трех из пяти известных записей. Месяц вороны (*волней / вал'н(ы/и) / вах-ны*) – апрель [36, с. 141–142; 70, с. 80] и также сохранился лишь в двух записях. Такой существенный дрейф положения месяца орла может быть результатом наложения разных факторов. Во-первых, речь может идти о разных представите-

лях подсемейства орлиных. В силу реалий это могут быть беркут и орланы, т. к. остальные представители вида теплолюбивы и зимуют на юге (степной орел, орел-могильник), возвращаясь на север лишь при температурах выше минус 8–10 (после середины марта – начале апреля) [58, с. 232]. Ареалы постоянного обитания орлана-белохвоста примыкают к южной границе ареала гнездования, и отвечают изотермам января выше минус 10–12⁰ С – территории между берегами Черного и Каспийского морей. У орлана ареал гнездования охватывает север Евразии от Скандинавии до Тихого океана, простираясь от 42° СШ до побережья Северного Ледовитого океана (80°СШ). Прилетает еще до вскрытия рек и озер. На севере ареала орлан-белохвост появляется в середине марта – начале апреля, основа питания – заморная и снулая рыба, зайцы, водоплавающие, ондатры, собаки, падаль [33, с. 217; 65, с. 159–161; 86, с. 198]. Поэтому появление месяца орла в декабре – феврале в некоторых записях календарей манси, сынских [52, с. 56] и ваховских хантов [68, с. 93, 95, 96], северных [93, s. 252–253]) и южных селькупов [38, с. 149–152]) возможно, как «эхо» мифологического контекста, связанного с увеличением светлого времени суток при восприятии орла как символа солнца. Этого нет в календарях кетов, тундровых и лесных ненцев, в которых «месяц орла» всегда март, видимо, в силу доминанты природных реалий и разных версий календарного мифа.

Ещё одно, все ранние (январь – февраль) месяцы с «орлиными» названиями – это «ложного (ленивого) орла» – *шидена лимпя тил'и* (лесные ненцы) [36, с. 141–142]; «лживого орла месяц» (*ретын есе-енхеп*, конд. манси); *ретья – jusvoi etpos* – ложного орла месяц (сосьвинские манси); *солэнг көрэк ики* – пустой орел (месяц, февраль, ваховские ханты) [68, с. 94, 100, 101] и т. д. При этом автору известно лишь одно упоминание собственно орлана – февраль – *чагал ираты* – месяц, «когда прилетает огромный черный орел с белой головой» (ларьякские селькупы, пос. Толька [44, с. 81–84]). Кости орлана (начало н. э.) найдены на памятнике (святылище) Усть-Полуй [33, с. 217]. Поэтому термин «обманчивый орел», скорее, отражает лишь факт небольшого увеличения световой части суток после зимнего солнцеворота (начало января), чем реальный прилет орла, поскольку изотерма января в регионе намного ниже, чем указанные минус 8–10⁰ С [86, карта XI]. Следовательно, обозначения декабря месяцем «обманчивого орла» (северные манси) [34, с. 46, 48], по-видимому, результат смещения расположения месяцев при записи, так как декабрь – самый «темный» месяц года.

Другие представители семейства врановых – галки и грачи также являются календарными маркерами. Летняя граница обитания галки доходит в Европе до 65° СШ, в Сибири до 60° СШ. Грачи появляются обычно с появлением первых проталин, в средней полосе это начало марта. Серая (зимующая) ворона распространена по всей Европе, ареал её обитания доходит до оз. Байкал. На восток от оз. Байкал распространяется ареал обитания черной вороны (от Енисея до Анадыря), в меридиональном направлении он проходит через Алтай, доходя до Средней Азии [58, с. 37–39].

Также есть данные по климату Тобольска и его окрестностей за 1925 год [64, с. 1, 2]. Прилет серых (малых) ворон и галок начинается в начале третьей декады февраля за 10–12 дней до появления наледи (то есть наста). В начале апреля при-

летают грачи, и в конце апреля – начале мая начинается ледоход. Примерно та же картина наблюдается и в Амурской области. Дата прилета серых ворон “плавает” от года к году в пределах двух – трех недель, однако всегда опережает на 40 – 60 дней начало ледохода [6, с. 122], формируя вкуче систему довольно точных орнитоморфных метеомаркеров. Это нашло свое отражение в традиционных календарях в виде «месяца вороны», причем в последнем случае разница в календарной семантике образов обеих птиц – перелетной вороны и галки, постепенно стерлась.

Связь даты прилета пернатых с наиболее важной фенологической характеристикой начала теплого сезона – вскрытием рек и началом интенсивной рыбной ловли очевидна, т. е. прилет определенного вида пернатых является предтечей конкретного природного явления. Поэтому “месяц вороны” растянут на март – апрель, т. к. сначала прилетали серые вороны и галки, которые примерно определяют дату вскрытия рек, а прилет грачей определяет её довольно точно, что и дает повод для празднования дня *Ворны – яля* (ненцы), тем более что это почти всегда совпадает с датой наступления весеннего равноденствия.

5. Динамика изменения КЛ. Проследим её на примере оленеводства, ввиду её исключительной важности для экономики народов Сибири, которое создает свою систему счета календарного времени, т. к. её основа – северный олень, является «живым календарем». Очевидно, что вместе с важной хозяйственной инновацией перенимаются и специальная лексика. Проблема динамика трансформации календарной лексики по появлению характерных оленеводческих названий месяцев (ханты, северные селькупы, энцы, кеты) рассмотрена в работе [21, с. 58–63], здесь даны дополненные данные, положения и выводы.

Оценить время трансформации КЛ с опорой на календари тундровых ненцев, по-видимому, невозможно, так как первые записи были сделаны лишь в середине XIX в., когда оленеводство как основа хозяйства уже сложилось. Видимо, поэтому “олeneводческие” названия месяцев составляли в календарях тундровых ненцев почти половину (шесть в [32, с. 139] и четыре в [91, с. 480]), и далее они устойчиво сохранялись [76, с. 147]. К «олeneводческим» можно отнести названия месяцев гона, отела, комаров, оводов, мошкар, очищения рогов от кожи, дымокуров, сбрасывания рогов. Попытаемся отследить динамику изменения КЛ у народов, заимствовавших его позднее. У нганасан, начавших освоение оленеводства в XIX веке [80, с. 77] был только один месяц *мыртанчань* – оленьей гонки, и лишь спустя 100 лет появилось четыре месяца с оленеводческими названиями – “первых”, “больших” и “последних” телят месяцы и “месяц гона домашних оленей” [66, с. 205–206]. У лесных энцев были телят месяц – *нади дири* и два месяца связанные с гоним домашним оленем [80, с. 77], и лишь более века спустя появились ещё четыре названия: март– апрель *тэ ортэ ничь дири* – раннего отела месяц; апрель *тэ ничь дири* – отела месяц; июль *ненаг дири* – комариный и август *пилю дири* – оводов [71, с. 432, 266, 340].

Время освоения оленеводства северными хантами возводилось к XVIII – началу XX в. [42, с. 148], но на календарной лексике северных хантов это почти не отразилось. У сынских хантов оленеводческие названия – это месяц пересчета оленей (*вылы ерды тылысь* – январь) и *выли омысты тылысь* (отела, май), *хор*

теуты тылысь (случки оленей, казымские ханты) [92, с. 30] или забоя телят (ноябрь, усть-собский говор приуральского диалекта). Лишь в конце XX в. у хантов записаны характерные названия летних месяцев (комариный, *пельна* июль; оводов (*пирм*), – август [52, с. 56] (при этом *пельна* < *пилю* (овод, ненец. [76, с. 464], то есть заимствованное).

В календарях кетов [2, с. 38, 39] ещё в начале второй половины XX в. не было ни одного месяца с оленеводческим названием. Он появился в календаре курейских кетов «месяц появления (падения) комаров» лишь в 80-х годах XX в. [16, с. 54–55], то есть почти через 70 лет с начала освоения оленеводства. У северных селькупов время освоения оленеводства – вторая половина XIX века, и к концу первой трети XX века они имели достаточно развитую отрасль [42, с. 100]. Видимо, поэтому в календарях северных селькупов [43, с. 46–49] (сер. XX в.) появляются ранее отсутствующие [93, с. 252–253] названия месяцев, имеющих прямое отношение к оленеводству – это летние месяцы мошки (*нимирал*) и комаров (*ненигаль, ненапыль*), а также «месяц отпадения рогов» или *корыль ирэт* (гона месяц) у домашнего оленя. Кроме названий, имеющих отношение к гону и отелу (маркеров начала и зимнего, и летнего сезонов), которые вполне могут быть соотнесены и с диким оленем, наиболее явное указание на более или менее развитое оленеводство – появление таких названий летних месяцев, как мошкары – *нивьрё*, комаров – *ненянг* и оводов – *пилё* (тундр. ненцы).

Северные (тазовские) селькупы и лесные ненцы имели однотипное (таежное) оленеводство [25, с. 86]. У тазовских селькупов (сер. XIX в.) не было месяцев с названиями, имеющими отношение к оленям или оленеводству, был лишь месяц гона *хорыль ира* [80, с. 76]. В середине XX в. у курейских селькупов тоже не было ни одного “оленьего” названия месяца, они появляются только в начале 70-х годов XX в. [43, с. 47, 48] (комаров, мошки, спадания рогов), то есть хозяйственная инновация отразилась в календарной лексике лишь спустя 100–120 лет.

И, в заключение, редкий пример необычного сочетания календарных терминов в календаре «остяков с реки Кеть», связанных со сменой языка. Приведем его полностью (по [49, с. 77]). Напомним, что месяц кукушки (май) известен в календарях южных алтайцев [63, с. 276, 277], чулымцев, тубаларов [59, стб. 6, 7].

1. *Кок туи* – кукушки появления (и вскрытия рек) месяц.
2. *Читти балс туи* – икромета месяц
3. *Имтунанг туи* – мошки месяц
4. *Чатунанг туи* – комаров месяц
5. *Лопайн туи* – оводов месяц
6. *Дин туи* – тетеревиный месяц (когда их ловят)
7. *Том онторо туи* – замерзания рек месяц
8. *Том улчадунг (туи)* – реки отдыха (время)
9. *Чаду туи* – охотничий месяц (лосиной охоты)
10. *Лопон туи* – лисицы месяц (“охота на лисиц”)
11. *Лопин туи* – бурундука месяц

Судя по лексике, календарь не является ни селькупским, ни кетским, в нем 11 месяцев, видимо за счет растянутого периода «реки отдыха», близкого к кетским (см. выше). По названию месяца (луны) “*tuí* (туи)” её можно отнести к ени-

сейским языкам [16, с. 54], т. к. у кетов месяц – *кип / хеп*. Но в нем нет названий осенних месяцев (листопада и замерзания земли), характерных для всех кетских и некоторых селькупских календарей. Сближает его с календарями кетов (записи XIX–XX вв.), название февраля, как месяца охоты «чаду» (с пометкой «на лося») и месяц бурундука (лапин туи). Но нет “месяца орла”, обязательного для кетских, селькупских, ненецких и большинства обско-угорских календарей. Специфическое обозначение трех летних месяцев (мошки, комаров и оводов) характерно для календарей оленеводов [21, с. 61], но нет обязательных для них названий месяцев «гона» (октябрь) и отела (май). Отсутствует и особая маркировка «середины» летнего и зимнего сезонов [49, с. 77] как обязательной черты кетских и большинства селькупских календарей (см. выше). В целом эта запись – свидетельство сложных процессов трансформации КЛ, имевшей место при формировании этнического облика населения Западной Сибири.

5.2. Инновации в КЛ. К ним можно отнести термины, возникшие в связи с новыми хозяйственными, религиозными и другими реалиями. К первым можно отнести названия «*ярманка–пора ёнхеп*» (ярмарка – *пора* месяц, январь, сыгв. манси) [72, с. 304], *ярминки ики* (вост. ханты) [54, с. 379], *калнаскип* (налога месяц) [16, с. 54] и др. Ко вторым – месяцы религиозных праздников. Покров (*роһроу – уончер*), Симеон (*сетно – qadel – уончер*, октябрь, конд. манси; *перна хотал этпос* – «крещение месяц» [68, с. 102, 103], *ут понта тылиц* [23, с. 80]; *крешенил әрет* – крещенья месяц, январь, селькупы, центр. диалект (А. П. Дульзон, 1952–1953 гг.), цит. по [38, с. 149–152]) и др.

Ещё один тип переходного состояния КЛ реализован у некоторых групп северных манси, где в названиях месяцев вместо мансийских *этпос / ёнхеп* (месяц, луна) используются хантыйское *тылы(щ/сь)* [23, с. 79, 80]. А в записи В. Н. Чернецова есть и *этпос* (для августа) и *тылысь* (для остальных) [34, с. 47]. Позднее ханты (р. Казым), наравне с термином *тылэщ / тылысь*, используют заимствованное *порат / пура* < *пора* (русское) [72, с. 292–296]. Стадиально более поздними (вторая половина XX в.) являются, по-видимому, композиты типа *августкип* (кеты) [17, с. 128], *июль ири* [76, с. 147]), март *лонг* (нивхи) [62, с. 176] и т. д.

6. Культурные и этнические взаимодействия, и их влияние на календарную лексику. Попробуем отследить влияние на календарную лексику и структуру календарей взаимодействие разных групп населения региона. Кроме месяцев орла и вороны, отражающих последовательность возврата теплого сезона, важное место в календарном мифе народов Урала и Западной Сибири играют месяцы наста, почти совпадающие с месяцами орла и вороны. Месяц бурундука (*конуп, коонъи*) есть во всех записях календарей кетов (полтора десятка), начиная с самой ранней [49, с. 78, 80: 2, с. 38, 39; 16, с. 54, 55]. Месяцы бурундука есть в календарях шорцев [5, с. 56]. Месяц бурундука (*щепи, щеляй, шепак, щепяк*) известен в большинстве календарей северных селькупов, изредка сменяясь “гусиным” *т(ö:кал / -экэл)* месяцем. Сохранился он и в некоторых календарях центральных (*сапакей, ше:бикка*) и южных (*сеебака, сеоки, себка, сәбки*) селькупов [43, с. 46–48; 44, с. 81–84]. Но его нет в календарях чулымских тюрок (см. напр. [59, стлб. 7]), хотя

А. П. Дульзон допускал селькупский и кетский субстраты в их составе, полагая Причулымье местом интенсивных контактов кетов, селькупов и тюрков [28, с. 127]. В календаре маторов (южные самодийцы), *orum kistitn* – (выхода) бурундука месяц, в календаре «остяков с реки Кеть» *лапин туй* – бурундука месяц [49, с. 75,77]. То есть апрель, как «месяц бурундука», являлся неотъемлемой чертой КЛ у большинства народов Саяно-Алтая и междуречья Оби и Енисея.

Месяца бурундука нет в календарях обских угров (кроме казымских хантов), бурят, сибирских татар, якутов, эвенов, эвенков, южных тунгусов, нивхов, юкагиров и палеоазиатов (коряки, чукчи, ительмены). В то же время бурундук занимает важное место в фольклоре алтайцев, теленгитов, тофаларов, хакасов, тункинских бурят, хантов, манси, западных и юго-восточных эвенков, нанайцев, якутов, северных селькупов, кетов и нивхов [10, с. 6], отражая по-видимому, важную роль периода последнего наста в реалиях и мифологизированном сознании. С выхода бурундука начинался «летний» год у кетов [2, с. 44]. Известно, что бурундук выходит из спячки примерно за одну-две недели до окончания месяца наста, после этого срока образующаяся под солнцем ледяная корка уже не выдерживает веса человека, что являлось сигналом для прекращения пушной охоты и началом «настовой» охоты на крупных копытных [3, с. 17]. Кроме того, выход бурундука предвещает выход медведя из спячки и совсем не случайно, что медведя и бурундука связывают сказочные сюжеты, в которых бурундук являлся “старшей сестрой” медведя или же был “знаком” с его родителями [11, мотив В69].

Таким образом, можно выделить три типа маркировки переходного периода от зимы к лету (весна), прямо или опосредованно отражающие состояние наста. Первый непосредственно по состоянию наста (малый / большой), в него входят: манси (кроме одной записи у сыгвинских), часть хантов. Второй – южные селькупы, восточные ханты с месяцами орла и вороны. Месяц вороны в большинстве календарей тундровых ненцев был, по-видимому, вытеснен соответствующей оленеводческой лексикой. Третий, когда состояние наста маркирует выход бурундука (кеты, южные и центральные группы селькупов, и некоторые северные).

6.1. Популяционная генетика. Соотнесем частотность «месяца бурундука» в календарях с таким генетическим маркером этничности, как частотность мужских (Y) гаплогрупп. У народов, занимавших таежную зону Сибири от Урала до Енисея (алтайцы, кеты, обские угры, самодийцы и др.), с высоким статусом образа бурундука в маркировке календарного времени, наиболее ранними и доминирующими являются три мужские гаплогруппы – N1c1, N1b и Q1a3 [19, с. 80]. Выберем в качестве базы для сравнения календари кетов, в которых всегда есть месяц бурундука (конуп) (см. выше), а в качестве этнического маркера величину гаплогруппы Q1a3, которая является наиболее характерной для кетов (84%). За ними идут северные селькупы (66%), у южных (40%), северные алтайцы (32%), северные ханты (21%), тувинцы (14%), хакасы (4,8%), южные алтайцы (3,7%) [19, с. 80–83]. При всей условности этого сопоставления окажется, что месяц бурундука есть во всех известных календарях кетов, более 70% календарей селькупов (подсчет автора по сводной базе селькупских календарей – 32 записи), в 75% кумандинских календарей, 50% календарей тубаларов, 100% челканцев. У хакасов

он сохранился только у сагайцев и бирюсинцев (с Q1a3 4,8%). Он был в ранних записях у южных алтайцев (*курук айы*), в поздних его сменила хозяйственная лексика (см. напр. [63, с. 279]. Месяц бурундука сохранился у казымских хантов лишь в одной записи («*кущар шахты пура* – бурундука свистеть время) [72, с. 293]. То есть можно говорить о некоей зависимости между частотой гаплогруппы Q1a3 и частотой появления месяца (и образа) “бурундука” в календарном мифе и лексике. Выпадают из выявленной зависимости олениводы тувинцы-тоджинцы (14% Q1a3), у которых в календарях апрель (бурундука месяц), сменился месяцем *ыдалаар ай* – охоты с собаками по насту» [14, с. 66, 68].

7. Заключение. Возвращаясь к заглавию работы, попробуем выявить общее и особенное, опираясь на основные «узлы» календарной системы. К ним можно отнести: тип календаря (лунно-солнечный, с числом месяцев – лун, равным 12–13); существование практики вставных месяцев; двухсезонную модель календаря с лексическим выделением «верхушек» сезонов и месяцев их «предтеч», по признакам холод / тепло и изменений естественной освещенности. С освоением оленеводства этот набор, с опорой уже на особенности биологии оленя, в основном изменился (см. выше).

Можно говорить об исходной двухсезонной модели календарей с переходными периодами разной длительности как основной. В сумме солнечный календарный год состоял из 12–13 лун, хотя были случаи с большим числом «времен» (до 15–17). К общим признакам можно отнести следующие. У кетов, селькупов и северных обских угров – это одинаковая структура основных сезонов года («срединная ось» январь – август по А. В. Головневу, см. выше), месяц орла, названия месяцев рыболовного летнего цикла и др. У кетов и селькупов к перечисленному добавляется месяц бурундука (апрель, последний наст). У кетов, селькупов и восточных хантов – листопада месяц; у кетов и некоторых групп селькупов – «месяц замерзания (съедания) земли» (начало зимы).

По признаку «световой» маркировки самых темных месяцев года (ноябрь – декабрь) в одну группу можно свести календари ненцев (тундр.), северных селькупов и кетов. При этом у кетов если первый темный месяц определен как «малых коротких дней», то вторая ступенька определена как «больших коротких дней» (то есть «очень коротких») [16, с. 54, 55]. Хотя «световая» маркировка ноября – декабря у лесных ненцев не просматривается, эти два месяца всё равно воспринимались как «пара», но маркировались уже по признаку спаданию рогов у самцов оленей [30, с. 80; 36, 141–142; 55, с. 214]. Маркировки ноября – декабря по признаку освещенности у обских угров почти нет, её сменяют хозяйственные (охоты, ярмарки) или фенологические (ледостав, мороз).

Интеркаляции практиковало большинство населения региона, не сохранилась она у кетов. У кетов, селькупов, восточных хантов и тундровых ненцев понятия «дед / луна – месяц» омонимы с неясной семантикой. Общая черта КЛ всего населения региона – выделение особой роли периода наста, перелома погоды «на зиму» (август, Ильин день) и особая маркировка месяцев, примыкающих к зимнему солнцестоянию. Периоду весеннего наста (затянувшийся переход к лету) противопоставлено быстрое наступление зимы, начинающейся уже с середины авгу-

ста (ночные заморозки, листопад, «забереги» и др.). Поэтому мнение Г. К. Вернера о трехсезонной (лето, зима, весна) кетской модели календаря, по-видимому, применимо (с оговорками) и к ряду других календарей региона. Резоны в пользу этого – двухступенчатые схемы весны (*нара-юнуй*, тундр. ненцы; *тал тови / лук тови* – шурышкар. ханты; орла/вороны (март/апрель, ср. вах., обские, сургутские и др.). При этом осень имеет одну «фазу» (*неней* – тундр. ненцы; *сус* – ханты и др.). Однако в большинстве календарей манси (Конда, Лозьва, Сосьва) и весна и осень двухчастны. Для весны это «малый / большой наст», для осени – малая / большая осень (*vis/yani tahus*).

Особенные черты КЛ: в календарях тазовских селькупов, мигрировавших с южных территорий (Тым), месяц бурундука сменяется месяцем «вороны», который иногда предшествует месяцу «орла» (некоторые группы северных селькупов). У южных и восточных групп хантов период последнего наста маркирует «месяц вороны», который всегда следует за месяцем «орла». Месяц «вороны» отсутствует почти у всех групп манси (кроме сыгвинских), а состояние наста характеризуется как «малый / большой». Отличительная черта календарей ваховских хантов и кондинских манси названия ноября – декабря, как «месяц икромета налима / налиме́й икры месяца» [15, с. 38; 68, с. 95]. «Месяц ледохода» *янгк патнэ этнос* (май) есть во всех записях календарей манси [23, 79, 80; 68, с. 99–101], тогда как у хантов он есть только у казымских и северных хантов [68, с. 87, 90, 99–101]. Зато «месяц ледостава» в календарях манси практически отсутствует, из чего можно сделать вывод, что основная часть хозяйственной деятельности, связанная с ловом рыбы, приходилась на начало и середину летней части года.

Что касается исходных критериев маркировки границ основных сезонов, то ими можно считать состояние листвы (появление – опадание, теплый сезон), замерзание – таяние воды (холодный). Исключение составляют кеты и некоторые группы селькупов (центр. диалект), определяющих начало зимы по замерзанию земли – появление инея, а конец зимы – по месяцу «орла». Следующий за «орлиным» месяц бурундука начинает летний сезон у кетов. Затем сроки и маркеры сезонов размываются в связи с широтными миграциями (и изменением климата), освоением оленеводства и этническими контактами. На севере месяц вороны сменяет месяц бурундука (северные ханты и манси).

Полноценная оленеводческая КЛ есть только у тундровых ненцев и северных хантов. Характерные календарные маркеры оленеводства – это особенности биоцикла оленя: начало зимнего сезона – гон, конец – отел. Летний сезон оленеводы, в основном, маркируют по появлению насекомых и завершение «месяца дымокура» (июль) фактически отмечает исчезновение насекомых с «переломом» погоды «на зиму», наступающий после середины августа.

Что касается архетипа традиционных календарей, то базовый материал, позволяет представить его (в основных чертах) как последовательность периодов охоты и рыболовства, бывших основой хозяйства для населения таежного пояса между Средней Обью и Средним Енисеем (догуннский период) [41, с. 75–77; 81, с. 25–29]. По мере вынужденного движения на север, по-видимому, менялось и

соотношение основных хозяйственных занятий [25, с. 20, 122–132].

С учетом специфики хозяйства (охота – рыболовство) можно считать, что в основе архетипа календаря лежали сезонные состояния листвы и воды. При этом обязательно выделялись периоды «перелома» погоды (середины сезонов), которые не совпадали с датами солнцестояний и «запаздывали» примерно на 1–1,5 месяца (начало февраля и августа). Особо маркировалось зимнее солнцестояние, как резкий поворот от нарастающей тьмы к «рождению» нового солнца и особым выделением месяцев «предтеч» (ноябрь – декабрь).

В основе селькупоязычного населения Томского Приобья, лежал енисейский субстрат, в меньшей степени это относится и к некоторым группам обских угров [11, с. 133] – вероятная причина появления месяца бурундука в календарях южных, центральных и большей части северных селькупов. С учетом этого можно допускать, что архетип календаря наиболее близок к календарям кетов и южных селькупов с одной оговоркой: основной сезон в календарной модели большинства селькупов, ненцев, восточных хантов и северных манси, по-видимому, зимний, в кетской – летний. Позднее, с освоением тундрового оленеводства и его весомого вклада в процесс жизнеобеспечения, сформировался оленеводческий календарь, в котором вместе с новой КЛ сохранялись фрагменты старой.

Что касается возможного влияния климатических колебаний на КЛ, то пример оленеводства и постоянство КЛ на протяжении более века (см. выше) показывают, что этого времени для трансформации КЛ недостаточно. В целом возраст календарной лексики, по имеющимся данным XIX–XX веков, насчитывает (исключая оленеводство), по самым осторожным оценкам, не менее 2–3 столетий.

Приведенный материал далек от полноты, его необходимо дополнить в дальнейшем анализом календарей других народов (энцы, нганасаны, западные эвенки, тюркоязычные народы) Западной Сибири, являющихся неотъемлемой частью этно- и культурогенеза региона.

Список источников и литературы

1. Алатало Я. Словарь селькупско-русский на кетском диалекте селькупского языка. Общество М. А. Кастрена. Максимкин Яр – Хельсинки, 1998. 148 с.
2. Алексеенко Е. А. Кеты. Л.: Наука, 1967. 262 с.
3. Алексеенко Е. А. Мифы, предания, сказки кетов. М.: Изд-во «Вост. лит.» РАН, 2001. 343 с.
4. Алпатов В. «Народная лингвистика» в Японии и России // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 17–26.
5. Анохин А. В. Кузнецкие инородцы Томской губернии // Шорский сборник. Вып. 1. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 49–64.
6. Баранчев Л. М. Прилет и отлет птиц в Амурской области // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. Т. 5. Благовещенск, 1951. С. 119–128.

7. Бармич М. Я. Лексика канинского говора ненецкого языка. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Л., 1969. 19 с.
8. Бармич М. Я. Лексическая характеристика языка канинских ненцев // Вопросы уралистики. Научный альманах. СПб., 2014. С. 148–299.
9. Березкин Ю. Е. Полосатый бурундук: фольклорный мотив в Старом и Новом Свете // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 5–19.
10. Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам». [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 01.08.2022).
11. Березовская Н. В., Волков В. Г., Тучкова Н. А. Происхождение селькупов в свете междисциплинарного подхода (археология, генетика, лингвистика, историческая этнология) // Вестник Томского ГУ. История. 2018. № 54. С. 128–138.
12. Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Томск: Изд-во «Красное знамя», 1994. 94 с.
13. Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
14. Вайнштейн С. И. Тувинцы – тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во «Вост. лит.», 1961. 216 с.
15. Васильев В. И., Головнев А. В. Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов Северо-Западной Сибири // Духовная культура народов Сибири. Томск: ТГУ, 1980. С. 33–41.
16. Вернер Г. К. Слова темпоральной семантики в енисейских языках // Сб. ст. к 95-летию А. П. Дульзона. Томск: ТГПИ, 1995. С. 52–59.
17. Вернер Г. К. Словарь кетско-русский и русско-кетский. СПб.: Дрофа, 2002. 240 с.
18. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1994. 383 с.
19. Волков В. Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал ЛИНГ и АНТР / Tomsk Journal LING & ANTHROPO. 2013. 1 (1). С. 79–96.
20. Вртанесян Г. С. «Спрятанное время» в календарях народов Урала и Сибири // Вестник урведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 112–123.
21. Вртанесян Г. С. Трансформация календарной лексики долган // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2019. № 2 (27). С. 58–63.
22. Вртанесян Г. С. Календари лесных и тундровых юкагиров: общее и особенное // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2020. № 1. С. 8–18.

23. Герасимова Д. В. Народный календарь манси // Время календаря в традиционной культуре: тезисы докладов Всероссийской научной конференции. СПб.: РЭМ, 1999. С. 78–81.
24. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб.: «Русская симфония», 2005. 799 с.
25. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 204 с.
26. Головнев А. В. Говорящие культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
27. Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Калининград: Изд. Дом РОСТ–ДОАФК, 2017. 256 с.
28. Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык // Уч. зап. ТГПИ. 1952. Т. IX. Томск. С. 76–211.
29. Дыбо А. В. Лексические контакты ранних тюрков. М.: Изд-во «Вост. лит.», 2007. 222 с.
30. Зенько М. А. Сибирские лесные ненцы: Историко-этнографическое исследование. Дисс... канд. ист. наук. М., 2003. 262 с.
31. Ириков С. И. Селькупско-русский и русско-селькупский словарь. Л.: «Просвещение», 1988. 223 с.
32. Иславин В. А. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. 142 с.
33. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. 376 с.
34. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1987. 284 с.
35. Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Изд. «Баско», 2010. 368 с.
36. Карапетова И. А. Место оленеводства в хозяйственном комплексе лесных ненцев // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. С. 206–208.
37. Ким А. А., Кудряшова Т. К., Кудряшова Д. А. Селькупский праздник Пиль Эд и культ лося // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. С. 205–212.
38. Колесникова С. Ю. Материалы к описанию селькупского календаря // Сборник статей памяти А. П. Дульзона Томск: ТГПИ, 1995. С. 146–153.
39. Колесникова С. Ю. Календарная система в традиционной культуре селькупов. Дисс. канд. ист. наук. Томск, 2000. 179 с.

40. Колесникова С. Ю. Универсальная модель календаря в традиционной культуре народов мира. Дисс. докт. культурологии. Кемерово, 2004. 200 с.
41. Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
42. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М., Наука. 1989. 272 с.
43. Кузнецова А. И. Календарные названия в самодийских языках // Языки и топонимия. Томск: ТГПИ, 1976. С. 46–49.
44. Кузьмина А. И. К этимологиям названий месяцев, сторон света, звезд и созвездий в селькупском языке // Языки и топонимия. Вып. 4. Томск: ТГУ, 1977. С. 71–86.
45. Лебедев В. В. Формирование и этнокультурная история северных селькупов. Дисс. канд. истор. наук. М., 1988. 176 с.
46. Линденау Я. И. Описание народов Сибири. Магадан: Магад. кн. изд-во, 1983. 175 с.
47. Лушникова А. В. Календари Северной Евразии и Сибири, как источник для реконструкции древней картины мира // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 11–29.
48. Мазин А. И. Календарь и цикл хозяйственного года эвенков Верхнего Приамурья (конец XIX – нач. XX вв.) // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск: Наука, 1986. С. 120–124.
49. Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов // Памятники исторической мысли. Т. 8. Ч. 1. М., 2009. 453 с.
50. Могутаев М. К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск: ТГПИ, 1996. 352 с.
51. Норманская Ю. В. Реконструкция прасамодийских метеорологических названий // М–лы II ой международной конференции по самодистике. СПб.: Нестор – История, 2008. С. 179–194.
52. Онина С. В. Оленеводческая лексика в хантыйском языке. Дисс. канд. филол. наук. Йошкар-Ола. 2002. 170 с.
53. Патканов С. К. Остяцкая молитва. Т. 1. Тюмень: Изд. Мандрики, 1999. 400 с.
54. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: ТГУ, 1972. 424 с.
55. Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и её обитатели. Екатеринбург– Нижневартовск, 2006. 352 с.
56. Попов А. А. Енисейские ненцы (юраки) // Изв. ВГО. 1944. Т. 26. Вып. 2–3. С. 76 – 95.
57. Попова С. А. Народный календарь и празднично-обрядовая культура манси: проблема реконструкции // Вестник урovedения. 2013. № 1(12). С. 132–142.

58. Птицы. Животный мир СССР. М–Л.: Изд-во «Дет. лит.», 1940. 399 с.
59. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1893. 968 стлб.
60. Рандымова З. И. Хантыйско-русский словарь: приуральский диалект. Салехард, 2009. 19 с.
61. Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А. Мансийско-русский и русско-мансийский словарь. Л.: Просвещение, 1982. 360 с.
62. Савельева В. Н., Таксами Ч. М. Нивхско-русский словарь. СЭ. М., 1970. 536 с.
63. Самаев Г. П. Записи Макария как источник по исследованию алтайского календаря // Алтай и Центральная Азия: культурно–историческая преемственность (к 350 летию ойротской письменности). Горно-Алтайск, 1999. С. 274–284.
64. Самко К. П., Тарунин М. П. Фенологические наблюдения в окрестностях г. Тобольска за 1925 год // Тобольский край. 1926. № 1. С. 1–6.
65. Семаго Л. Л. Орлан // Наука и жизнь. 1986. № 1. С. 159–161.
66. Симченко Ю. Б., Смоляк А. В., Соколова З. П. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М., 1993. С. 201–253.
67. Скамейко Р. Р., Сязи З. И. Хантыйско-русский и русско-хантыйский словарь (шурышкарский диалект). СПб.: «Просвещение», 1992. 271 с.
68. Соколова З. П. Время и число у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М.: Наука, 1990. С. 74–103.
69. Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М.: Наука, 2009. 756 с.
70. Соколова З. П., Пивнева Е. А. Аганские ненцы (антропонимия, хозяйственный цикл и календарь // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 79–81.
71. Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецко-русский словарь. СПб., 2009. 487 с.
72. Сподина В. И. Человек и время в угорско-самодийской картине мира (на материалах хантов, манси и ненцев). Дисс. доктора исторических наук. М.: ИЭ РАН, 2017. 475 с.
73. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (ТМС). Материалы к этимологическому словарю. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 672 с.
74. Старостин С. А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 176–315.
75. Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. М.: Наука, 1981. 542 с.
76. Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. СЭ. М., 1965. 942 с.
77. Тоболяков В. К верховьям исчезнувшей реки. Свердловск, 1930. 120 с.

78. Тоноян М. Н. Календарно-временная лексика восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка в сопоставительном аспекте. Дисс. канд. филол. наук. Томск: ТГПУ, 2015. 175 с.
79. Традиционная культура народа коми. Этнографические очерки. Сыктывкар, 1994. С. 112–114.
80. Третьяков П. И. Туруханский край его природа и жители. СПб., 1871. 316 с.
81. Федорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: МАЭ РАН. Европейский дом, 2000. 367 с.
82. Харючи Г. П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб.: «Историческая иллюстрация», 2012. 160 с.
83. Хомич Л. В. Ненецко-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1954. 123 с.
84. Хомич Л. В. Материалы по народным знаниям ненцев // Социальная организация и культура народов Севера. Л.: Наука, 1974. С. 218–231.
85. Хомич Л. В., Ириков С. И., Аюпова Г. Е. Тазовские селькупы: очерки традиционной культуры. СПб.: «Просвещение», 2002. 149 с.
86. Хромов С. П. Метеорология и климатология. Л.: Гидрометеиздат, 1964. 499 с.
87. Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. Краткий мансийско-русский словарь. М.–Л.: ГУПИ, 1936. 115 с.
88. Шатилов М. Б. Ваховские остяки (этнографические очерки) // Труды Томского краевого музея. Т. 4. Томск, 1931. 288 с.
89. Шиятов С. Г. Дендроиндикация природных процессов и антропогенных воздействий. Л.: Наука, 1979. 230 с.
90. Шор Р. О. Язык и общество. М.: Либроком, 2009. 162 с.
91. Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным уральским горам. СПб.: Типография Г. Трусова, 1855. 665 с.
92. Шухов И. Н. Из отчета о поездке весной 1914 года к казымским осякам // Сборник МАЭ. Т. 3. Пг. 1916. С. 103–112.
93. Castren M. A. Worterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen. In: Nordischny Reisen und Forschungen. St.-Pb. 1855. Bd 8. 442 s.
94. Castren M. A. Versuch einer jemissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Worterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. St. Petersburg. Buchdr. der Kaiserlichen Akad. der Wiss., 1858. XIX, 264 s.
95. Helinski E. Two Mator-Taigi-Karagas vocabularies from the 18th century // Journal studies of finno ougrien. 1987. N. 81. P. 49–132.

ОБРАЗЫ ТАИНСТВЕННЫХ ПТИЦ В ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ДАСТАНАХ «ТУЛЯК И СУСЫЛУ» И «ИДЕГЕЙ»: В ПОИСКАХ ИСХОДНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО И СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Д. М. Исхаков

Россия, Казань, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

В содержании названных эпических произведений имеются сюжеты, связанные с некими, на первый взгляд, обычными охотничьими, птицами, однако из-за некоторых деталей, использованных при их описании, оказывающимися в конечном счете созданиями далеко не ординарными, можно даже сказать, таинственными. Такой их характер, как показывает детальный анализ содержания указанных дастанов, отнюдь не случаен, ибо за образами этих птиц, как оказалось, скрывается древнейшая история личного клана Чингисидов кыйат-борджигина и его онгона (сульде). Более того, как представляется, образы этих птиц (исходно – одной конкретной птицы из семейства орлиных или соколиных), могли позже попасть и в русскую геральдику в виде двуглавого орла, относительно происхождения образа которого дискуссии еще отнюдь не завершены.

Ключевые слова: тюрко-татарские дастаны, образы птиц, ак шонкар, онгон (сульде), клан кыйат, клан кайи, геральдическая символика, эмблема двуглавого орла, центральноазиатская символика птиц.

IMAGES OF MYSTERIOUS BIRDS IN THE TURKIC-TATAR DASTANS «TULYAK AND SUSYLU» AND «IDEGEY»: IN SEARCH OF THE ORIGINAL HISTORICAL AND SYMBOLIC MEANING

In the content of these epic works there are plots related to certain birds, at first glance, ordinary hunting birds, but because of some details used in their description, that the creatures turn out to be far from ordinary, one might even say, mysterious, in the final set. Such their character, as a detailed analysis of the content of these dastans shows, is by no means accidental, because the images of these birds, as it turned out, hide the ancient history of the personal clan of the Genghisids kyyat-borjigin and his ongon (sulde). Moreover, it seems that the images of these birds (initially, one particular bird from the eagle or falcon family), could later get into the Russian heraldine in the form of a double-headed eagle, regarding the origin of the image of which discussions are by no means complete.

Keywords: Turkic-Tatar dastans, images of birds, ak shonkar, ongon (sulde), kyyat clan, kaya clan, heraldic symbols, double-headed eagle emblem, Central Asian bird symbols.

Образы в птиц в дастане «Туляк и Сусылу»

Дастан «Туляк и Сусылу» известен у татар и башкир, но его наиболее древняя и развитая версия, датируемая XVI в., сохранилась в рукописном виде только у татар. Как эпическое произведение этот дастан изучен достаточно полно (см.: [4; 23; 11; 8; 13]), поэтому далее мы будем рассматривать только те аспекты этого эпоса, которые имеют отношение к содержащимся в нем «птичьим» сюжетам.

Вначале отметим, что анализ содержания дастана «Туляк и Сусылу» показывает – действующие в нем герои могут быть реальными историческими фигурами из Булгарского вилайета последней трети XIV в., хотя некоторые эпические личности из дастана, например, Бачман-хан, мог жить еще в домонгольское время [10, с. 33–46; 11, с. 16–22]. Но в целом событийная канва эпоса отражает эпоху распада Золотой Орды.

Из дастана «Туляк и Сусылу» явствует, что у основного, действующего в нем героя – Туляка, сына Миркасык (Мирказыя / Сары Миркаса) – бия, взятого легендарным ханом Бачманом в состав своих 60 слуг-нукеров, имелась весьма успешная охотничья птица, названная в эпосе вначале как «*Ак Йопалак / Белая Сова*» [4, 238 б.]. Именно из-за ее достижений на охоте нукеры хана, да и братья Туляка, решили его убить, принудив в итоге героя дастана бежать. Однако в ходе дальнейшего повествования выясняется, что «птицей» Туляка на самом деле являлось создание под именем «*Ак шоңкар*» [4, 241 б.]. В дастане названные две разновидности «птиц» – обе белого (*ак*) цвета – иногда как бы замещают друг друга [4, 247 б.], но образ птицы под названием «*ак шоңкар*» оказывается более устойчивым и вписанным в событийный ряд. В частности, когда в эпосе рассказывается о волшебном перемещении Туляка из подводного царства своей супруги Сусылу в окрестности «Великого города» (*Олуг шәһәр*) – напомним, что так именовали в русских источниках Биляр – рядом с ним на некоем искусственном сооружении из железа, выглядевшем как гора (*тагъ*) и являвшемся тронным местом, на котором стоял «золотой трон» (*алтын тәхет*), у подножия текли четыре волшебные реки, паслись 100 аргамаков, а наверху в небесах с клетотом парила птица «*ак шоңкар*». Вот как звучит это место дастана: «*Бер ак шоңкар кошы – меңтүляк кош тагъның тирәсендә очып шанкылдай йөрер*» [4, с. 256–258 бб.].

Предпринятый нами разбор вопроса о вышеназванных двух «птицах» показал, что настоящей «птицей» Туляка была именно та ее ипостась, которая именовалась как «*шоңкар / ак шоңкар*», тогда как «*йабалак / ак йабалак*», больше характерная для устных версий дастана, записанных у башкир, появляется в ходе эпического повествования как результат подкладывания завистливыми дядями Туляка птенца птицы «*ак йопалак*». Не исключено, что путаница с указанными двумя «птицами» в эпосе возникла из-за смешения двух этнокультурных традиций – кыпчакской (об этом свидетельствует фигура Бачмана) и монгольской (центральноазиатской) как результат интеграции кыпчаков в состав «народа» Улуса Джучи. Но тут важно другое – хотя в дастане описываемая «птица» выступает как охотничья, приведенное выше место из дастана, показывающая ее «прикрепленность» к тронному месту, достаточно ясно свидетельствует, что в лице данной «птицы» мы имеем дело не совсем с обычным созданием. Об этом говорит и примененное в дастане по отношению к нему выражение «*меңтүлек кош*», судя по диалектному словарю

татарского языка, имеющему смысл «похожего, подобного» («белому шонкару») и, что более существенно, «начеканенного на деньгах изображения» [8]. Получается, что в эпосе «Туляк и Сусылу» действует «ак шоңкар», который, во-первых, имеет связь с тронным местом и стоящим там «золотым тронном», во-вторых, он является «денежной птицей».

В итоге обнаруживается, что дастан в образе данной «птицы» подразумевает какую-то весьма важную для слушателей эпического произведения информацию, имеющую глубоко символическое значение. О последнем из эпоса «Туляк и Сусылу» точно узнать нельзя, но из другого тюрко-татарского дастана – эпоса «Идегей», можно. Этот дастан также содержит ряд «птичьих» сюжетов, которые по сравнению с уже рассмотренным эпосом содержат более конкретные данные о присутствующих в нем «птицах», хотя также полных иносказательного смысла и определенных противоречий, при более подробном изучении, однако, объяснимых.

Образы птиц в эпосе «Идегей»

Тюрко-татарский дастан «Идегей», известный практически у всех кыпчакоязычных народов, также хорошо изучен [12; 13; 14] и время его формирования определяется как XV–XVI вв. Это эпическое произведение относится к историческому наследию ногайского мира, но мы в данном случае будем оперировать содержанием татарской версии дастана «Идегей» [5; 6].

В исследуемом дастане событийный ряд открывается с того, что эмир Тимур (эпический – Аксак Тимер) нагло требует у хана Тохтамыша отдать ему прославленную на «девять юртов» (*тугыз йорт* – это правое крыло Золотой Орды [14]) «птицу» хана, вначале иносказательно поименованную как «Төкле Аяк» (Оперенные Ножки). Из ответного послания разгневанного хана Тимурю выясняется, что речь идет о «птице», названном в дастане как «Кара лачын» (Черный сокол). По ходу разворачивания в эпосе разных событий, эта «птица» вначале характеризуется как охотничья, но затем она предстает в ином виде в сообщении, которое рассказывает об отце Идегея Котлыкья-бие, в дастане выступающем как сокольничий хана Тохтамыша, в том числе бывший ответственным за указанную выше «птицу».

События приобретают следующее направление: Котлыкья бий втайне от своего сюзерена переправляет птенцов «Черного сокола» врагу хана Тохтамыша эмиру Тимурю, а затем его неблагоприятный поступок вскрывается. И разгневанный хан, разбиравшийся с предательством своего сокольничего, перед его казнью бросает Котлыкья бию, названному в эпосе «подлым», обвинение. Вот оно:

Подстрочный перевод*

Парнокрылый золотой венец	Куш канатлы алтын таж,
Вместо глаз – драгоценный камень,	Күз урынында гәүһәр каш,
Со времен Чингиса государственная птица	Чыңгыздан килгән дәүләт кош
Не на моей ли голове?	Бу башымда түгелме? [5, 78 б.]

Как видим, в дастане вместо конкретной охотничьей птицы «кара лачын / черный сокол» появляется образ некоей «государственной птицы», не просто сли-

тый с «золотым венцом», но и восходящий ко времени Чингисхана. Так в эпическом повествовании дела приобретают неожиданный поворот. Такое не может быть случайностью, поэтому на сюжет с «государственной птицей» нам следует обратить особое внимание. Так как он был уже нами разобран [12; 13], воспользуемся общим итогом проделанного анализа.

Прежде всего, следует напомнить о том, что в Золотой Орде у каждого крупного клана имелись свои племенные атрибуты – уран, дерево, птица и тамга. Достаточно точно их перечисляет поздний татарский источник «Дефтере Чингиз-наме» (конец XVII в.) (данные этого источника см.: [25; 28]), отмечающий, что их племенам дал сам Чингисхан [28, р. 56; 25, 164 б.]. Следует однако помнить, что в одном из вариантов этого исторического сочинения при перечислении ряда беков, которые были одарены Чингисханом как вожди конкретных кланов, есть указание об их проживании «во времена хана Джанибека» [25, 111 б.]. А это свидетельствует о глубокой традиционности упоминаемых в источнике кланов и их племенных символов.

Так вот, в «Дефтере Чингиз-наме» имеются два рода данных о клановых атрибутах «дома» Чингисхана: а) сведения о таковых у племени кыйат, из отвлечения которой кыйат-бозджигин, как известно, происходили предки основателя Монгольской империи: уран – аруйан (*arujān*) дерево – карагай, птица – шонкар, тамга-ашамай (*ašamau*); б) данные об атрибутах собственно «Золотого рода» Чингисхана в узком значении: уран – йан каба (*jan qaba*), дерево – чинар, птица – *ике баиш каракош*, тамга – *кош баиш* [28, pp. 56, 59]. На первый взгляд вроде бы «дом» Чингисхана должен был бы иметь те же атрибуты, что и клан кыйат, как известно, продолжавший существовать в Золотой Орде как самостоятельное племя (знаменитый темник Мамай был его беком). Но из-за того, что «Золотой род / *Алтын урук*» Чингисхана занял в Еке Монгол улус, а позже и в Золотой Орде, особое надклановое положение, символы этого «урука» могли измениться, что мы видим и обнаруживаем в «Дефтере Чингиз-наме». Причем «двуглавая птица» – *ике баиш каракош*», выступающая как клановый атрибут «Золотого рода», имеет характер искусственно скроенного символа, ибо в природе двуглавых птиц не бывает. Эта символическая «птица», тем не менее, не лишена определенной исторической основы, ибо у нее имеется реальный прототип – *кара кош*», а это, действительно существующая разновидность хищных птиц. Но загадка «двуглавого каракоша» так просто не решается.

Прежде всего, в поисках истоков этой символической «птицы» надо обратить внимание на название упомянутой выше «птицы» хана Тохтамышша, ибо его *кара лачын* / черный сокол» также черного цвета. Тем не менее, в данном случае одного сходства двух «птиц» по окраске недостаточно. Поэтому следует прибегнуть также к данным орнитологии. Согласно этой дисциплине, известная у татар как *каракош*» птица относится к семейству ястребиных, но она же носит еще наименование *кара бөркет*», что в переводе дает название «черный орел». Черные орлы, естественно, тоже являются, несмотря на свое наименование, ястребиными. А вот *«лачын»* хана Тохтамышша – это сокол, относимый к разряду соколиных (*Falconidae*).

Получается, что *«кара кош / каракош»*, *«кара бөркет»* / *«кара лачын»* не могут быть друг с другом отождествлены. Правда, цветовая окраска этих двух видов

птиц совпадает – они черные.

Возникает вопрос: а что вообще у них общего с символической «птицей» племени кыйат? Она, как было уже нами установлено [8; 13], в качестве онгона (сульде) именовалась «как шонкар» [8; с. 121]. Но в связи с тем, что эта разновидность хищных птиц входит в семейство соколиных, между эпическим «черным соколом» (*кара лачын*) и «каракошом» из «Дефтере Чингиз-наме», а также древним онгоном «*ак шоңкар*», невидимая, объединяющая их нить все-же существует. Кроме, конечно, различий в их окраске. По этому поводу нужно дать некоторые пояснения.

По нашему мнению, в эпосе «Идегей» обнаруживается объединение двух разных этнокультурных традиций наименования клановых онгонов (оно характерно и для дастана «Туляк и Сусылу») – тюркской (домонгольской) и монгольской. Как было показано, в более раннем дастане «Туляк и Сусылу» фигурирует «*ак шоңкар*» – «денежная птица», хотя и проглядывает образ «белой совы» / «*ак йапа-лак*». Ее «прикрепленность» к тронному месту выдает ее происхождение, что мы еще покажем далее. А в более позднем по времени создания эпосе «Идегей» эта символическая «птица», уже «севшая» на поверхность ханского венца – одного из значимых символов власти, несмотря на сюжеты, рассказывающие о конкретной охотничьей птице, выступает и в образе «государственной птицы». В данном случае также можно полагать, что в рассматриваемом эпосе наблюдается определенный синтез этнокультурных традиций – «*кара лачын*» еще есть сокол, но по окраске он уже близок к своему собрату «каракошу» из ястребиных, в том числе и как «орел». Пожалуй, мы можем полагать, что, несмотря на иное наименование и другую окраску этих «птиц» по сравнению с древним символом «*ак шоңкар*», у эпического «кара лачына / каракоша» присутствует один очень существенный признак, выдающий ее древнейшие корни. Речь идет о том, что в эпосе «Идегей» Котлыкыя бий, в ходе ответа на обвинения хана Тохтамыша в измене, сравнивает двукратный перевод своего племени по воле хана из одного «юрта» в другой (подразумевается его перемещение с левого берега р. Идель на ее правый берег) с переносом «птицы» своего сюзерена с одного насеста на иной насест в виду перехода «кара лачына» от Тохтамыша к эмиру Тимуру, и в оценке этих событий использует выражение «*ырыс киткәне / уход ырыса*» [5, 20–21 бб.]. Между тем понятие «ырыс» с древнетюркского времени обозначало «счастье, благополучие», поэтому с перемещением названной «птицы» хана Тохтамыша связывается уход от хана благополучия, то есть, у данного птичьего создания проглядывает символическое значение носителя счастья / благополучия, что было характерно именно для древнего монгольского онгона (сульде).

В результате становится более понятным, во-первых, полет символической «птицы счастья», под названием «*ак шоңкар*», над местом размещения «золотого трона» в дастане «Туляк и Сусылу», ибо у Чингисхана и его потомков в Золотой Орде он являлся важнейшим государственным символом (подробнее об этом см.: [12, с. 22–24; 8, с. 330–333]); во-вторых, в эпосе «Идегей» чернокрылая «государственная птица» изображается на «золотом венце» хана Тохтамыша, явно получая символическое значение как знак принадлежности к «Алтын уруку» Чингисидов, размещенном на другом значимом атрибуте власти – венце.

Поэтому, когда в «Дефтере Чингиз-наме» тамга Чингисхана именуется «кош баш[ы] / птичья голова», а у Батуидов на монетах проглядывают птицеподобные тамги, у которых иногда видны и смотрящие в разные стороны клювы [12, 28 б.], на золотоордынских монетах конца XIII–XIV вв. приобретающих точно выраженный характер двуглавых птиц – «ике баш каракоша», мы более чем вероятно имеем дело все с той же символической «птицей» «дома» Чингисхана – онгоном (сульде) личного клана основателя Великого Монгольского Улуса, изначально являвшегося всего лишь одной из хищных птиц, известной из ранних монгольских источников как «*ак шоңкар*».

Появление на монетах XIV в. (как будет далее показано, и последней четверти XIII в.) двуглавых птиц, фактически ставших с течением времени своеобразным геральдическим знаком (гербом) Золотой Орды, имело глубинное значение – этот символический знак обеспечивал государству и его правителям благополучие / счастье (*ырыс*). Отсюда нетрудно понять, что отец Идегея Котлыкыя-бий, убитый по приказу хана Тохтамыша, заслуживал такую смерть потому, что он изменил духу – хранителю всего «Золотого урука», следовательно, и Улусу Джучи / Золотой Орде в целом.

Установление содержания, скрывающегося в рассмотренных дастанах в образах птиц, на золотоордынских монетах превратившихся в «двуглавых / *ике баш каракошев*», позволяет еще раз обратиться к все еще остающемуся дискуссионным вопросу о так называемых «двуглавых орлах» в русской геральдической традиции. Так как этот вопрос нами уже разбирался [9] и наш главный вывод сводился к тому, что данная русская традиция возникла на основе золотоордынской геральдики, считаем возможным далее рассмотреть эту проблему как разбор аргументов одного из наших оппонентов [3], не согласившегося с нашим мнением.

К происхождению русской геральдической традиции с «двуглавыми орлами»

В обобщенном виде основной тезис научного сотрудника Института востоковедения РАН Е. Ю. Гончарова, оппонировавшего нам (да и другим более ранним авторам, придерживавшимся похожих взглядов), выглядит так: «...Эмблема «Двуглавый орел» появилась <вначале>... на монетах в восточной части Малой Азии, откуда распространилась по всему полуострову и только потом проникла в денежное дело Золотой Орды. Монетный материал не дает никаких данных для выведения российского герба из изображений на джучидских медных деньгах» [3, с. 5]. При этом данный автор, рассмотрев монетное дело XIII–XIV вв. не только в Золотой Орде, но и на территории Малой Азии (Конийский султанат, государство Ильханов, турецкие бейлики), если сказать более конкретно, склонился к мнению, что изображение «двуглавых орлов» (понятие «орел» тут условное) «было перенесено на монеты Золотой Орды с монет, чеканенных на территории Малой Азии в эпоху Ильханов и наследовавших им турецких бейликов» [3, с. 12]. Аргументация Е. Ю. Гончарова в базовой её части была такой: «... о примате ильханидского двуглавого орла <свидетельствует> его историко-культурная предыстория, бытование

эмблемы в Северной Месопотамии в частности, и в Малой Азии, в общем...». По его мнению, именно присутствие этого изображения на ряде артефактов из тех мест в предмонгольское время и позволяет говорить и его «естественном <проникновении> в набор символов иранских Чингизидов», тогда как «на территории Восточно-европейских степей в домонгольскую эпоху нет ни одного изображения двуглавых орлов», к тому же на территории Улуса Джучи «... его изображение встречается эпизодично и ... чаще всего в районах, примыкавших непосредственно к Черному морю, за которым лежала Малая Азия Ильханов и, после них – Бейликов» [3, с. 12–13].

На первый взгляд аргументы Е. Ю. Гончарова выглядят убедительно, хотя ясно, что его выводы, основанные лишь на нумизматике – а там не все так просто – без учета тюрко-татарских эпических материалов и данных отдельных исторических сочинений («Дефтере Чингиз-наме»), имеют ограничения и не только потому, что Ильханы тоже являются представителями «Золотого рода», но и по другим причинам, на которых мы ниже и сосредоточимся.

Хронологические аспекты проблемы «двуглавых орлов»

В свое время С. А. Янина, проделавшая достаточно подробный историографический обзор по изучению золотоордынских монет с изображением «двуглавых орлов», отнесла их к первому десятилетию правления хана Джанибека – к 1343–1352 гг. [27], не согласившись с ранее высказанным в литературе мнением о существовании таких монет уже в период правления хана Узбека. В связи с тем, что ее вывод в целом сохранил свою силу и после публикации ряда достаточно больших коллекций золотоордынских монет [19; 24; 26], его следует признать обоснованным, но с некоторыми оговорками. Во-первых, известны по меньшей мере три анонимные монеты с «двуглавыми орлами» чекана Гюлистана 766 г.х. (1364–1365), что не позволяет согласиться с предложенной С. А. Яниной в свое время конечной датой чеканки таких монет – 751 г.х. (1352–1351). Во-вторых, в результате введения румынским исследователем Э. Оберлендер-Тырновяну в научный оборот небольшой серии монет Ногаидов с изображением «двуглавых орлов», как он писал, с «плавающей» их датировкой от 1286/1287 по 1296 годы [18, с. 38–53], нижнюю хронологию данного типа золотоордынских монет удалось отодвинуть на последние десятилетия XIII в. Об этом писал и Е. Ю. Гончаров [3, с. 7–8]. В итоге получается, что рассматриваемые типы монет были характерны для Чингисидского историко-культурного пространства уже в XIII в. А так как у Хулагуидов (тоже Чингисидов!) такие монеты также известны с датировкой 663–680 г.х. (1265–1282), 683–690 г.х. (1284–1291 [3, с. 10–11], существование аналогичных монет у Ногаидов в 1280–1290-х годах нельзя рассматривать как случайность. Да и бытование монет с «двуглавыми орлами» в Золотой Орде при ханах Тула-Буге (1287–1290) и Токте (1290–1312) (в обоих случаях как чекан Крыма), а также наличие анонимных золотоордынских монет 1298–1307, 1343–1344 годов, как и монет такого же типа у Ильханида Абу-Саиде 689–690 г.х. (1317–1335) гг. (на это указал и Е. Ю. Гончаров, см. [3, с. 7–8, 11]) показывает, что мы имеем дело с явлением, характерным в целом для западных территорий, подвластных Чингисидам. При таком положении из-за близости хронологических рамок быто-

вания монет с «двуглавыми орлами» в названных двух государствах, основываясь только (за одним исключением, о нем см. ниже) на достаточно редких медных монетах (фельсах) султана Рума Гийас ад-дина II 1283–1298 гг., к тому же в юности в 1269/1270–1278/1279 годах находившегося со своим отцом в Крыму (в районе Судака и Солхата), говорить о сельджукском преимуществе в изображении на монетах двуглавых птиц [3, с. 10], вряд ли возможно, во всяком случае, однозначно. Признаем, что существуют свинцовые печати 1249–1587 гг. с «двуглавыми орлами» так называемых «Трех братьев» – правителей Конийского (Румского) султана [3, с. 10]. Но с этим знаком, точнее с его объяснением, могут возникнуть свои сложности, связанные с ранней историей огузских кланов. Это выясняется после рассмотрения далее этого аспекта обсуждаемой проблемы.

Вопрос об огузо-сельджукском историко-культурном наследии и его неожиданный оборот.

Когда Е. Ю. Гончаров, отстаивая свой вывод о приоритетности изображения «двуглавых орлов» у Ильханидов перед Золотой Ордой – что, как было показано, на монетном деле доказывается не вполне – пытается обосновать сельджукско-огузско-тюркское его происхождение, пренебрегая при этом эпическим и историческим материалом, имеющим прямое отношение к татарскому историческому наследию, допускает ещё один промах, на этот раз связанный с собственно тюрками-сельджуками, точнее, их предками огузами, исходная родина которых, как известно, находилась на территории Средней Азии. В данном случае нас интересует один частный аспект обширной проблемы древней истории огузов, связанный с клановыми атрибутами их племен. Нами он был изучен при освещении истории племени кайи (др. формы – кай/кайы/кайиг) – личного клана основателя Османской династии Османа б. Эртугрула, являвшегося его беком (подробнее см.: [15]). Интерес к прошлому этого клана вызывают два факта: а) согласно знаменитому турецкому путешественнику Эвлия Челеби (1611–1683), Османы находились в «родстве» с «домом» Чингисхана [16, с. 60–61]; б) в тексте «Огуз-наме», включенном в труд Рашид ад-Дина «Джами' ат-таварих», в числе 24 легендарных племен, составивших «народ» Огуз-кагана, фиксируется и клан кайи (кроме упомянутых есть и такие формы написания этого этнонима: кайгат, кыйгат, кыйат, кара-кай, орюнг-кай), у которого онгоном являлся «белый сокол», в «Шеджереи теракиме» Абул-Гази Бахадур хана (1603–1664) определенный как «шонкар», правда, без указания цвета этой «птицы». На самом деле это должен быть уже известный нам «ак шоңкар» [15, № 1, с. 36–37, 41].

Как представляется, этот «птичий» сюжет, наряду с приведенным выше мнением Эвлия Челеби и вариантами написания этнонима кайи в формах кыйгат / кыйат, представляет интерес, в том числе он, как думается, позволяет разгадать загадку вышеназванных достаточно ранних сельджукских печатей.

Наш анализ показал [15] что между огузским кланом *кайи* (*кайы/кайиг*) и монгольским племенем кыйат (кый+монг. формант мн. числа – ат) имеются исторические связи, в том числе через возведение рядом исследователей (П. Голден, О. Прицак, А. С. Ахинжаков, С. Атвуд) ранней этнической истории группы кай / кайи к монголо (кидане)-язычным предкам (см. подробнее [15, № 2, с. 52–53, 58–59]), правда, весьма рано – уже в XI в., тюркизированным. Хотя мы (да и некото-

рые другие исследователи – см., например, [17]) склоняемся к мнению о тюркских этнических истоках клана кай/кайи, приходится принять во внимание и взгляд той группы историков, о которых было сказано выше.

В целом, несмотря на некоторые противоречия в трактовках разных групп исследователей, группа кай / кайи первоначально, скорее всего, находилась вблизи уйгуров, далеко на востоке, выселившись оттуда в XI в. под давлением усилившихся киданей. Этот клан с не слишком ясной этнической аффилиацией (тюрки или монголо (протомонголо)-язычные?), не исключено, связанный с кимаками (йемеками), в конце концов оказался и в составе западных половцев (каепечи= кай+печи / бече – последний термин отражает принадлежность. Но возникает вопрос о связях восточных каев с теми группами с близким наименованием (кайи / кайиг), оказавшимися не только среди огузов, но и ставших этнической основой личного клана Осман-бека, основателя Османского государства.

Как думается, клан кай / кайи, из состава которого выделились основатели династии Османов, может в равной степени считаться как поздними огузами, так и восточными тюрками, переселившимися в XI в. в ходе крупной тюркской миграции на запад, положившей начало кыпчакскому этапу истории Дешт-и Кыпчака. Судя по легендарным данным, сохранившемся у Э. Челеби, в лице этой группы мы все-таки имеем дело с теми кайями (каепечи!), которые входили в состав половцев. Для решения этого спорного вопроса ключевое значение имеют племенные атрибуты (тамга и онгон – «птица») клана кайи.

К сожалению, у Рашид ад-Дина тамги и онгоны огузских племен в его версии «Огуз-наме» слиты, точнее, сама тамга клана кайи там отсутствует. Не исключено, что в ранний период изображение онгона выполняло и функцию тамги. Такое же положение, в частности, обнаруживается и у «Алтын урука» Чингисидов, у которых тамга далеко не случайно носила название «*кош баиш*» / «птичья голова» [7; 9]. Однако, как было уже отмечено, у Абул-Гази Бахадур-хана эти атрибуты разведены, а онгон клана кайи носит название «*шоңкар / ак шоңкар*». Поэтому, вне зависимости от того, из состава каких каев – западных или восточных, были выходцами соплеменники Османа, на самом деле мы имеем дело все с тем же народом кай – народом «Великого Змея», в X в. китайским (сунским) послом Ванг Ен-ти, застигнутом при его путешествии к уйгурам вблизи киданей, то есть, далеко на востоке.

Поразительное совпадение названий бывшей онгоном «птицы» братских племен кайи и байаут у огузов, с «птицей» личного клана Чингис-хана – племени кыйат, может свидетельствовать об общих этнических истоках этих кланов. Что касается предков Османа, есть достаточно оснований для утверждения о том, что их личный клан (не слишком многочисленный, скорее всего, бывший частью находившихся в составе половцев Каепечей) принадлежал к беженцам, вытесненным из Дешт-и Кыпчака в ходе монгольских завоеваний [1, с. 16]. Именно в ходе монопольских походов 1220-1230-х годов сородичи предков Осман-бека могли уйти в глубь сельджукских территорий, поступив на службу к султану Али ад-Дину (1220–1237) в Конийский султанат, возможно, еще будучи язычниками. Затем они были превращены в пограничных стражников, стали мусульманами – гази, защищавшими свои территории от иноверцев – византийских греков. С точки зрения

сельджукских огузов клан кайи, как часть кыпчаков, действительно мог восприниматься в XIII в. как «татарское» племя, а Эвлия Челеби в своей оценке этнической принадлежности «дома» Османа мог учитывать не только созвучие этнонимов (кайи / кайгат / кыйат), но и совпадающие клановые атрибуты в виде «птицы» «шоңкар / ак шоңкар» продолжавшего существовать в Золотой Орде как отдельное племя клана кыйат (знаменитый Мамай был его беком!) и оказавшегося среди сельджукских огузов племени кайи.

В конечном счете, «малоазийское» происхождение «двуглавого орла» (на самом деле орнитологически это может быть, как ястреб, так и сокол) оказывается весьма сложным феноменом, не укладывающемся в ход рассуждений Е. Ю. Гончарова. Кроме прочего об этом достаточно ясно говорят тюрко-татарские эпические и отдельные исторические (например, «Дефтере Чингис-наме») материалы.

«Византийский след» у русской геральдической традиции, заметим, также обоснован недостаточно, на что указывал ещё Р. Р. Фасмер [22]. Зато сельджукская традиция изображения «двуглавых орлов» на монетах хорошо известна, как было уже отмечено, у Зенгидов и Ортукидов в XII – начале XIII вв., а у одного из тысячников из мамалюков Бейбарса I по имени Байсары, умершего в 1297/1298 г., также имелся герб в виде именно этого изображения [2, с. 22]. Поэтому, попытки некоторых исследователей заключить, что Хулагуиды заимствовали эту эмблему у Зенгидов и Ортукидов (на это указывает С. А. Янина со ссылкой на публикацию Г. Нютцеля), не выдерживает критику – речь должна идти о древней тюркской (центральноазиатской) исторической традиции. А заявление Э. Оберлендер-Тырновяну относительно возможности появления в Золотой Орде эмблемы с «двуглавым орлом» как результат «заключения браков между правящими династиями Джучидов и Палеологов» с намеком на то, что оно совпало с «возобновлением джучидских амбиций на мировое господство» [18, с. 49], следует признать безобосновательным. Что касается приписывания этой традиции «византийскому влиянию» через посредничество Палеологов, то оно является недоказанным хотя бы потому, что данная геральдическая эмблема являлась «нововведением семьи Палеологов», только начавшим её формировать в эпоху появления ее на золотоордынском культурно-историческом пространстве. Далекое не случайно в этом плане следующее высказывание Р. Р. Фасмера: «... если уже византийское влияние было так сильно, что византийские печати могли влиять на изображения джучидских монет, то следовало бы подавно ожидать и влияния византийских монет на монетное дело Золотой Орды. Между тем никакого сходства между монетами Джучидов и монетами Византии не наблюдается» [22, с. 112]. Тем более это так потому, что не стоит искать какой-то мифический «византийский след» в золотоордынских материалах в период полной исламизации Улуса Джучи, когда для этого, ставшего частью мусульманского мира государства, приоритетными стали не контакты с дряхлеющей христианской Византией, а с исламским Ближним Востоком и мамлюкским Египтом. Наконец, Джучиды времени правления Чингисидов на огромных территориях, в том числе и в Золотой Орде, при ханах Тохте, Узбеке и Джанибеке, когда государство достигло зенита своего могущества, никак не могли нуждаться для своей идентификации в каких-то византийских символах – у Чингисидов для этого имелось собственное историко-культурное наследие, ух-

дящее своими корнями в Центральную Азию. Да и собственный харизмы (вспомним эпический «*ырыс*»), находившейся в прямой связи с древним онгоном /сульде рода Чингисхана, у них было более чем достаточно.

А вот русскому миру, на этапе распада Улуса Джучи, находившемуся на подъеме, этот имеющий центральноазиатские и ближневосточные истоки символ, мог быть крайне необходим для обоснования растущих политических амбиций Московского царства. Тем более, что этот геральдический знак был связан не только с ханским венцом, но и с золотоордынским тронным местом. Не зря, как думается, изображение «двуглавого орла» на печати Московского царства в XVII в. было короновано тремя (Казанского, Астраханского и Сибирского ханств) коронами «славных царств». Тут налицо не просто царские (ханские) регалии в виде венцов, но и присутствует сам дух Чингисидов в образе «двуглавого орла» / каракоша. Поэтому, несмотря на все попытки оспорить собственно татарский «след» в русской геральдической традиции (последние труды с таким уклоном см.: [20; 21]), его просто так не обойти – исторические данные этого не позволяют.

Список источников и литературы

1. Бальфур Дж. Османская империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV–XX вв. Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: ЗАО Центрополиграф, 2019. 639 с.
2. Галкин Л. Л. Символика джучидских монет // Проблемы советской археологии. М.: Изд-во «Наука», 1976. С. 219–229.
3. Гончаров Е. Ю. Двуглавый орел на монетах Золотой Орды и Малой Азии. Вторая половина XII–XIV вв. // Нумизматика Золотой Орды. Golden Horde Numismatics. № 5. Казань, 2015. С. 5–15.
4. Госманов М. Г. Каурый каләм эзеннән. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. 463 б.
5. Идегәй. Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 254 б.
6. Идегей. Татарский народный эпос. Пер. Семена Липкина. Казань: Татар. кн. изд-во., 1990. 256 с.
7. Исхаков Д. М. «Дом Чингиз-хана» (Алтын Урук): клановая принадлежность и её атрибуты // Этнологические исследования в Татарстане. Материалы итоговой конференции Института истории АН РТ, посв. 10-летию Института. Вып. 1. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. С. 18–27.
8. Исхаков Д. М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в тюрко-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 4. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории АН РТ, 2011. С. 119–127.
9. Исхаков Д. М. В поисках истоков и смысла изображения двуглавых птиц (орлов) на золотоордынских монетах // Нумизматика Золотой Орды. Golden Horde Numismatics. № 3. (Посвящается памяти Елены Давидович) Казань, 2013 а. С. 120–127.

10. Исхаков Д. М. Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском /Казанском вилайяте в 60–70-х годах XIV – 40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013 б. 63 с.
11. Исхаков Д. М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә яшеренгән милли тарихыбыз. Икенче язма: «Идегэй» дастанының серләре // Туган жир. Родной край. 2018 а. № 3. Б. 14–27.
12. Исхаков Д. М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә яшеренгән милли тарихыбыз. Икенче язма: «Идегэй» дастанының серләре // Туган жир. Родной край. 2018 б. № 3. Б. 19–29.
13. Исхаков Д. М. Дастан «Идегей»: к вопросу о выявлении исторических реалий в эпическом произведении (часть I) // Сибирский сборник: сборник научных статей / под. ред. З. А. Тычинских. Вып. 4. Тобольск: ООО «Компания “Содействие”», 2019. С. 328–340.
14. Исхаков Д. М. Золотоордынские татары «белой кости» в дастане «Идегей» (часть II) // Сибирский сборник: сборник научных статей / под. ред. З. А. Тычинских. Вып. 5. Тобольск: ИП Жмуров С. В., 2020 а. С. 87–115.
15. Исхаков Д. М. История племени Кай и вопрос о происхождении династии Османов // Туган жир. Родной край. 2020 б. № 1. С. 34–50; № 2. С. 52–68; № 3/4. С. 70–86.
16. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667). Перев. и комм. В. А. Бахрявского. Симферополь: ДАР, 1999. 241 с.
17. Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972. 156 с.
18. Оберлендер-Тырновяну Э. Byzantino-Tatarika – монетная чеканка в зоне устьев Дуная конца XIII – начале XIV века // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань: Изд-во «Яз», 2012. С. 38–53.
19. Сингатуллина А. З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань: Изд-во «Заман», 2003. 192 с.
20. Соболева Н. А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. 488 с.
21. Филлюшкин А. И. Титулы русских государей. СПб.: «Альянс-Архео», 2006. 256 с.
22. Фасмер Р. Р. О двух золотоордынских монетах // Записки коллегии востоковедов. Т. II. Вып. I. Л., 1926. С. 109–112.
23. Фахрутдинова А. С. Дастан «Туляк и Сусылу»: тюрко-татарские варианты. Монография. Казань: Ин-тут истории АН РТ, 2011. 124 с.
24. Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Изд-во «Полиграф», 2003. 352 с.

25. Чыңгызнамә: тарихи дастаннар / «Татар археографиясе» сериясе, 23 китап. / төз. Р. Мәрданов. Казан: «Милли китап» нәшр., 2019. 288 б.
26. Шельди Н. М. Булгаро-татарские монеты XIII–XV вв. Практическое руководство для нумизмата-ориенталиста. Казань: РИЦ «Титул», 2002. 168 с.
27. Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. III. № 8. М., 1960. С. 211–221.
28. Ivanics Maria, Usmanov M. A. Das Buch der Dschingis – Legende (Däftär-i Čingiz-nāmä). I (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles. Studia Uralo-Altica 44. Szeged, 2002. 324 p.

О ТРУДЕ Ф. Ю. ЮСУПОВА «АНТОЛОГИЯ ФОЛЬКЛОРА СИБИРСКИХ ТАТАР»

Л. Р. Сурметова

*Россия, г. Тюмень, библиотека № 18 МАУК «Централизованная городская
библиотечная система»*

С 2014 года в г. Казань начала издаваться «Антология фольклора сибирских татар. Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры». Первый том антологии включает в себя образцы жанра устного народного творчества сибирских татар – дастаны, мунаджаты и баиты. Во втором томе представлены образцы жанра «Сказки», собранные в разное время у сибирских татар. В третий том антологии вошли образцы жанров хикаяты, риваяты и мифы. В 2018 году вышел в свет четвертый том «Антологии фольклора сибирских татар», куда вошли образцы песенного творчества, а также отрывки из некоторых дастанов с различными вариантами напевов.

Ключевые слова: сибирские татары, фольклор, жанры, исследователи фольклора и их издания.

ABOUT THE WORK OF F. Y. YUSUPOV «ANTHOLOGY OF FOLKLORE OF THE SIBERIAN TATARS»

Since 2014, the Anthology of Folklore of the Siberian Tatars has been published in Kazan. Siberian Tatars. From the treasury of spiritual culture.” The first volume of the anthology includes samples of the genre of oral folk art of the Siberian Tatars – dastans, munajats and baits. The second volume presents samples of the genre of “Fairy Tales” collected at different times from the Siberian Tatars. The third volume of the anthology includes samples of the genres of hikayats, rivayats and myths. In 2018, the fourth volume of the Anthology of Folklore of the Siberian Tatars was published, which included samples of songwriting, as well as excerpts from some dastans with various versions of tunes.

Keywords: siberian tatars, folklore, genres, folklore researchers and their publications.

С 2014 года в г.Казани начала издаваться серия «Антологии фольклора сибирских татар. Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры», автором-составителем которой является доктор филологических наук, профессор КФУ Фарит Юсупович Юсупов. Она представляет собой сокровищницу языка, духовной культуры сибирских татар, сохранившейся неизменной из глубины веков.

Руководителями данного научного проекта являются доктор филологических наук, профессор КФУ Р. Р. Замалетдинов (1-й том) и кандидат филологических

наук, доцент КФУ Ф. Х. Завгарова (2-4 тома). Впервые, следуя традициям тюркологической школы и первого исследователя языка, фольклора сибирских татар В. В. Радлова, поэтические тексты образцов даны в транскрипции на сибирско-татарском языке и в переводе на литературный татарский и русский языки (в русской академической транскрипции). Переводы поэтических текстов на русский язык осуществлены Б. Н. Сабировой и Ф. Ю. Юсуповым, нотная транскрипция выполнена Д. Н. Арслановой.

Первый том [17, с. 648] антологии содержит образцы лиро-эпического жанра устного народного творчества сибирских татар – дастаны, мунаджаты и байты. Основу его составляют материалы, собранные В. В. Радловым, а также Х. Х. Ярми [21, с. 308] и Ф. В. Ахметовой-Урманче.

Во втором томе [18, с. 887] представлены образцы жанра «Сказки», собранные в разное время у сибирских татар Западной Сибири. Этот том автор посвятил светлой памяти выдающихся собирателей и исследователей фольклора сибирских татар – В. В. Радлова, наших земляков Х. Х. Ярмухаметова и Ф. В. Ахметовой-Урманче.

В третий том [19, с. 895] антологии вошли образцы жанров хикаяты, риваяты и мифы, сохранившиеся в памяти народа и передаваемые из поколения в поколение. Автор уверен, что представленные в первоизданном виде материалы позволяют наглядно представить языковые изменения, происходившие в сибирско-татарском языке на протяжении XVIII–XX веков.

В 2018 году вышел в свет четвертый том «Антологии фольклора сибирских татар» [20, с. 896], куда вошли образцы песенного творчества, а также отрывки из некоторых дастанов с различными вариантами напевов. Автор разделил их на шесть жанровых групп.

Лирические протяжные песни – «озын кёйлэр» составляют основной раздел традиционной песенной культуры сибирских татар. В это издание вошло всего 127 образца. Они считаются самыми древними и на сегодняшний день исполняющих эти старинные песни практически не осталось. Из распространенных и широко популярных песен среди тобольских и барабинских татар считаются «Кара елан», «Сактийэн пашмак», а в Тобольском и Вагайском районах Тюменской области «Усакай», «Мэтинэкэй», «Кэшэмир чаршау», «Карлыгац», «Эскатрон», «Тал пасмакай».

Среди распространенных песен у сибирских татар Омской области можно назвать такие образцы, как «Мэхмүзэ», «Сажидэ», «Тау авылы кёе», «Балавыз шэм», «Кэлмэт (авылы) кёе», «Аргамагым» и другие. Самыми популярными и известными среди барабинских татар являются песни «Мэрьям», «Карчыга», «Камыш кёе», «Жаныем, сылуым, бибием» и т.д.

В песенной культуре исследуемых татар значительную группу составляют деревенские напевы, называемые в народе «авыл кёйлэре». Мелодию этого жанра знают в каждой деревне, они более легкие в исполнении, охотно исполняют с разными вариантами напевов. В антологию вошли 130 образцов этого жанра. Однако следует отметить, что автор деревенские напевы вместе с частушками включил в жанр «коротких песен». Поэтому здесь возникает некоторая путаница, какие образцы относятся к «частушкам», а какие к «коротким»... Узнать их можно лишь

по содержанию, либо по слогоритмическому строю!..

Третье место по объему занимает жанр «дастанов», их всего 54 образца. Здесь представлены напевы дастанов в нескольких вариантах с поэтическими текстами, отражающие богатство музыкального наследия сибирских татар, например: «Алып Мәмшән», «Сэйфелмөлек», «Айтүкә», «Туктасын Мәргән», «Кузы-Күрпәц», «Таһир һәм Зөһрә». 17 примерами представлен жанр «инструментальные напевы». На сегодняшний день исчезающимися считается жанр «обрядовые песни», которые представлены в этом издании 16 образцами, что очень ценны. Жанр «Байты» даны с 14 образцами, и наименьшим количеством, всего 6 образцов – «солдатские песни». Стоит отметить, что жанр «солдатские песни» совершенно не популярны в Тюменском регионе.

Теперь нам бы хотелось остановиться на каждой из работ, вошедших в эту антологию, и провести более тщательный анализ.

Начиная с первой половины XX века интерес к духовному наследию сибирских татар стали проявлять и профессионально изучать различные российские ученые. В 1940 году во время научной экспедиции, организованной Кабинетом музыкального фольклора Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова в Омскую, Новосибирскую, Тюменскую области, писатель Мухаммед Садри и композитор Александр Ключарев привезли с собой богатый материал. На основе собранных материалов ими были опубликованы сборники: «Татарские народные песни» А. Ключаревым [8, с. 488] и «Иртешкә сәяхәт» М. Садри [13, с. 158]. В сборник Ключарева вошли 25 лирических протяжных песен, 21 деревенских напевов, 5 напевов дастана, 3 солдатских песни, 3 инструментальных мелодий. Эти образцы представлены в нотной транскрипции, а в книге Садри даны без нотной транскрипции поэтические тексты 14 лирических протяжных песен, 13 деревенских и 6 напевов дастана.

В изучение, сохранение и пропаганду песенного творчества сибирских татар свой вклад внес и композитор Д. Файзи. Во время фольклорно-этнографической экспедиции в 1965 году в Сибирь ему удалось зафиксировать множество оригинальных образцов народных песен, среди них «Усакайлар», «Сахраларда», деревенские напевы: «Яңа Атьял», «Ярхәм», а также «Солдат жыры», которые впоследствии были включены в его сборник «Халык жәүһәрләре» [15, с. 288].

С особой гордостью хочется отметить научный труд лауреата Государственной премии РТ им. Г. Тукая, уроженки сибирско-татарской деревни Чебурга Тюменской области, носителя языка, крупного знатока фольклора сибирских татар Ф. В. Ахметовой-Урманче. В этом плане ее труды [1, с. 512], [2, с. 639], [3, с. 543], [5, с. 188] сопоставимы лишь с фундаментальными трудами В. В. Радлова. Почти ¼ часть антологии составляют материалы, записанные ею впервые в 1960-1970 годах современный музыкальный фольклор татар Сибири, не только в виде текстов, но и как образцы песенного творчества. Это – 99 образца различного жанра. Большое место занимают 33 лирические протяжные песни, представляющие ценнейшие образцы музыкального фольклора сибирских татар, 29 напевы дастанов, 13 свадебных обрядовых напевов, из них «Кияү типсәү» и «Яр-яр» даны с несколькими вариантами, 8 деревенских напевов, 7 байтов, 7 инструментальных наигрыша, 2 солдатские песни.

Весомый вклад в изучение музыкального фольклора сибирских татар внес известный татарский музыковед, фольклорист М. Н. Нигмедзянов. В 60-70-е годы он с целью собирания и изучения устного народного творчества сибирских татар побывал в населенных пунктах Тюменской, Омской и Новосибирской области. В его сборник «Татарские народные песни» [9, с. 216], вошли 9 протяжных, 4 инструментальных, 7 деревенских напевов, 1 образец байта, собранные в ходе сибирских экспедиций и которые нашли отражение в данной антологии.

В течение многих лет сбором, пропагандой активно занималась методист отдела татарской культуры Дома национальных культуры «Строитель», уроженка деревни Тукуз Тюменской области, талантливая исполнительница сибирско-татарских народных песен Алминур Патршина. Она собрала богатый материал по музыкальному фольклору сибирских татар, часть которых вошли в опубликованный ею сборник «Себер татар халык жәүһәрләре» [10, с. 84]. Среди них 13 деревенских напевов, 8 лирических протяжных песен, 4 мунаджата, 3 байта, 1 свадебная песня, из которых 14 образцов даны в нотной транскрипции.

В 1996 г. благодаря А. Патршиной сотрудники Казанского фольклорного центра под руководством композитора, музыковеда Кутдуса Хуснуллина вновь побывали в том же Вагайском районе и зафиксировали 13 новых протяжных лирических песен, 2 байта и 1 деревенский напев, вошедшие в его сборник [16, с. 724]. Все эти образцы нашли отражение в этом издании.

В собирание и изучение музыкального фольклора сибирских татар всю свою творческую жизнь посвятил музыковед, фольклорист, заслуженный работник культуры Республики Татарстан И. Ш. Кадыров. В 1968-1972 годах он с целью изучения устного народного творчества татар Западной и Восточной Сибири объездил населенные пункты Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей и собрал богатейший материал у всех этнографических групп сибирских татар. На сегодняшний день по предоставленным им материалам сибирских экспедиций, нами подготовлен к печати фольклорный сборник, состоящий из 303 образцов различного жанра.

Более 20 лет сбором, изучением и пропагандой музыкального фольклора сибирских татар Тюменского региона активно занимается уроженка деревни Чечкино Тюменской области, выпускница Казанской государственной консерватории им. Н. Жиганова, исполнительница сибирско-татарских народных и эстрадных песен Л. Р. Сурметова. По музыкальному фольклору сибирских татар ею защищена кандидатская диссертация, издан сборник «Песни, байты и мунаджаты сибирских татар» с СД-приложением [14, с. 260], выпущен 2 СД-альбома с сибирско-татарскими фольклорными песнями.

В данное издание вошли еще 23 образца из экспедиций Казанского государственного университета в Тюменскую область в 2014-2015 годах, в которых Фарит Юсупов сам принимал участие. Во время этой поездки автор успел записать одну из самых забытых песен сибирских татар – «Эскадрон», малоизвестную «Мәгъзәнур әби жыры» и даже напев дастана «Пурихан».

Большой вклад в сбор и научное исследование музыкального фольклора отдельных этнографических групп сибирских татар внес профессорско-преподавательский состав Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глин-

ки. В 1999-2008 годах ими было собрано значительное количество фольклорных материалов в Новосибирской и Томской областях. По сравнению с материалами, собранных нами в 1992-2003 годах в Тюменском регионе, можно сказать, что жанр «авыл көйләре» у барабинских и чатских татар пользуется большой популярностью. В это издание вошли 49 деревенских напева. И надо отметить, что ни один из них в Тюменской области не популярен, так, например, «Апа багла дисән иде», «Байкал бит ул, байтак бит ул», «Кызыл-кызыл бөрлегән», «Абау Алла, диеп кенә», «Алалмадым, киялмәдем» и другие. Что касается лирических протяжных песен, то, в этом регионе сохранились такие же напевы, как и в других регионах Сибири: «Кара урман», «Шахта», «Зөләйха». Есть и неизвестные, не столь популярные среди других этнических групп сибирских татар песни: «Жир жиләкләре пешкәнче», «Сандугачым икәнсең», «Сандугачның балалары» и другие. Что примечательно, среди обрядовых напевов ими зафиксирована песня «Хан кызы». Все эти материалы представлены в труде «Народные песни сибирских татар» [7, с. 172], авторами которого являются Н. С. Капицына и Н. М. Кондратьева. Что касается других жанров, то, как мы видим, баиты-мунаджаты, колыбельные, солдатские, свадебные обрядовые песни, напевы дастанов в этом регионе практически не зафиксированы, что говорит об их не сохранности.

Из новосибирских ученых следует отметить лингвиста Л. В. Дмитриеву, которая в 1967-1968 годах записала от барабинских татар несколько вариантов дастана «Айтука» и опубликовала его в своей книге «Язык барабинских татар» [6, с. 224]. Также хотелось бы остановиться на материалах, записанных в 1994-1998 годах в ходе экспедиций, организованных Институтом языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан в Тюменскую, Омскую, Новосибирскую, Томскую области. В книге Д. Рамазановой «Материалы сибирских диалектов» [12, с. 143] и Ф. Баязитовой «Сибирские татары» [4, с. 310], изданные по материалам этих экспедиций, большое место занимают образцы фольклора местного населения: песни, предания, мифы, дастаны.

Также с гордостью следует отметить, что в работе использованы материалы 4 части «Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар» [121 с. 361] 10-томного фундаментального труда великого ученого, академика, основателя российской тюркологии Вильгельма Радлова, посвященного языку и фольклору сибирских татар. Это дает читателям прекрасную возможность познакомиться с духовным богатством сибирских татар, хранящимся на протяжении веков.

Безусловно, проделан огромный и серьезный труд по сохранению культурного наследия сибирских татар – песенного творчества. Думаю и надеюсь, что материалы этого издания будут нужными и полезными для музыкантов, ученых, для будущего подрастающего поколения и всем тем, кто интересуется песенной, в целом традиционной народной культурой татарского народа.

Я безмерно благодарна авторскому коллективу за увековечение образцов устного народного творчества сибирско-татарского народа. Желаю им успешного осуществления дальнейших планов по подготовке и изданию очередных томов антологии фольклора сибирских татар. Пользуясь случаем выражаю признательность Республике Татарстан за выполнение «Государственной программы по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан

и других языков в Республике Татарстан на 2014-2020 гг.», Комитету по делам национальностей Тюменской области за оказание содействия в сохранении и возрождении жемчужин духовной культуры сибирских татар.

Список источников и литературы

1. Ахметова-Урманче Ф. В. Татар эпосы. Бәетләр = Татарский эпос. Байты. Казань: Раннур, 2001. 512 с.
2. Ахметова Ф. В. Татар эпосы. Дастаннар = Татарский эпос. Дастаны. Казань: Раннур, 2004. 639 с.
3. Ахметова Ф. В. Татарский эпос. Байты. Казан: ФЭн, 2005. 543 с.
4. Баязитова Ф. С. Себер татарлары (Рухи мирас: гаилә көнкүреш, йола терминологиясе һәм фолжклор) = Сибирские татары (Духовное наследие: семейно-бытовая, обрядовая терминология и фолжклор). Казан: Фикер, 2001. 310 б.
5. Джаным. Антология фольклора сибирских татар в записях XIX–XX вв.: песни, такмаки, сказки, байты, дастаны / Сост. Ф. В. Ахметова-Урманче, А. В. Преловский; худ. перевод и вст. статья А. В. Преловский. Москва: Новый ключ, 2016. 188 с.
6. Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар. Ленинград: Наука, 1981. 224 с.
7. Капицына Н. С., Кондратьева Н. М. Народные песни сибирских татар. Новосибирск: Окарина, 2013. 172 с.
8. Ключарев А. С. Татар халык җырлары. Китап I, II. Казан: Тат. кит. нәшр., 1986. 488 б.
9. Нигъмәтжанов М. Н. Татар халык җырлары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. 216 б.
10. Патршина А. Себер татар халык җәүһәрләре. Төмән: Сити-пресс, 2006. 84 б.
11. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV. СПб., 1872. С. 361.
12. Рамазанова Д. Б. Себер диалектларыннан материаллар = Материалы по сибирским диалектам. Казан: Фикер, 2001. 143 б.
13. Садри М. Ирешкә сәяхәт. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 158 б.
14. Сурметова Л. Р. Песни, байты и мунаджаты сибирских татар. Тюмень: ОАО Тюменский издательский дом, 2015. 260 с.
15. Фәйзи Ж. Х. Халык җәүһәрләре: Татар халкының хәзерге заман музыка фолжклоры. (ноталары һәм аңлатмалары белән). Казан: Татар. кит. нәшр., 1971. 288 б.
16. Хуснуллин К. М. Мөнәҗәтләр һәм бәетләр: Көйләп укуга нигезләнган жанрлар. Казан: Раннур, 2001. 724 б.

17. Юсупов Ф. Ю. Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар: дастаны, мунаджаты, байты / авт.-сост. Ф. Ю. Юсупов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 648 с.
18. Юсупов Ф. Ю. Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар. II: Йомаклар - Сказки = Себер татарлары. Рухи мәдәният жәүһәрләре. Себер татарлары антологиясе. II: Йомаклар / Под ред. Ф.Х.Завгаровой. Казань: Магариф-Вақыт, 2016. 887 с.
19. Юсупов Ф. Ю. Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар. III : Хикаяты. Риваяты. Мифы = Себер татарлары. Рухи мәдәният жәүһәрләре. Себер татарлары антологиясе. III: Хикәятләр. Риваятьләр. Мифлар / Под ред. Ф.Х. Завгаровой. Казань: Татар. кн. изд-во, 2017. 895 с.
20. Юсупов Ф. Ю. Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар. IV: Музыкальное наследие = Себер татарлары. Рухи мәдәният жәүһәрләре. Себер татарлары антологиясе. IV: Музыкаль мирас / Под ред. Ф. Х. Завгаровой. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 896 с.
21. Ярми Х. Х. Татар халкының поэтик ижаты. Казан: Тат. кит. нәшр., 1967. 308 б.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

А. И. Татарникова

Россия, г. Тобольск, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

В работе представлена характеристика типической структуры, численности и величины сельской поселенческой сети Томской губернии в позднеимперский период. Прослежено влияние модернизационных процессов и массового переселенческого движения на развитие сети поселений губернии, появление населенных пунктов новых типов, изменение их величины по количеству дворов и числу жителей по нескольким временным срезам. Сделан вывод о положительной динамике в развитии поселенческой сети, увеличении численности поселений в период с 1893 по 1911 гг. в 1,5 раза – с 3207 до 4965 соответственно. Показано изменение доли населенных пунктов некоторых типов в структуре поселенческой сети губернии, определена средняя величина томских селений в рассматриваемый период.

Ключевые слова: сеть поселений, Томская губерния, динамика развития, величина поселений, дворность, людность, модернизация, переселение.

DYNAMICS OF RURAL SETTLEMENTS DEVELOPMENT TOMSK PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The paper presents a characteristic of the typical structure, number and size of the rural settlement network of Tomsk province in the late Imperial period. The influence of modernization processes and the mass migration movement on the development of the provincial settlement network, the emergence of new types of settlements, the change in their size by the number of yards and the number of inhabitants over several time slices is traced. The conclusion is made about the positive dynamics in the development of the settlement network, an increase in the number of settlements in the period from 1893 to 1911 by 1.5 times – from 3207 to 4965, respectively. The change in the share of settlements of some types in the structure of the settlement network of the province is shown, the average value of Tomsk villages in the period under consideration is determined.

Keywords: settlement network, Tomsk province, dynamics of development, size of settlements, yard, population, modernization, resettlement.

Рубеж XIX–XX вв. вошел в историю Российской империи как период интенсивной аграрной колонизации ее периферийных территорий. Решая проблему малоземелья центральных губерний страны, правительство сконцентрировало свое внимание на пресечении неконтролируемого вольного переселения на слабо ос-

военные окраинные земли, разработке официальных правил для лиц, желающих водвориться на новые места.

В 1880–1910-е гг. в результате перехода государства от ограничительной политики в отношении переселения к разрешению и поощрению колонизации слабоосвоенных территорий, усилились аграрные миграции за Урал. При этом основной поток переселенцев, массово прибывавших в Сибирь, устремился в Томскую губернию, отличавшуюся наличием большего колониционного фонда удобных для обработки земель по сравнению с Тобольской губернией, а также транспортной доступностью (благодаря Транссибирской железной дороге). Так, с 1885 по 1893 гг. из общего числа прибывших в сибирский край переселенцев, в Томской губернии поселилось 75 %, в Тобольской – 8, Енисейской – 7,6, Иркутской – 0,2 [1].

В рассматриваемый период активизировалось социально-экономическое развитие Томской губернии. Это было вызвано строительством и вводом в эксплуатацию знаменитой сибирской «чугунки», интенсификацией проникновения капиталистических отношений в промышленность, сельское хозяйство и торговлю, массовым переселенческим движением. Начавшиеся под воздействием модернизации изменения не могли не отразиться на состоянии поселенческой сети губернии.

Целью настоящего исследования является конкретно-историческая характеристика процесса развития численности и величины сельской поселенческой сети Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. – на начальном этапе модернизации традиционной российской деревни.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1890 по 1910-е гг., что обусловлено влиянием начинающейся в это время модернизации на развитие населенных пунктов региона, а также спецификой источниковой базы, использованной для изучения сети сельских поселений Томской губернии. В исследовании были использованы «Списки населенных мест» – массовый статистический источник, содержащий сведения о численности и величине томских селений за 1893, 1904 и 1911 гг. [2; 4–5]. Это определило верхнюю и нижнюю временные границы работы.

Территориальные рамки исследования включают в себя Томскую губернию, которая в рассматриваемый период включала территорию таких современных субъектов РФ, как: Республику Алтай, Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Томскую области.

Большая часть Томской губернии занимала лесостепную полосу региона. В лесостепье были расположены Каинский, Змеиногорский, Бийский, Барнаульский округа-уезды, отличающиеся относительно плодородными землями, выгодными для земледелия. В лесной (таежной) зоне размещались Томский, Кузнецкий и Мариинский округа-уезды. Зональные различия оказывали влияние не только на климат, но и на качество земельных угодий, формы расселения населения, выбор местоположения населенных пунктов, их внешний вид, численность и величину.

Преобладающая часть томских поселений располагалась при реках, протоках (72,8 %). Остальные населенные пункты размещались у озер (10,4 %), ключей или болот (по 1,4 %), прудов (0,5). Некоторые поселения не имели естественного источника водоснабжения, пользуясь водой из колодцев (5,9 %).

Природно-климатический фактор сказывался на количественных и качественных характеристиках сельской поселенческой сети Томской губернии. Например, в расположенном на севере Томского округа-уезда Нарымском крае сеть населенных пунктов отличалась разреженностью, малодворностью, неразвитостью инфраструктуры. В то же время в Барнаульском и Бийском округах-уездах, занимающих южную часть губернии, доминировали селения средней и крупной величины, а поселенческая сеть характеризовалась плотностью размещения структурных элементов, развитыми торгово-экономическими и культурными взаимосвязями.

Аграрная колонизация томских территорий, усилившаяся в период массовых переселений, повлияла на основные характеристики сельской поселенческой сети рассматриваемого региона. Это находит подтверждение в полученных в результате произведенных подсчетов данных о численности населенных пунктов губернии (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности сельских поселений Томской губернии
в конце XIX – начале XX вв. (по округам-уездам)**

Округ-уезд	Число населенных пунктов		
	1893 г.	1904 г.	1911 г.
Барнаульский	681	737	1060
Бийский	672	409	435
Змеиногорский*	-	212	371
Каинский	398	541	740
Кузнецкий	671	583	570
Мариинский	200	233	422
Томский	585	921	1367
Итого	3207	3636	4965

* Змеиногорский округ был образован в 1894 г. из юго-западной части Бийского округа.

Подсчитано по: [2; 4–5].

Из таблицы 1 видно, что в период с 1893 по 1911 гг. количество населенных пунктов Томской губернии увеличилось в 1,5 раза (на 1758 селений). Столь быстрый рост численности поселений произошел во многом благодаря крестьянам-переселенцам, образующим на местах нового водворения отдельные поселения, либо приселяющимся к старожильческим селениям и, вследствие земельной тесноты, провоцирующим выселение отдельных крестьянских семей на отдаленные от основных угодий земли. В результате таких выселений возникали заимки и выселки – малодворные населенные пункты с неразвитой инфраструктурой.

В рассматриваемый период интенсивное образование новых селений происходило в Барнаульском, Каинском, Томском округах-уездах. Мариинский и Змеиногорский уезды отличались «плавным» ростом численности поселенческой сети, Кузнецкий – сокращением числа населенных пунктов. Причиной уменьшения количества кузнецких селений стало сокращение числа улусов – поселений томско-кузнецких татар (преимущественно шорцев), многие из которых были укруп-

нены или расселены путем приселения их жителей к другим населенным пунктам.

Одновременно с ростом численности сети поселений Томской губернии происходили изменения в ее типической структуре. В «Списках населенных мест» за 1893 г. в губернии зафиксировано пятнадцать типов населенных пунктов: села, деревни, станицы, выселки, заселки, заимки, хутора, поселки, станы, прииски, селения, улусы, айлы, юрты, аулы.

В 1904 г. структура поселенческой сети была представлена двадцатью одним типом населенных пунктов. К этому времени из предыдущего перечня исчезли прииски, но появились новые типы поселений: зимовья, переселенческие участки, железнодорожные станции и бараки, мельницы, пристани, рубежи.

К 1911 г. структура сети поселений насчитывала девятнадцать типов населенных пунктов (исчезли рубежи и пристани). Произошло значительное увеличение доли переселенческих поселков и участков (табл. 2).

Таблица 2

Доля некоторых типов населенных пунктов Томской губернии в общем числе сельских поселений, в %

Годы	Село	Деревня	Выселок	Заимка	Участок, поселок
1893	12,3	59,6	1,1	2,1	1,4
1904	16,4	50,7	1,0	2,0	9,1
1911	14,4	37,7	0,9	1,9	30,1

Подсчитано по: [2; 4–5]

Представленные в таблице 2 данные отражают изменения в соотношении населенных пунктов наиболее распространенных типов. На протяжении рассматриваемого периода заметно уменьшается доля деревень и растет доля селений, образованных переселенцами. При этом если в соседней Тобольской губернии к 1912 г. переселенческие поселки и участки занимали 13,7 % всей сети поселений, то в томской сети их доля составила свыше 30 %.

В 1893 г. в Томской губернии насчитывалось всего 45 переселенческих селений, в 1911 г. их было уже 1494. Таким образом, численность населенных пунктов со статусом «переселенческий поселок», «переселенческий участок» за восемнадцать лет выросла в 33 раза (!).

Влияние Транссиба на сеть поселений региона выразилось в появлении железнодорожных станций, барачков. В «Списках» 1911 г. зафиксировано 5 подобных селений. В дальнейшем их число значительно увеличится. К примеру, в 1928 г. только на территории Томского округа одноименной губернии будет насчитываться 40 населенных пунктов, возникших в результате ввода в эксплуатацию железной дороги [3].

Анализ статистических данных, полученных в ходе изучения «Списков населенных мест» по трем временным срезам показал изменения в численности селений аборигенных типов. Если в 1893 г. в губернии существовало 607 населенных пунктов, имевших «инородческий» статус, то к 1911 г. их осталось 464. Часть улу-

сов, расположенных на территории Кузнецкого уезда, получили статус юрт. Также в губернии имелись аулы и айлы. Аулами называли татарские селения, айлами – поселения коренных алтайцев.

Помимо численности поселений, одним из показателей развития поселенческой сети губернии является величина входящих в нее населенных пунктов. Она определяется количеством дворов (дворностью) и числом жителей (людностью).

Нами была определена средняя величина поселений Томской губернии по их дворности и людности по двум временным срезам: за 1893 и 1911 гг. (табл. 3).

Таблица 3

Средняя величина населенных пунктов в округах-уездах Томской губернии по количеству дворов и числу жителей (1893–1911 гг.)

округ-уезд	1893 г.		1911 г.	
	дворов	жителей	дворов	жителей
Барнаульский	91	447	189	1117
Бийский	95	552	123	837
Змеиногорский	-	-	156	1094
Каинский	61	305	71	448
Кузнецкий	36	179	64	372
Мариинский	77	463	78	537
Томский	44	229	47	282
Итого	67	363	100	626

Подсчитано по: [2; 4–5]

По данным на 1893 г. среднее поселение в Томской губернии состояло из 67 дворов и 363 жителей. Наиболее крупными из всех типов поселений были села. В среднем, томское село насчитывало 172 хозяйства и 942 жителя, деревня – 68 хозяйств и 362 жителя. В Бийском округе среднее село имело 236 дворов и 1383 жителя, что было самым высоким показателем в губернии.

В период с 1893 по 1911 гг. средняя величина томских населенных пунктов выросла в 1,5 раза, составив 100 дворов и 626 человек. По сравнению с томскими поселениями, тобольские были гораздо меньше. Средняя величина последних составляла 52 двора и 317 жителей. Село в Томской губернии насчитывало в среднем 302 двора и 1968 жителей, деревня – 107 дворов и 637 жителей.

Величина заимок и выселков к 1911 г. в среднем составляла 23 и 25 дворов соответственно. Переселенческие поселки насчитывали 46 дворов и 293 обитателя.

В целом, положительная динамика в численности и величине населенных пунктов была характерна преимущественно для южных округов-уездов губернии, в то время как поселения северных территорий оставались мелкими, малодворными.

По-прежнему незначительные показатели величины были присущи селениям «инородческого» типа. Так, в 1893 г. средняя величина населенных пунктов аборигенного населения составляла 13 дворов и 68 жителей, в 1911 г. – 18 и 99 соответственно.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. под влиянием начавшейся экономической и социокультурной модернизации, массового переселенческого движения, развития транспортной инфраструктуры сельская поселенческая сеть Томской губернии претерпела существенные количественные и качественные изменения. Характерными чертами томской сети поселений стало увеличение типического разнообразия составляющих ее структурных единиц, а также рост численности и величины населенных пунктов. Данная тенденция сохранялась до начала 1920-х гг. В период НЭПа сеть сельских поселений Томской губернии, несмотря на увеличение численности населенных пунктов, показала отрицательную динамику своей величины по количеству дворов и числу жителей, вызванную причинами политического и социально-экономического характера.

Список источников и литературы

1. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма: колл. монография / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. URL: <http://bsk.nios.ru/content/krestyanstvo-sibiri-v-epohu-kapitalizma-glavy-ii-iv> (дата обращения: 22.06.2022)
2. Памятная книжка Томской губернии на 1904 г. Томск: Изд. Том. губ. стат. ком., 1904. 268 с.
3. Список населенных мест Сибирского края. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск: Сиб. краевой исп. ком., 1929. 952 с.
4. Список населенных мест Томской губернии за 1893 г. Томск: Тип. губ. правления, 1893. 381 с.
5. Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. Томск: Изд. Том. губ. стат. ком., 1911. 576 с.
6. УДК 332.2 (571.1)

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

З. А. Тычинских

Россия, г. Тобольск, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Рассматривается вопрос о характере и размерах земельных угодий служилых татар в XIX в. Актуальность исследования связана со слабой изученностью темы землевладения и поземельных отношений у татарского населения Западной Сибири в целом и у служилых татар, в частности. Показано, что в XIX в. хозяйство сибирских татар было комплексным, в котором значимое место отводилось земледелию. Хозяйственный уклад служилых татар в XIX в. мало отличался от других групп татарского населения. Во второй половине XIX в. после расформирования Тобольского конного казачьего полка и перевода татар-казаков в категорию государственных крестьян он особенно сблизился. Показано, что земледержание служилых татар в XIX в. основывалось как на общинном праве, так и на Уставе 1822 г.

Ключевые слова: Тобольская губерния, служилые татары, землевладение, землепользование, надел, земельные угодья, казаки.

LAND USE OF THE TATARS OF THE TOBOLSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The question of the nature and size of the lands of the Tatars in the XIX century is considered. The relevance of the study is related to the poor knowledge of the topic of land ownership and land relations among the Tatar population of Western Siberia in general and among the service Tatars in particular. It is shown that in the XIX century the economy of the Siberian Tatars was complex, in which agriculture was given a significant place. The economic structure of the service Tatars in the XIX century differed little from other groups of the Tatar population. In the second half of the XIX century after the disbandment of the Tobolsk Mounted Cossack regiment and the transfer of the Tatar Cossacks to the category of state peasants, he became especially close. It is shown that the farming of the Tatar servants in the XIX century was based both on community law and on the Charter of 1822.

Keywords: Tobolsk province, serving Tatars, land ownership, land use, allotment, land, Cossacks.

К вопросам землевладения и земледержания населения Сибири обращались многие отечественные исследователи. Вместе с тем, история развития земельных владений и землепользования татарского населения остается в ряду мало-

изученных. Отдельные аспекты данного вопроса в своих трудах рассматривали И. А. Андроников, С. К. Патканов, В. В. Рабцевич, В. И. Шунков и др. [1; 3; 4; 5; 6; 10; 11; 12]. Начальный этап формирования земельной политики в отношении аборигенного населения, и, в частности, служилых татар, рассматривался в работах автора [7-9].

Нами отмечалось, что с присоединением Сибири к Русскому государству происходит постепенная трансформация традиционного уклада татарского населения и переориентация его на ведение земледельческого хозяйства. В связи с чем актуализируются и вопросы землевладения и земледержания. В данной статье рассмотрим ситуацию в отношении служилых татар в XIX в., что важно для выявления в целом места земледелия в хозяйственной жизни татарского населения в указанное время. на примере служилых татар.

Известно, что служилые татары проживали в селениях совместно с другими категориями татар и, в большинстве случаев, владели землями совместно с ясачными. Хозяйственный уклад служилых татар в XIX в. мало отличался от других групп татарского населения. Несмотря на несение службы, служилые татары вели комплексное хозяйство, значимое место в котором отводилось земледелию. Основной формой землепользования сибирских татар являлась общинная. Пахотные земли и сенокосные угодья татар принадлежали всей сельской общине в целом и делились по количеству душ с учетом качества земли. Землевладение татар-казачков было в основном общинным совместно с татарами того населенного пункта, в котором они проживали.

Следует заметить, что к рассматриваемому времени завершается процесс, направленный на унификацию татар-казачков с другими категориями казачества. Хотя они остаются мусульманами и у них сохраняется определенная корпоративная замкнутость, служба и функции татар-казачков уже практически не отличаются от русских казаков.

В целом это было связано с государственной политикой, наиболее наглядно и действительно проявившейся в результате реформ М. М. Сперанского.

По Уставу о городских казаках 1822 г. каждому служащему городскому казаку полагалось для хлебопашества и скотоводства по 15 десятин. Эти земли должны были отводиться из «пустолежащих, а где невозможно, из оброчных казенных». При этом предусматривалось, что земли, «издавна отведенные казакам вместо выдачи провианта натурою» и «земли, расчищенные многолетними трудами самих казаков от лесов и осушенные из болот», остаются во владении казаков, «хотя бы и превышали оные положенную пропорцию» [2, с. 187]. Наряду с другими категориями казачества 15-десятинная пропорция земельных угодий распространялась и на служилых татар. Таким образом, земледержание служилых татар основывалось и на Уставе 1822 г.

Во второй половине XIX в. после расформирования Тобольского конного казачьего полка и перевода татар-казачков в категорию государственных крестьян, положение ясачных и служилых татар особенно сблизилось.

Во второй половине XIX в. служилые татары перешли в сословие государственных крестьян, и по образу жизни, по способам хозяйственной деятельности стали мало отличаться от ясачных татар, с которыми совместно проживали в се-

лениях. С этих пор они избрали своим местожительством те юрты, из которых происходили. Для облегчения перехода к новому образу жизни бывшие казаки при перечислении в крестьяне получили льготы по уплате податей и по рекрутской повинности.

У этих крестьян были земли, дарованные их предкам-казакам, которыми они обычно владели по общей данной с захребетными и ясачными татарами, иногда они, впрочем, имели и особые земли, как, например, казаки юрт Есаульских Тюменского округа.

Если казаки не имели земли, то ясачные татары, в юртах которых они селились, должны были выделять им крестьянский надел – по 15 десятин удобной земли на душу. Эта земля считалась уже казенной, и если род казаков вымирал, то эти земли переходили в казенное ведомство [9, с. 18].

В Тюменском уезде служилые татары во второй половине XIX в. проживали в юртах Аманатских, Больших Акияровских, Андреевских, Березовских, Есауловских, Кыштырлинских, Казаровских, Больших Каскаринских, Малых Каскаринских, Муллашевских, Мутушевских, Верхних Тарманских, Средних Тарманских, Тураевских, Чичкинских, Якушевских Кашегальской волости. В юртах Больше-Есаульских Калымской волости. В Нердинской волости – в юртах Больше-Матмазовских.

На основе опубликованных И.А. Андрониковым материалов можно выявить, что в юртах Аманатских Кашегальской волости Тюменского уезда на 16 хозяйств, занимающихся земледелием, приходилось в целом 87,55 десятин пашни. Из 2 казачьих хозяйств только 1 занималось земледелием, возделывая 5,06 дес. земли. Проживавшие в юртах Больших Акияровских 2 хозяйства казаков земледелием не занимались. В юртах Березовских из 8 хозяйств казаков 7 занимались земледелием. Доля казачьей пашни составляла 33,7% общей пашни, составлявшей 98 десятин, юрт Березовских, в которых земледелием занимались 23 хозяйства. В юртах Есауловских на 31 хозяйство земледельцев приходилось 209, 44 дес. пашни. А 11 хозяйств казаков обрабатывали 99,56 дес. пашни, что составляло 47,6% всех возделываемых пашен юрт Есауловских. В юртах Кыштырлинских 50 хозяйств из 80 занимались земледелием. Общее число обрабатываемой пашни составляло 333,19 дес. 1 хозяйство казаков имело 3,94 дес., что составляло 1,2% общей пашни. В юртах Казаровских 18 хозяйств из 45 занимались земледелием, из них 1 казачье хозяйство, имевшее 15,75 десятин, что составляло 8% от общей запашки 194 десятины. В юртах Больших Каскаринских обрабатывалось 195,19 десятин. 45 хозяйств из 58 занимались земледелием. Из 27 семей казаков, проживавших в указанных юртах, 20 хозяйств занимались земледелием. Они обрабатывали 122,06 десятин, что составляло 43,7% от общей запашки жителей селения. В юртах Малых Каскаринских 47 хозяйств из 53 обрабатывали 342,57 десятин земли. На 21 казачье хозяйство из этих 47 земледельческих приходилось 158,63 десятины, что составляло 46,6% от всей пашни селения. В юртах Муллашевских 53 из 97 хозяйств занимались земледелием. Всего в селении обрабатывалось 344,82 десятины. 11 из 25 хозяйств казаков занимались земледелием. На их долю приходилось 89,43 десятины или 25,9% от всей пашни. В юртах Мутушевских проживали 3 семьи казаков, из них 2 занимались земледелием, обрабатывая 5,62 десятины из 42,57

десятин юрт Мутушевских. В Верхних Тарманских юртах 6 хозяйств казаков обрабатывали 44,24 десятины из 91,9 общей запашки. Всего в Верхних Тарманских юртах занимались земледелием 15 хозяйств. В Средних Тарманских юртах 21 хозяйством обрабатывались 173,61 десятина земли. 33,93 десятины обрабатывали 4 хозяйства казаков. В юртах Тураевских общее количество запашки – 24,75 десятины, а 3 казачьих хозяйства обрабатывали 10,12 десятин. В юртах Чикчинских из 58 хозяйств, обрабатывавших 461,83 десятины, 4 казачьих хозяйства обрабатывало 20,63 десятин. 19 хозяйств юрт Якушевских запахивали 123,76 десятин земли. Из них 11 семей казаков владели 64,13 десятинами пашни [1].

Таким образом, по Кашегальской волости Тюменского уезда 103 из 158 казачьих хозяйств занимались земледелием. В среднем на 1 хозяйство приходилось 6,9 десятин пашни. В то время как на 1 хозяйство ясачных татар в среднем приходилось 7,6 десятин земли.

4 из 5 казачьих хозяйств, проживавших в юртах Больше-Матмасовских Нердинской волости, владели 10,12 десятинами пашни. Таким образом, в среднем 1 казачье хозяйство обрабатывало 2,6 десятины земли. На долю среднего хозяйства ясачных татар Нердинской волости приходилось 2,8 десятин.

Земледелием занимались 62,9% всех хозяйств, проживавших в Тюменском уезде, и 65% казачьих хозяйств. В целом по Тюменскому уезду средняя запашка казаков составляла 6,7 десятин. А средняя запашка ясачного хозяйства – 6,5 десятин.

Земледелие в Тюменском уезде особенно было развито в Калымской волости, где насчитывался 81% хозяйств, занимающихся земледелием, однако единственное казачье хозяйство, проживавшее в Калымской волости в юртах Больше-Есаульских, земледелием не занималось. Далее шли Кашегальская – 78,6%, Нердинская – 66,1% и Кречетинская – 60,8% волости.

В Ялуторовском уезде татары-казаки проживали в Авазбакеевской волости в юртах Осиновских, где из 84 хозяйств земледелием занимались 57. 3 казачьи семьи, проживавшие в этих юртах, землю не обрабатывали. В юртах Асланинских 90 из 126 проживавших в селении семей владели 520,3 десятинами земли. 2 казачьих хозяйства обрабатывали 4 десятины земли, что составляло 0,7% общей запашки. В юртах Озерных только 4 из 13 семей занимались земледелием, обрабатывая 58,9 десятин. Всего же 22 семьи селения занимались земледелием, распахая 150,7 десятин.

В целом по Авазбакеевской волости 62,5% хозяйств занимались земледелием и только 28,5% казачьих хозяйств были земледельческими. Всего же по Авазбакеевской волости 6 хозяйств из 21 казачьих занимались земледелием. В среднем на 1 казачье хозяйство приходилось 10,5 десятин пашни, на 1 ясачное – 5,7 десятин.

В Тобольском уезде казаки проживали в Вагайской волости в юртах Ишеевских, Кильмаметских, Епанчинских, Араповских, Саусканских, Байгаринских, Усть-Тамацких, Вагайских, Подбугорно-Абалацких, Старицких, Шамшинских, Супринских, Бегишевских, Кызылбаевских, Куларовских. В Надцинской волости в юртах Аремзянских, Карбинских. В Тоболтуринской волости в юртах Иштаманских, Липовских, Ашлыкских, Сузгунских, Турбинских, Абызовских, Суклемских, Медяньских.

В юртах Ишеевских Вагайской волости 12 из 41 хозяйств, проживающих в селении, занимались земледелием. Они обрабатывали в общем 11,32 десятины пашни. На долю 4 из 20 казачьих хозяйств юрт Ишеевских приходилось из них всего 2 десятины. В юртах Кильмаметских было 109,75 десятин запашки. 10 из 45 хозяйств, занимающихся земледелием, были казачьи. Они обрабатывали 23,88 десятин, что составляло примерно 21% общей пашни. В юртах Араповских 35 семей, занимавшихся земледелием, обрабатывали 55,33 десятины земли, в том числе 10 из 13 казачьих хозяйств обрабатывали 13,11 десятин. В юртах Саусканских только 25 из 95 хозяйств были земледельческими. 1 хозяйство казаков, на которое приходилось 0,30 десятин земли из общих 10,5 десятин. В юртах Байгаринских обрабатывалось 364 десятины. Из 42 земледельческих хозяйств 9 были казачьими. На них приходилось 75,5 десятин или 20,7% всей пашни. В юртах Усть-Тамацких 50 хозяйств занимались обработкой пашни, из них 6 – семьи казаков. Всего в селении было 248,5 десятин земли, из них 28,5 десятин или 11,5% принадлежали казакам. В юртах Вагайских проживало 103 семейства, из них 90 – земледельцы. 14 из 16 казачьих хозяйств обрабатывали 14,25 десятин из 144,59 десятин юрт Вагайских, что составляло около 10%. В юртах Подбугорно-Абалацких пашню пахали 17 хозяйств. Из них 2 – казачьих, имевших 4,5 десятины земли. Всего запахивали 27,37 десятин. В юртах Старицких 5 из 7 казачьих семей занимались обработкой земли. На их долю приходилось 7,13 десятин земли, или около 13% всех пашен данных юрт. В юртах Юлташевских 16 семей обрабатывали 59,25 десятин земли, из них 4 казачьих хозяйства – 19,5 десятин. В юртах Шамшинских обрабатывалось 243 десятины, из которых 69 приходилось на 7 казачьих хозяйств. В юртах Супринских земледелием занималось 68 из 77 проживавших в селении семей, обрабатывая 224,16 десятин. 1 семья казаков, проживавшая в данных юртах, пашню не пахала. В юртах Бегишевских 61 хозяйство земледельцев обрабатывало 123,93 десятины земли, из них 5 семей казаков – 9 десятин, что составляло 7,3% общей пашни. В юртах Кызылбаевских проживало 68 семей, из которых 8 занимались земледелием, обрабатывая 231 десятину земли. Из 19 хозяйств казаков данного селения 10 семей были земледельцами, обрабатывая 49 десятин пашни или 21% общей пашни. В юртах Куларовских 14 хозяйств казаков-земледельцев имели 35,25 десятин пашни, что составляло 17,7% всей обрабатываемой земли селения.

В среднем на 1 земледельческое казачье хозяйство Вагайской волости Тобольского уезда приходилось 3 десятины возделываемой земли, в то время как среднее ясачное хозяйство обрабатывало 3,1 десятину пашни.

Проживавшие в Надцинской волости Тобольского уезда в юртах Аремзянских 23 семьи казаков обрабатывали 33,5 десятины пашни, что составляло 37,6% обрабатываемой 48 хозяйствами селения пашни. В юртах Карбинских на 37 хозяйств земледельцев приходилось 20,22 десятины земли. 1 казачья семья обрабатывала 0,2 десятины пашни. Таким образом, среднее казачье хозяйство обрабатывало в Надцинской волости 1,4 десятины, а среднее ясачное хозяйство – 1,06 десятины.

В Тоболтуринской волости Тобольского уезда в юртах Иштаманских 34 хозяйства обрабатывали 81,4 десятины пашни, из них 9 хозяйств казаков обрабатывали 21,15 десятин, или около 25% общей пашни. В юртах Липовских 4 из 8 семей казаков данных юрт занимались земледелием, обрабатывая 3,5 десятины

из 13,5 десятин общей запашки. В юртах Ашлыкских обрабатывалось 329,25 десятин. 1 казачье хозяйство, проживавшее в юртах Ашлыкских, земледелием не занималось. Жители юрт Сузгунских – 5 семей – обрабатывали 33,25 десятин, 2 хозяйства казаков земледелием не занимались. В юртах Турбинских жители запашивали 172,62 десятины земли, 21 казачья семья обрабатывала 52 десятины пашни. 8 казачьих хозяйств юрт Абызовских обрабатывали 18,25 десятин земли, что составляло 62,9% общей запашки селения. В юртах Суклемских из 26 семей казаков только 3 занимались земледелием, обрабатывая 2,33 десятины земли из общих 8,33 десятин пашни юрт Суклемских.

В целом по Тобольскому уезду из 325 хозяйств казаков земледелием занимались 229, в среднем на 1 казачье хозяйство приходилось 2,5 десятины пашни, а на ясачное – 2,9 десятины. Всего же по Тобольскому уезду 70% хозяйств занимались земледелием. В целом этот показатель был характерен и для казачьих хозяйств, 70,3% которых занимались обработкой земли.

В Тобольском уезде земледелие наиболее было развито в северной части Уватской волости (юрты Сулеймановы, Митькины, Казанские, Токузские и др.), в Карагайской волости (85,8% хозяйств) (юрты Карагайские, Малые Карагайские, Тебендинские, Саургатские, Тюлюганские и др.), в Вагайской (юрты Салинские, Катангуйские, Бигитинские и др.), в Надцинской волости до 80,6% хозяйств.

В Тарском уезде, по данным И.А. Андроникова, в конце XIX – начале XX в. земледелие было наиболее развито в трех северных волостях – Саргатской, Коурдакской и Тавско-Утузской, где оно составляло главное занятие жителей. В южных волостях, по данным И.А. Андроникова, большая часть хозяйств совсем не занимались земледелием. Средний размер запашки выражался следующими цифрами: по Тавско-Утузской волости – 6,39, по Саргатской – 5,56, по Коурдакской – 5,18, по Аялынской – 4,41 [1].

Как видим, даже к концу XIX в. не во всех уездах Тобольской губернии земледелие становится ведущей отраслью хозяйства. Средний размер запашки был незначительным. Он варьировался обычно от 1,5 до 6 десятин. Причем существенной разницы между количеством обрабатываемой земли ясачным или казачьим хозяйством не наблюдается ни в одном из уездов, где совместно проживали служилые и ясачные татары. Различия в доле земледелия в хозяйственном укладе просматриваются лишь между жителями разных селений или уездов, что было обусловлено, прежде всего, природно-климатическими условиями.

Список источников и литературы

1. Андроников И. А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911. 396 с. Приложения. I-CLXXII.
2. История казачества Азиатской России / под ред. В. В. Алексева. Т. 1. Екатеринбург, 1995. 318 с.
3. Патканов С. К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 1. СПб., 1888.

4. Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Бухарской, Кашегальской, Червишевской и Ярковской волостей Тюменского округа Тобольской губернии. Соч. в 5-ти тт. Т. 1. Тюмень, 2003. 304 с.
5. Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Бухарской, Кашегальской, Червишевской и Ярковской волостей Тюменского округа Тобольской губернии. Соч. в 5-ти тт. Т. 2. Тюмень, 2003. 320 с.
6. Рабцевич В. В. Генезис дворянского землевладения на землях местных народов Сибири (по материалам тобольских татар) // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVIII – начало XX века). Новосибирск, 1985. С. 33-44.
7. Тычинских З. А. К вопросу о землевладении и землепользовании татар (на примере татар-казаков Тобольского и Тюменского уездов) // Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Сулеймановские чтения - 2001». Тюмень, 2002. С. 120-122.
8. Тычинских З. А. О формировании земледельческого хозяйства у служилых татар Западной Сибири в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 32-40.
9. Тычинских З. А. Становление татарского служилого землевладения в Сибири в XVII в. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17-18 апреля 2014 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С.122-126.
10. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII вв. М.-Л., 1946.
11. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVIII век). М., 1956.
12. Халиков Н. А. Этнокультурные особенности хозяйства западносибирских татар // Сибирские татары/ сб. статей под ред. Суловой С. В. Казань, 2002. С. 59-85.

ЯСАКЛЫ ИЗ МУСУЛЬМАН

А. П. Ярков

Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет

Статья посвящена одной из страт исламского социума – ясачным татарам Западной Сибири в XVI – начале XX в. Закреплению их на местах (оседанию) способствовали не только политические и экономические факторы, но и опора на религиозные предписания. Ислам требовал подчинения властям, а отказывающиеся платить налоги именовались отступниками веры.

Ключевые слова: Западная Сибирь, ясачные татары, XVI – начало XX в., власть и верующие.

YASAKLI FROM MUSLIMS

The article is devoted to one of the strata of the Islamic society – the yasak Tatars of Western Siberia in the 16th – early 20th centuries. Their consolidation in the field (settlement) was facilitated not only by political and economic factors, but also by reliance on religious prescriptions. Islam demanded obedience to the authorities, and those who refused to pay taxes were called apostates of the faith.

Keywords: Western Siberia, yasak Tatars, XVI – early XX century, authorities and believers.

Ясачные / ясаклы – плательщики ясака, являвшегося налогом-рентой. Это были мужчины (в Российской империи в возрасте с 18 до 50 лет). Отметим, что в составе западносибирских ясачных людей были не только татары-мусульмане, но также и сторонники архаичных верований – угры и самодийцы, встречались и старообрядцы.

Сам термин восходит к монгольскому «яса» (закон, власть). Как форма договора и средство политического подчинения ясак закреплялся клятвой – шертью.

Уже в Сибирском юрте власти и служители культа, столкнувшись с сопротивлением «язычников» (не желавших платить ясак), не стали вводить законы на основе шариата. Основная масса «чёрных людей» образовывала сословие ясаклы, составляя отношение к элите 5:1 [2, с. 10–13]. Относительно немногие из насельников постоянно практиковали ислам, но и среди них встречались «шаманисты». Иные платили ясак правителям Пегой Орды, тогда как другие напрямую – даруге Сибирского юрта.

Ясачные упомянуты в 1555 г. в ходе «ревизии» Д. Непейцыным владений Едигера и Бекбулата. Тогда было выявлено 30 700 ясаклы, что стало важным аргументом в принятии Иваном IV решения о принятии в подданство населения Искерского княжества.

Весной 1584 г. атаман Ермак отправил Б. Брызгу с отрядом вниз по Ир-

тышу. Брязга с боями прошёл по северным улусам, собрав ясак. Сам Ермак весной 1584 г. организовал походы вниз по Иртышу и на берега Оби, дошел до низовьев реки Тавды, где также обложил местное население ясаком. Дав шертъ на Коране, местные правители и сами упирали на обязанность ясачных подчиниться предписанному. Форма выплаты ясака была только натуральная, состоявшая из продукции сельского хозяйства и пушного промысла.

После вхождения Западной Сибири в состав Российского государства из ясачных были исключены служилые татары (около 2 тыс. человек), а часть бывших плательщиков, не согласных с такой формой налогообложения, бежала за российские пределы. Государственными (фискальными) задачами определялась политика по разделению на группы: новокрещёные, как правило, исключались из числа ясаклы, а в целях сохранения численности последних запрещалось насильственное крещение.

Во всех Барабинских волостях в 1624 г. проживало 120 ясачных, которые затем стали, и окончательно, подданными Москвы. В 1628 г. на территории Тюменского уезда учтено 112 ясаклы. При этом в XVII в. иные из бывших подданных Кучума платили его потомкам ясак, как и воеводам. В некоторых случаях это было и тройное (от джунгарского хана) обложение налогообложение. Родоплеменная знать была освобождена от уплаты ясака и за ней сохранялись прежние привилегии.

Также от налогов были освобождены увечные и больные, но оставались в сословии ясакчи. Башкирская знать – тарханы «за службу в походах» не зачислялись в «служилые люди» и занимали промежуточное – полу привилегированное положение между ними и ясачными: не получали за службу определённого «корма», но и не платили ясака. В Сибири не существовало строгого разделения между занятиями городского и сельского населения. В сибирских летописях упоминаются пашенные места вниз по реке Туре. Жители этих мест «государев ясак дают соболи, бобры, куницы, лисицы и белки. Рыба в Туре нельма, хариус, таймень и всякая белая рыба. Ясачные люди в Туринском уезде и около Тюменского городка – татары, хлеб пашут яровой, питаются рыбой, скотом, добывают лосей и оленей» [3, с. 119–123].

Православные иерархи периодически поднимали вопрос о необходимости запрета совместного проживания людям разного происхождения, особенно в отдаленных сибирских крепостях, где надзор государства ослабевал. Часть ясачных (верхотурских татар) не приняла христианства, что косвенно подтверждается (позже) их бегством в Уфимский уезд и активной поддержкой «Башкирских восстаний».

Опасаясь последствий, наказ тобольскому воеводе 1697 г. предписывал: «И жен и детей у них [ясачных] и никаких иноземцев самих и засылкою однолично не покупали, и во двор к себе не имали... и из Сибири на Русь с собой не вывозили, и ни с кем не высылали, чтоб Сибирская земля пространилась, а не опустела».

В «Чертёжной книге Сибири» С. У. Ремезов на одном из листов сделал надпись: «Великая Тартария высока холма и всей внутренней Сибири А в ней грады главный град Тоболеск со многими уезды Тара Тюмень Туринск С великими татарскими ясашными татарскими городками и волостями» [4], а на самом листе указал границы.

Появление этнонимических ясачных волостей означало не столько потерю этногруппами положения, что имели их предки в XVII в., сколько стремление вла-

стей различать новообразования, неизбежные при массовых миграциях, когда появлялись анклавы с христианским населением в окружении поселений с исламским населением, или наоборот.

В 1703 г. прекращена практика освобождения от ясака при принятии крещения, но с 1720 г. новокрещёным предоставили другие льготы, в т. ч., трёхлетнюю льготу по уплате ясака. Поэтому казанские татары стремились получить статус ясаклы, чтобы избежать рекрутской повинности, тогда как сибирские татары и бухарцы были от нее освобождены.

Осознав урон от миссионерской деятельности, в 1726 г. вышел Указ «О выключке из подушной переписи крестившихся в греко-российскую веру Сибирских ясачных инородцев, и о собирании с них ясаку по-прежнему». В середине XVIII в. в томской Татарской слободе в большом числе жили эуштинцы – бывшие подданные князька Тояна, став уже томскими татарами (этноним окончательно закрепился в начале XIX в.), но составив «Казанскую волость общества ясачных». С 12.02.1767 г. Тюменская воеводская канцелярия исключила из подушного оклада новокрещёных татар и взымала с них ясака по 50 коп. с каждой души мужского пола.

«Общим наставлением Комиссиям Западной и Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг» определялась правильность отнесения оседлых, кочевых или бродячих «инородцев» [5, с. 26-29].

Ясачные жили и в городах: в Тобольске в 1782 г. – 31, в 1816 г. – 23, в Таре в 1730-х гг. – 6, а в 1816 г. – 72 человека.

Показательно, что значительная часть татар Томского округа в 1827 г. платила ясак пушшиной, но уже к середине XIX в. правительство перевело большую часть ясачных в государственных крестьян.

В 1910 г. ясак был переведён в деньги и, таким образом, они были уравнены (в налоговом обложении) с другими подданными Российской империи.

Список источников и литературы

1. Гончарова О. В. Ретроспективный анализ экономических аспектов пушного промысла в Западной Сибири в первой половине XIX века // Тобольск научный – 2011: мат. VII Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 2011. С. 138.
2. Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.]. Т. 1. Новосибирск, 2009. С. 10–13.
3. Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX в.): сб. правовых актов и докум. Тюмень, 1999. С. 119–123.
4. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Т. 1. Факсимильное издание Houghton library of the Harvard college Harvard university. Тобольск: [б.м.], 2011.
5. Ярков А. П. О характере экономических отношений в Сибирском юрте // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. науч. трудов. Омск, 2011. С. 26–29.

Раздел 3

Страницы истории Тобольска

УДК 93/94

ТОБОЛЬСКАЯ БИОФАБРИКА НА СТРАЖЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

В. С. Васильева

Россия, г. Тобольск, Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

Статья раскрывает предысторию образования, становление и развитие основного производства Тобольской биофабрики по материалам архивных фондов И-152 «Тобольское губернское управление», И-342 «Ветеринарное отделение Тобольского губернского управления», Р-551 «Органы управления сельским хозяйством Тобольского района», Р-420 «Тобольская фабрика по производству биопрепаратов Государственного Всесоюзного эпизоотического треста (Биофабрика)», Р-462 «Тобольский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет, г. Тобольск».

Ключевые слова: биофабрика, промышленность, животноводство, вакцина, эпизоотии, сибирская язва, лаборатория.

TOBOLSK BIOFACTORY ON GUARD OF INDUSTRIAL SAFETY OF THE USSR

The article reveals the background of education, formation and development of the main production of the Tobolsk biofactory based on the materials of archival funds I-152 «Tobolsk Provincial Administration», I-342 «Veterinary Department of the Tobolsk Provincial Administration», R-551 «Agricultural management bodies of the Tobolsk district», R-420 «Tobolsk Factory for the production of biological products of the State All-Union Epizootic Trust (Biofactory)», R-462 «Tobolsk City Council of People's Deputies and its executive Committee, Tobolsk».

Keywords: biofactory, industry, animal husbandry, vaccine, epizootics, anthrax, laboratory.

Архивные фонды предприятий – неотъемлемая часть культурного наследия народа. Для внимательного исследователя предыстория, концепция и трансформация производства, судьбы работников раскрывают историю города, страны. Влившись в сеть из более чем двадцати биофабрик и биокombинатов, Тобольская фабрика по производству биопрепаратов 65 лет осуществляла санитарно-эпидемиологический надзор времен СССР. Единственная в Уральской области, она обеспечивала потребности животноводства всех регионов Сибири, Дальнего Востока, среднеазиатских и прибалтийских республик бывшего Советского Союза,

Монголии, Китая и Вьетнама. Публикации о Тобольской биофабрике не многочисленны, о деятельности и становлении предприятия свидетельствуют документы из архивных фондов ГБУТО ГА в г. Тобольске. Основная масса документов, датированных 1920-1997 годами, хранится в фонде Р-420 «Тобольская фабрика по производству биопрепаратов Государственного Всесоюзного эпизоотического треста (Биофабрика)».

Бактериологические исследования в Тобольской губернии велись с XIX века. После опустошительных эпизоотий сибирской язвы в 1895 году под руководством ветеринарного отделения губернского управления впервые была создана Тобольская бактериологическая лаборатория, до 1903 года действовавшая как диагностический кабинет местного значения, после – вставшая на борьбу против воспаления легких крупного рогатого скота и болезней оленей Крайнего Севера [1]. В своем прошении о прохождении курсов по бактериологии от 15 сентября 1909 года заведующий Тобольской ветеринарно-бактериологической лабораторией сверхштатный ветеринарный врач Николай Васильевич Баталин отмечает, что «...Тобольская губерния весьма сильно страдает от таких эпизоотических болезней как сибирская язва, повальное воспаление легких крупного рогатого скота, сап, бешенство и др. Одни из этих болезней приобрели стационарный характер в губернии, как например повальное воспаление легких крупного рогатого скота, другие – как сибирская язва, захватывают ежегодно довольно значительную часть территории губернии и создают постоянную угрозу распространиться... Борьба с эпизоотиями при настоящих условиях, когда материалами для прививок против повального воспаления легких крупного рогатого скота приходится пользоваться выписанными... является весьма тяжелой дорогостоящей и подчас прямо непосильной незначительному врачебному персоналу губернии...» [2]. На острый дефицит вакцин против эпизоотий указывают документы архива ветеринарного отделения Тобольского губернского управления [3].

В документах архивного фонда Р-420 указано, что первые попытки организации производства биологических препаратов по борьбе с заразными болезнями домашних животных в промышленных масштабах производились в лаборатории с 1917 года [4].

В 1921 году Тобольская губернская бактериологическая лаборатория была реорганизована в Тобольский ветеринарно-бактериологический институт, главной задачей которого было промышленное освоение биологических препаратов против сибирской язвы, их адаптирование для потребностей оленеводства Тобольского Севера, а также эпизоотическое изучение края и просветительская работа среди местного населения. В этом же году в губернии был зафиксирован падеж 20 тысяч голов лошадей и крупного рогатого скота от эпизоотий сибирской язвы, для борьбы с которым уже был налажен выпуск препаратов по производственному плану. Помещение для размещения бакинститута, приспособленное для производственных целей – каменное двухэтажное здание дома бывшего купца Ершова с оборудованными надворными постройками было выделено только в 1925 году, до этого периода коллектив института размещался в различных квартирах [5].

Одновременному строительству крупных биофабрик и биокомбинатов по всей территории страны предшествовали острая потребность в единой методике

изготовления прививочных средств и государственном контроле за их выпуском для поддержания роста общественного животноводства. Для этих целей в 1930 году был организован Государственный научно-контрольный институт. Документ, по которому возможно установить точную дату образования Тобольской биофабрики, в архивном фонде предприятия не содержится, но в отчётных сведениях предприятия указано, что фабрика по производству биопрепаратов государственного Всесоюзного эпизоотического треста была реорганизована из ветбакинститута в январе 1931 года [6]. С 1946 года биофабрика состояла в ведении Управления Всесоюзного треста биологической промышленности Министерства сельского хозяйства СССР, с 1991 – департамента ветеринарии Росагропрома Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ.

На областном ветеринарном съезде, состоявшемся в июне 1921 года, обсуждался вопрос о переводе лаборатории в Екатеринбург, но в 1931 году предприятие окончательно было решено оставить в Тобольске как самом удобном пункте для обслуживания северного оленеводства. Среди экономических предпосылок создания крупной биофабрики в Тобольске были наличие достаточной кормовой базы, совхозов, возможность отвода свободных сельхозугодий (до 10 гектар), выгодное расположение водного транспорта, связывающего Тобольск, Север, Урал, Сибирь, строительство в ближайшей перспективе шоссейной дороги от Тобольска до Тюмени и железной дороги, соединяющую со Свердловском. При содержании 500-600 голов опытных животных планировалось производство до 40 тысяч литров сыворотки [7].

Разместилась Тобольская биофабрика в крупном каменном ансамбле бывших винных складов верхнего посада города. В архивном фонде биофабрики хранится Протокол совещания при Ветсекторе НКЗеме по вопросу о строительстве ветбакинститута в Тобольске 29.12.1930 года. В документе изложено сообщение директора Казанского В.А. о необходимости расширения института и подробности проекта: «...Строительной конторой разработан план вместимостью конюшен до 3000 лошадей – 22 конюшни вместимостью по 120 лошадей, три 2-х этажные лаборатории и ряд других зданий...», были предусмотрены механически оборудованное помещение для стерилизации посуды, электростанция, жилые постройки на 300 человек, кормовые склады. Докладчик отмечает, что заявка на передачу институту помещений бывшего винного склада была подана два года назад. Ансамбль, признанный перспективным для устройства лабораторий, находился на территории «...площадью около 3-х га, имеется каменных завод, вдвое больше помещения института, двухэтажное здание и целый ряд мелких построек, затем каменные склады, бывшие конюшни и т. д...» [8].

В каталоге «Архитектурное наследие Тюменской области» указано, что комплекс был выстроен в 1914 году и включал семь основных сооружений: очистной винный склад, помещение для цистерн, сторожку с контрольным холодом, приёмный покой со сторожкой, бондарную, каменный материальный склад и жилой дом (склад и жилой дом постройки 1904 года). Состав группы дополнили кирпичная труба и ограда. Здание выдержано в едином «кирпичном стиле», характерном для торгово-промышленной архитектуры конца XIX – начала XX века [9]. Основные ремонтные работы по обустройству территории биофабрики были завершены в

1931 году.

Современники называли биофабрику маленьким государством. При деятельности её предшественника ветбакинститута не только был занят крупный комплекс в верхнем посаде города, но и сформирована производственная инфраструктура, полностью обеспечивающая промышленный выпуск биопрепаратов. В 1920 году Тюменским Губернским Земельным Управлением бакинституту были переданы владельческие заимки Шапошникова и Кучина. Основная база для содержания подопытных кроликов и лошадей хутор Ершовка была предоставлена бывшим Ивановским совхозом по договору от 26 мая 1924 года [10]. Земельная запись на право пользования землей приписного совхоза «Ершовка» ветбакинститута № 295 от 9 апреля 1925 года и межевое дело по выделу земли хранятся в архивном фонде управления сельским хозяйством Тобольского района [11]. В таблице землеобеспеченности биофабрики на 1931 год указаны 2746,59 гектаров земли, в том числе земли собственного колхоза Ершовка и сенокосные участки на территориях деревень Денисовой, Ворогушиной, Защитиной, Филатовой, Савиной, Кориковой, Трениной, Лутовининой [12].

Производственные мощности биофабрики обеспечивала достаточно развитая структура штатов. В протоколе технического совещания сотрудников Тобольской Биофабрики от 14 декабря 1931 года указаны должности 97 человек цехов и дворов, из них основных – сывороточного, вакцинного и повалочного цехов в составе по девять ветврачей и препаратовов; вспомогательного цеха, состоящего из четырех бригад; два двора, для обслуживания которых были привлечены 15 и 17 рабочих; административно-хозяйственная часть; бухгалтерия и канцелярия [13]. Производственные цеха биофабрики занимались изготовлением биопрепаратов культуры перепневмонии, вакцины, сыворотки и лимфы, диагностикой материалов павших животных; повалочным цехом вырабатывались культура повалки, противовалочная (противосептицемейная) сыворотка, антиген, гемолизин; сывороточным цехом – биопрепараты противосибироязвенной, противорожистой и бивалентной сыворотки; вакцинным цехом – биопрепараты сибироязвенной и рожистой вакцины (с 1936 года ввелись опыты над жеребьями на инфекционную анемию). Всего на 1931 год был предусмотрен штат из 101 человека [14], с расширением планов выработки препаратов в производство были привлечены до 200 специалистов.

В начале деятельности биофабрики её основное производство обслуживалось подсобными предприятиями: совхозом, крольчатником, автомобильным и гужевым транспортом. В питомнике крольчатника выращивались кролики, морские свинки и белые мыши, при увеличении объемов выпуска биопрепаратов животные стали поставляться из совхозов. Автотранспорт использовался для перевозки биопрепаратов до Тюмени и обслуживания хозяйственных нужд, гужевого транспорт обеспечивал поставку фуража, дров и воды. Совхоз снабжал кормами, сеном, соломой, корнеплодами, заготавливал шкуры, шерсть, молоко и прочее сырье от содержания коров, свиней и поросят.

В 1945 году, согласно постановления Главбиопрома, подсобное хозяйство было выделено в самостоятельное производство при биофабрике в подчинении Министерства сельского хозяйства СССР. Перед руководством хозяйства встали

вопросы по организации оперативного управления отдаленных от основного производства территорий и укреплению материальной базы. В план на 1945 год подсобно-производственного хозяйства были включены полевые работы по посеву и уборке овса, ржи, клевера, пшеницы, ячменя, корнеплодов картофеля и турнепса, заготовка дров, подвозка воды, сенокосные работы. В штате под руководством группы управленческого персонала – директора подсобного хозяйства, заведующих двумя сельхозучастками, агротехника и луговода числились механик, комбайнер, по два тракториста, кладовщика, кузнеца, плотника, поварихи, раздатчицы хлеба, бригадира полевых работ и сенокосных угодий, пастуха, скотника, водовоза и другие постоянные и временные рабочие, бухгалтер и два счетовода [15].

Реализация биопрепаратов производилась по нарядам Главного ветеринарного управления согласно заключенных фабрикой непосредственно с покупателями договоров. Под грифом «Совершенно секретно» в архивном фонде предприятия хранятся письма комиссариата земледелия для пополнения мобильного запаса по выделению противосибирязвенной сыворотки для нужд краев и областей СССР (мобоборонное задание) [16].

В военные годы биофабрика обеспечивала противосибирязвенной сывороткой более двадцати областных и республиканских контор ветеринарного снабжения: Архангельской, Башкирской, Вологодской, Горьковской, Ивановской, Кировской, Куйбышевской, Коми и других [17].

В 1991 году география снабжения биологическими препаратами включала регионы Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Литвы, Молдавии, Таджикистана, Туркмении, Эстонии, Грузии, Украины, Узбекистана [18].

За годы своей деятельности биофабрика стабильно выполняла, иногда и превышая, планы по производству биопрепаратов – противосибирязвенной вакцины 10-70 тысяч литров в год, сыворотки 10-30 тысяч литров в год, антигена 300-500 литров в год. В качестве продуцентов для изготовления биопрепаратов использовались гипериммунизированные лошади монгольской породы (до 1980 года – орловской, донской и буденовской пород), которые содержались на производственной территории. В отчете на 1 января 1992 года указано, что в конюшнях на 398 мест с полезной площадью 5500 кв. м. находились 315 голов лошадей-продуцентов. Обслуживали конюшни 14 работников [19].

К состоянию продуцентов предъявлялись строгие требования: лошади и поступающие в питомник для биологического контроля и производства препаратов мелко-опытные животные – кролики, морские свинки и белые мыши должны быть упитанными и здоровыми. Сотрудники биофабрики выезжали в хозяйства заготовителей для исследования его эпизоотического состояния и исключения инфекционных заболеваний животных. Лошадей поставляли из хозяйств Алтайского края, Казахстанской ССР, Ростовской области, кроликов – из Черепановского совхоза Новосибирской области, Роцинского совхоза Тюменской области [20], выращивали в ваварие и закупами у местного населения.

С 1963 года производственная программа биофабрики предусматривала изготовление ящурного вируса. Отдел по производству лапинизированной ткани вируса ящура ежегодно выпускал около 2000 килограмм продукции, которую по-

сле проверки на чистоту и активность отправляли для дальнейшей переработки на Омский биокомбинат. С 1 ноября 1978 года ящурный пункт был закрыт [21], помещения и оборудование цеха №3 были переданы для промышленного производства диагностикума для серологической диагностики алеутской болезни норок с мощностью до 2000 наборов диагностикума в год [22]. Норки для биофабрики поставлялись в возрасте от двух месяцев из Пушкинского (Московская область) и Тобольского зверосовхозов, в отчетных документах указано, что за 1988 год при выработке 2502 набора диагностикума были заготовлены 12137 продуцентов [23].

Трудились работники биофабрики в условиях дефицита техники, оборудования и стройматериалов, нерегулярного подвоза воды и подачи электроэнергии, нередко сеноугодия накрывало затяжными наводнениями. Выполнение производственного плана тормозили перебои с поставками фасовочной посуды, нехватка продуцентов. В отчете за 1987 год причиной выполнения плана по производству антигена и сывороток для серологической диагностики алеутской болезни норок только на 84% указаны некачественные продуценты, поставленные из Тобольского зверосовхоза [24]. Возможности для совершенствования технологических процессов открылись в 1972 году с вводом нового водопровода и подключением зданий биофабрики к Тюменской ТЭЦ: были установлены автопоилки для животных, в цехе изготовления сибиреязвенной сыворотки механизированы процессы сепарирования, частично подачи, обкатки, этикетирования и инактивации сывороточных биопрепаратов, введен реакторный метод хранения сырья и другие приемы автоматизации. До этого периода на биофабрике использовалась трансформаторная подстанция (ДЭС). В архивном фонде исполкома городского совета г. Тобольска имеется решение о строительстве водонапорной башни и скважины в подсобном хозяйстве биофабрики поселке Ершовка №156.10 от 9.06.87 г. [25].

Руководство биофабрики уделяло внимание расширению жилого фонда и бытовому благоустройству территории. В описи на 1 января 1952 года кроме строений производственного назначения – главного двухэтажного здания, восьми конюшен, временных стойл, лаборатории, изолятора, мастерских, складов, курятников, столовой, конюшен и коровника для скота работников значатся четыре жилых деревянных дома, в совхозе Ершовка – восемь жилых одноэтажных бревенчатых домов, баня [26].

В сведениях 1954 года указаны 20 жилых строений в черте города с общей жилой площадью 1572,5 кв. м., в них проживали 318 работников со своими семьями [27]. К 1992 году биофабрика располагала ведомственными домами по улицам Клары Цеткин, Радищева, проезду 3-му Знаменскому, имела садовое товарищество «Биолог» [28], автогаражи. В отчете биофабрики о жилищном фонде за 1995 год указано, что на балансе предприятия числятся 120 квартир, в т. ч. 10 однокомнатных, 90 двухкомнатных и 20 трехкомнатных [29].

В архивных документах отмечено, что сотрудники биофабрики проводили научную деятельность: в трудах Государственного научно-контрольного института ветеринарный препаратов (ГНКИ) 1952 года (том № 3) была опубликована работа госконтролера В. Н. Грачева «Степень нарастания титра преципитирующей сибиреязвенной сыворотки в процессе гипериммунизации», в трудах ГНКИ за 1953 год (томе №4) размещена работа В. Н. Грачева, И. А. Ульянова, Г. И. Луки-

на «Освоение производства сыворотки против болезни Алеутки на биофабрике». Золотую и серебряную медали на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1955 году получила работа заведующего лабораторией по контролю сибиреязвенных препаратов профессора С. Г. Колесова и госконтролера В. Н. Грачева по теме «Получение преципитирующей сибиреязвенной сыворотки методом гипериммунизации лошадей живой культурой сибирской язвы». Новый метод получения сыворотки, описанный в работе, в 1954 году был рекомендован Ученым советом Государственного научно-контрольного института ветпрепаратов для внедрения в производство [30]. Научная деятельность биофабрики по изучению продолжительности периода сохранения активных свойств сыворотки, получению биопрепаратов методом сепарирования и другим темам была продолжена в 1960–1970-х годах [31].

За 60 лет структура коллектива биофабрики была преобразована. В штатном расписании на 1995 год указаны должности административно-управленческого персонала, двух цехов по производству сывороточных препаратов и вакцин, подготовительного цеха, цеха по контролю биопрепаратов (ферма МОЖ), отдела снабжения, сбыта и отгрузки готовой продукции, цеха по освоению биопрепаратов, ремонтно-механического и бухгалтерско-экономического отделов, общехозяйственного персонала и охраны, подсобного хозяйства общей численностью 83 человека [32].

Приказы и дела по личному составу биофабрики 1931–2003 годов хранятся в архивном фонде Л-48 «Тобольская биологическая фабрика г. Тобольск Тюменской области».

С 1991 года в связи со снижением спроса на противосибиреязвенную лечебную сыворотку, наборы антигена, контрольную сыворотку для серодиагностики алеутской болезни норки биофабрикой была предпринята попытка внедрения в производство вакцины против копытной гнили овец объемом до двух миллиона доз [33], но выпуск препарата не был налажен.

1 декабря 1992 года по причине продолжающегося уменьшения потребности в продукции биофабрики было принято решение о приостановке производства сыворотки и антигена, сокращении объема выработки вакцины, диагностикума алеутской болезни норки и реорганизации структурных подразделений [34]. В деле фонда биофабрики хранится письмо архиву последнего директора Н. В. Егоровой, где указано, что с 1995 года биофабрика прекратила основную деятельность. Приказом №3 от 09.04.1997 года произведен демонтаж технологического оборудования биофабрики, свободные производственные площади переданы в аренду ЗАО «Тобби» [35]. Распоряжением Правительства РФ №1660-Р от 22 ноября 2000 года [36] было принято решение о ликвидации предприятия, процедура которой завершилась в 2004 году.

Архивные документы свидетельствуют, что созданию Тобольской биофабрики предшествовала большая научно-исследовательская и организационная деятельность. Уже в дореволюционные годы было сформировано представление о профилактике и диагностировании инфекционных болезней животных как деле государственной важности. Не устояв перед спадом производства в годы перестройки, Тобольская биофабрика осталась в истории региона. Сегодня фабричная

промзона и строения, являясь объектом культурного наследия, предстают перед горожанами памятником ушедшей эпохи.

Список источников и литературы

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И-342. Оп.1. Д.303. Л.1
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И-342. Оп.1. Д.262. Лл.61-62
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И-152. Оп.40. Д.341; Ф.И-342. Оп.1. Дд.134, 164 и др.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И-342. Оп.1. Д.303. Л.1
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И-342. Оп.1. Д.303. Лл.3-5
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.80. Л.1
7. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.29. Лл.1об., 2
8. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.29. Лл.1, 2
9. ГБУТО ГА в г. Тобольске. СИФ №7270. Лл.147-149.
10. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.9. Лл.9, 23-25
11. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-551. Оп.3. Дд.24, 34
12. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.36. Л.41
13. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.34. Лл.60об., 61
14. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.60. Лл.5-8
15. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.125. Лл.1, 17, 18
16. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.77. Лл.6-10
17. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.117
18. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.405. Лл.29-32
19. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.405. Л.8
20. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.370. Л.21
21. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.303. Лл.53-60
22. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.370. Л.41
23. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.384. Л.26
24. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.377. Лл.1,2
25. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-462. Оп.1. Д.1146. Л.36
26. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.147. Лл.98, 146
27. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.155. Л.62
28. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-462. Оп.1. Д.1020. Л.77
29. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.423. Л.1
30. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.303. Лл.4-6
31. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.206. Лл.8-9
32. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.422. Лл.1-6
33. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.399. Л.2
34. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.409. Л.74
35. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.Р-420. Оп.1. Д.427. Л.3
36. Дело фонда Л-48. Л.2

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОБОЛЬСКОЙ ОКРУЖНОЙ
ПЕРЕПИСНОЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И
ПРОВЕДЕНИЮ ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ
НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г.
ПО МАТЕРИАЛАМ ГБУТО ГА В Г. ТОБОЛЬСКЕ**

Н. В. Журавлева

Россия, г. Тобольск, Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

Публикация посвящена истории организации Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. на территории Тобольска и Тобольского округа, знакомит с этапами организации работы, персоналиями участников процесса, представляет анализ фондовых источников, имеющих по данной теме в ГБУТО ГА в г. Тобольске, и их значение как исторического, краеведческого и генеалогического источника.

Ключевые слова: Первая Всероссийская перепись населения, Тобольская окружная переписная комиссия.

**ACTIVITIES OF THE TOBOLSK DISTRICT CENSUS
COMMISSION ON THE ORGANIZATION AND CONDUCT OF
THE FIRST ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS OF 1897
BASED ON THE MATERIALS OF THE GUTO GA IN
TOBOLSK**

The publication is devoted to the history of the organization of the First All-Russian Population Census of 1897 on the territory of Tobolsk and the Tobolsk district, introduces the stages of the organization of work, the personalities of the participants in the process, presents an analysis of the stock sources available on this topic in the GBUTO GA in Tobolsk, and their significance as a historical, local history and genealogical source.

Keywords: The First All-Russian Population Census, Tobolsk District Census Commission.

Материалы фонда Губернского статистического комитета (Ф. И-417) Государственного архива в г. Тобольске, содержащие переписные листы Первой Всероссийской переписи 1897 г., являются одним из наиболее востребованных источников для большого круга исследователей. обстоятельный историографический обзор трудов, выполненных в результате обращения к документам данного фонда, представлен Е. А. Брюхановой в монографии «Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в архивах России и ближнего зарубежья». Автор моно-

графии называет многообразие исследовательских тем и направлений, документальной базой для которых служат материалы фонда И-417: от исторических и генеалогических исследований до социологических, демографических и историко-филологических [1, с. 26–33].

Ряд исследований также посвящен процессу организации дела переписи в отдельных регионах. Так С. С. Воропаева в статье «Формирование и состав переписных комиссий Тобольской губернии при подготовке к Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года» сообщает краткий обзор деятельности Тобольской Губернской переписной комиссии [2, с. 25–30].

Специальных исследований, посвященных процессу организации переписи в Тобольском округе, пока не проводилось. Тем не менее, материалы фондов «Тобольская окружная переписная комиссия по проведению Первой всеобщей переписи населения (1896–1898 гг.)» (Ф. И-571) и «Тобольская губернская переписная комиссия по проведению Первой всеобщей переписи населения (1895–1897 гг.)» (Ф. И-477) позволяют рассказать об истории организации первой Всероссийской переписи населения 1897 г. на территории Тобольска и Тобольского округа, познакомиться с этапами организации работы, персоналиями участников процесса.

В соответствии с «Положением о Первой всеобщей переписи населения Российской империи» [3, лл. 21–28], в Тобольской губернии для руководства делом переписи были созданы Губернская и окружные переписные комиссии.

Действия Тобольской окружной переписной комиссии были открыты 5 октября 1896 г. Первое заседание комиссии состоялось в присутствии командированного из Петербурга уполномоченного для объединения действий местных учреждений по Первой Всероссийской переписи статского советника А. В. Дубровского, его помощника губернского агронома Н. Л. Скалозубова. В состав окружной комиссии вошли следующие лица: Председатель Тобольского окружного по крестьянским делам Присутствия Иван Васильевич Рождественский, помощник окружного исправника Михаил Федорович Удольский, за воинского начальника капитан Павел Петрович Серебренников, полицмейстер Александр Афанасьевич Каверзин, исполняющий должность податного инспектора Эдмунд Болеславович Ягмин и тобольский городской голова Владимир Васильевич Жарников. Делопроезводство было возложено на Э. Б. Ягмина [4, лл. 3–3об.].

В архивном фонде сохранились письма-приглашения на заседания комиссии, из которых можно узнать информацию о местах проведения заседаний Тобольской городской комиссии: 1. Квартира Председателя комиссии И. В. Рождественского в доме Желтовского, по Почтамской улице, близ 2-й городской части [5, л. 184], 2. Помещение окружного по крестьянским делам Присутствия (дом Бардзиловского, против фотографии Уссаковского на сенном Базаре) [6, л. 1–1об.].

Всего состоялось 15 заседаний Окружной комиссии: в 1896 г. – 9 и в 1897 г. – 6. Благодаря информации, содержащейся в журналах заседаний, действия комиссии прослеживаются пошагово.

Комиссии предстояло провести значительный объем работ по подготовке переписи. Первое, что было необходимо сделать – это разделить территорию города и округа на счетные участки. Проект распределения города Тобольска и Тобольского округа на переписные участки был подготовлен к 11 октября 1896 г. [4, лл.

100–92об.]. Город был поделен на 2, а округ – на 9 переписных участков.

Следующей задачей комиссии было оповещение населения о предстоящей Переписи. Это было особенно важно в связи с тем, что Главной переписной комиссией было принято решение о запрещении публикаций, посвященных порядку проведения Переписи, в средствах массовой информации, как в Губернских Ведомостях и других официальных изданиях, так и в местных частных изданиях. Циркуляр Главной переписной комиссии от 26 октября 1896 г., направленный Губернатору, разъяснял причины подобного решения следующим образом: «принимая во внимание, что таковые сообщения и обсуждения, вообще едва ли могут принести пользу, в случаях их ошибочности, односторонности и даже неясности изложения, в особенности же при неосторожном обращении с печатным словом, могут не только нарушить правильный и спокойный ход переписной операции, но и вызвать недоразумения и создать местным переписным органам затруднения в исполнении их обязанностей, – я признаю безусловно необходимым не допускать в печати таковых сообщений и обсуждений, впредь до окончания на местах всей переписной операции, т. е. до 1 февраля 1897 г.» [7, л. 52].

Для целей информирования населения 17 октября 1896 г. председателем Комиссии в Волостные Правления и Инородные Управления были направлены экземпляры брошюр «Первая всеобщая перепись» с предписанием Волостным правлениям и Инородным Управлениям объявить эти книжки населению *«внушая оному полную уверенность в том, что предстоящая Первая всеобщая перепись производится по Высочайшему Его Императорского Величества повелению и что она не имеет кроме точного учета числа населения никаких других целей и производится она отнюдь не для установления каких-либо новых налогов или повинностей, а также и дарования каких-либо льгот, или для изменения поземельного устройства, и будет касаться не одних крестьян, а всех сословий, даже иностранцев, почему всякое опрашиваемое лицо обязано давать правдивые ответы на вопросы, как бы самому Государю Императору, ибо эти ответы послужат только на пользу населения»* [5, лл. 89–90об.].

Этим же письмом Комиссия обязала в недельный срок составить и представить именные списки по каждому селению: 1) Как домовых, так и бездомовых крестьян всех категорий, то есть старожилов, ссыльных, поселенческих и солдатских детей и т. п., приписанных к каждому селению, включая отсутствующих, с обозначением общей цифрой живых членов их семей, мужской и женский род особ, причем имеющие дома должны идти в порядке номеров усадеб по планам, а бездомовые стоять особо, следом за тем, у которых они живут... 2) всех причисленных к известной деревне или селу, но в них не проживающих в составе целых семей крестьян, хотя бы они имели забитые или отданные в наймы дома или избы, 3) всех расположенных в черте их селений частных владельцев или арендаторов [5, лл. 89–90об.].

Следующая задача, которую нужно было решить – назначить заведующих переписными участками. На основании циркуляра Главной переписной комиссии от 19 октября 1896 г. [7, л. 44] к исполнению обязанностей заведующими участками могли привлекаться не только Земские начальники, подведомственные Министерству Внутренних дел, но и, по согласованию с профильными министерствами,

чиновники, подведомственные Министерству финансов, Просвещения; мировые судьи, подведомственные Министерству Юстиции; чиновники корпуса лесничих, подведомственные Министерству Земледелия и Государственных имуществ, а в случае недостатка должностных лиц могли приглашаться и частные лица, знакомые с местными условиями.

Предварительный список заведующих участками был утвержден на заседании 11 октября 1896 г. Каждому кандидату 31 октября было направлено письмо следующего содержания: «...*Окружная переписная комиссия постановила возложить на Вас заведывание участком, просим Вас в самом непродолжительном времени сообщить комиссии согласны ли Вы... (в случае согласия, – Н.Ж.) Вы можете приступить к подбору пригодных по Вашему усмотрению счетчиков (счетные участки в городах составляют около 150 квартир или до 750 жителей, а в сельской местности около 400 хозяйств или до 2000 жителей). Затем Вы приступите к подготовке счетчиков к исполнению возлагающихся... на них обязанностей...*

На расходы по переписным участкам в безотчетное распоряжение заведующих определено 75 руб. и на вознаграждение счетчиков расходы, сопряженные с исполнением их обязанностей не более в городах 7 руб., а в округах – по 12 руб., бланки же переписных листов, инструкции, общие перечневые ведомости, свидетельства о личности счетчиков и канцелярские принадлежности будут высланы Вам своевременно [5, лл. 91–92об.].

В начале ноября, в результате полученных ответов от лиц, согласившихся взять на себя заведывание переписными участками, этот список был согласован. Заведующими участками в г. Тобольске стали: 1-м – Васильевский Владимир Петрович, учитель Тобольского Духовного училища; 2-м – Судницин Александр Никонорович, преподаватель Тобольской духовной семинарии; в Тобольском округе: 1-м – Дунин-Горкавич Александр Александрович, лесничий; 2-м – Накоряков Никандр Дмитриевич, земский заседатель IV участка Тобольского округа; 3-м – Бобылев Иван Яковлевич, земский заседатель; 4-м – Дьяконов Алексей Митрофанович, чиновник по крестьянским делам; 5-м – Желтовский Михаил Григорьевич, земский заседатель; 6-м – Юрасов Александр Иванович, чиновник Тобольского губернского управления; 7-м – Пирожников Григорий Александрович, земский заседатель; 8-м – Арефьев Петр Васильевич, лесничий; 9-м – Успенский Петр Павлович, сельский врач Тобольского округа.

20 ноября 1896 г. на заседании Комиссии заведующих участками ознакомили с возлагаемыми на них обязанностями. Также на заседании были рассмотрены сведения, доставленные заведующими и Волостными правлениями о счетных участках, фамилиях счетчиков и кандидатов к ним [5, л. 184].

Не везде сбор первичных сведений о населении произошел гладко. Не получив достаточных разъяснений со стороны волостных начальников, с какой целью запрашиваются списки жителей, от дачи требуемых сведений отказались жители юрт Сеитовских Турбинского сельского общества Карачинской волости, о чем Турбинским сельским старостой Бетевым и Карачинским волостным старшиной Бизиным были составлены соответствующие акты [8, л. 173–174].

Жители юрт Бегитинских Вагайской волости не допустили не только счетчи-

ков, но и заведующего участком Лесничего Арефьева до действий по переписи, о чем земским начальником Пирожниковым были составлены протоколы. В юртах Эскалбинских, по сообщению заведующего 4-м переписным участком Дьяконова, жители не допускали счетчиков до переписи, и местный мулла не только не боролся против этого, но напротив подстрекал инородцев не переписываться [9, л. 8 об.].

Данные обстоятельства потребовали от заведующих участками активных действий. Выехав на место, заведующий 5-м переписным участком Степанов выяснил, что инородцы юрт Сеитовых отказались дать о себе сведения, так как боялись, что: 1) после переписи их заставят отбывать воинскую повинность, 2) жалованье счетчику 12 руб. в месяц будет за их счет, 3) их будто бы хотят обратить в крестьян.

Для помощи при объяснении целей переписи Степанов пригласил муллу юрт В. Бехтерских Абдулу Баширова. При его содействии не без труда удалось убедить инородцев в неосновательности их подозрений и после этого, в присутствии сельского старосты Турбинского общества, им были составлены именной список и пробный переписной лист на два хозяйства [10, лл. 172–173, с. 25–30].

Об успешно преодоленных недоразумениях свидетельствует то, что по всем трем вышеназванным населенным пунктам переписные листы сохранились в фонде Тобольского архива [11].

Учитывая опыт негативной реакции на информацию о необходимости заполнения графы переписного листа о воинской повинности 25 ноября 1896 г. Тобольской Губернской Переписной Комиссией были направлены инструкции в Окружные Переписные Комиссии под грифом «конфиденциально»: *«В предупреждение каких бы то ни было недоразумений при производстве переписи... прошу заблаговременно распорядиться и принять меры к неукоснительному руководству и исполнению, чтобы счетчики при производстве переписи татар отнюдь не предлагали вопросов об отношении к воинской повинности и оставляли бы поэтому соответствующую графу переписных листов без заполнения»* [10, л. 50].

Заведующему 5-м переписным участком Степанову довелось также столкнуться с такой неожиданной проблемой: планируя объехать группу юрт «Заболотных» бывшей Эскалбинской Инородной волости, он узнал, что жители со всех юрт Заболотных «находятся в отсутствии на несколько дней в Тюменском округе на свадьбе какого-то татарина» [10, лл. 172–173], почему и сократил свою поездку по переписному участку.

На заседании Комиссии от 9 декабря 1896 г. рассматривались проекты разделения переписных участков на счетные и обсуждались вопросы о необходимом количестве счетчиков [10, л. 61].

Нужно отметить, что заведующие участками к данному вопросу подошли очень внимательно, учитывая малейшие нюансы. Так, во втором городском участке решено было прибавить двух счетчиков ввиду ожидаемого в конце января – начале февраля наплыва населения на постоянных дворах, расположенных за Абрамовским мостом, в 4-м и 7-м счетных участках по случаю проезда на Ирбитскую ярмарку и обратно. В 1-м и 2-м окружных участках было прибавлено по 2 счетчика на каждый ввиду огромности расстояний и большого числа мелких поселков и

юрт, состоящих из трех-четырёх хозяйств. По 1 счетчику прибавлено в 7-м и 9-м участках, в 7-м – по причине огромности расстояний и в 9-м из-за того, что на его третий счетный участок приходилось более 3000 душ в 15 разбросанных селениях. В «Ведомости о числе счетчиков», представленной в Губернскую переписную комиссию, значилось 88 счетчиков, которые распределялись по переписным участкам следующим образом: в 1-м городском – 9, во 2-м городском – 11 платных, 2 бесплатных, в окружных: 1-м – 6, 2-м – 7, 3-м – 9, 4-м – 6, 5-м – 9, 6-м – 8, 7-м – 10, 8-м – 5, 9-м – 5 платных, 1 бесплатный [4, лл. 60–61].

С целью оптимизации процесса объезда территорий участков по каждой волости волостными правлениями были подготовлены и представлены в Переписную Комиссию маршрутные листы. В архивном фонде И-571 сохранились Маршрутные листы по Ашлыкской, Куларовской, Загваздинской, Абалакской и Аdbaжской волостям [5, лл. 192–200].

С этой же целью приставами I, II и III частей г. Тобольска в Тобольскую Переписную Комиссию направлены списки домовладельцев и схематические планы улиц [5, лл. 180, 181, 182].

Заведующие счетными участками проявляли личную заинтересованность и инициативу как в совершенствовании маршрутов, так и в сроках начала подготовки к переписи. Так, например, временно исполнявший обязанности заведующего V переписным участком Степанов предложил *«перечислить д. Ушакову в 4-й счетный участок из 3-го, а дер. Темную из 3-го в 4-й, так как таким образом счетные участки будут более округлены»* [10, лл. 172–173].

А заведующий 1-м окружным участком А. А. Дунин-Горкавич сообщал в Переписную Комиссию: *«Принимая во внимание, что почтовое сообщение между Тобольском и Сургутом крайне неудовлетворительно, а дело переписи важное, не терпящее никаких отлагательств..., я, не ожидая уведомления о согласии на мои предложения, сего же 10 числа отправляюсь в Самаровскую волость для организации производства переписи»* [4, лл. 79–80].

Серьезным этапом работы для заведующих участками стала подготовка счетчиков. С целью ознакомления лиц, занятых в процессе переписи, правительством было издано несколько методических пособий: брошюра «Первая всеобщая перепись» на русском и татарском языках [10, лл. 80–85об.], «Инструкция уездным и городским переписным комиссиям» [5, лл. 59–60об.], «Наставление городским счетчикам» [5, лл. 140–151об.], «Наставление сельским счетчикам» [3, лл. 29–44], «Инструкция Заведующим переписными участками в городах» [3, лл. 48–51].

В обязанности счетчиков, в соответствии с «Наставлениями», входило не только заполнение вопросных бланков (переписных листов), но и осуществление предварительного подсчета населения с помощью специальных бланков, – обложек и ведомостей для подсчета населения по счетным участкам, т. е. проведение первичного статистического подсчета. Порядок заполнения был следующим: сначала счетчик заполнял переписные листы, в том числе титульные страницы, где необходимо было заполнить статистическую таблицу по наличному, оседлому и приписному населению каждого хозяйства, затем статистические данные переносились в аналогичную таблицу обложки, а сами переписные листы по всем хозяйствам помещались в эту обложку. Следующим шагом было внесение данных

из обложек в ведомость для подсчета населения по вверенному счетному участку.

В распоряжении заведующих участками было 168 счетчиков. По роду своих занятий они распределялись следующим образом: 32 земледельца, 26 письмоводителей и переписчиков бумаг, 21 волостных писарей и их помощников, 19 чиновников и преподавателей разных учебных заведений, 16 псаломщиков, 11 сельских и почтовых писарей, 8 сельских и церковно-приходских учителей, 6 священников, 6 окончивших курс в Духовной семинарии и Гимназии, 4 лесных объездчика, 3 диакона, 3 фельдшера, 2 частные учителя, 2 торговца, 1 землевладелец, 1 адвокат, 1 вольноопределяющийся, 1 офицер, 1 частный чертежник, 1 акушерка, 1 вахтер казенно-инородческого хлебозапасного магазина, 1 портниха и 1 частный лесничий [9, л. 1–1об.].

В декабре 1896 г. счетчикам был выданы: свидетельства личности, нагрудные знаки, портфели, чернильницы [4, л. 76], предоставлялся бесплатный проезд. Счетчикам необходимо было раздать переписные листы на своих счетных участках и 28 января 1897 г. собрать их заполненными. Так как доля неграмотного населения была достаточно большой, то составление переписных листов в большей степени падало на плечи счетчиков. Согласно отчету Председателя Тобольской окружной переписной комиссии Рождественского, в среднем счетчики обходили в день не более 25–30 квартир в городе и дворов в селении, и от 15 до 35 дворов в городе. Большая часть городских счетчиков могли уделять для переписи только послеобеденное время с 5 до 9 часов вечера, успевали в эти четыре часа зарегистрировать в среднем не более 15 квартир, а так как более 2/3 квартирохозяев оказались неграмотными или малограмотными то, чтобы успеть к 28 января пришлось употреблять еще час или полтора по утрам и, кроме того, 3 дня, с 8 часов утра до 8 часов вечера работать непрерывно. Предварительная раздача листов в городе заняла 1½ суток. Проверка заполненных самими домохозяевами листов заняла столько времени, сколько потребовалось бы самому счетчику переписать [9, л. 6].

В большинстве случаев население относилось к счетчикам внимательно и предупредительно, освобождая к приходу счетчика стол для письма и покрывая его чистой скатертью. Были случаи, когда, ошибившись в чем-либо при своих показаниях счетчику, жители татарских деревень разыскивали счетчика по юртам, чтобы исправить «соглан» (ошибку), чтобы, как они поясняли, этот «соглан не пошел к Белому царю» [9, л. 7 об., 9 об.].

В переписных участках с большим количеством татарского населения работа счетчиков была осложнена тем, что в домах сибирских татар не было столов или были столики на низких ножках, и счетчику приходилось писать на нарах при свете чувалов, что сказывалось на качестве заполнения переписных листов [9, л. 11].

У многих счетчиков возникали вопросы по заполнению бланков. Например, как показывать главное занятие у тех лиц, которые, практически ничем не занимаются, например, богатый крестьянин сам не занимающийся земледелием и имеющий работников, больной крестьянин и т. д. Некоторые счетчики, понимая буквально графу занятий писали: *«два года лежит на одре болезни и ничем не занимается»* или *«несколько лет ходил на рыбные промыслы на реке Оби, но от этого благосостояние его не улучшилось, так как заработанные деньги он пропи-*

вает», «ничем не занимается, так как все работы производят у него работники или жена» [9, л. 14 об.]).

И если в момент подготовки отчета Председатель переписной комиссии отмечал эти случаи как недостаток, то сегодня эти сведения – бесценные дополнительные документальные свидетельства о жизни того или иного человека.

Об окончании работ по проведению переписи в Тобольскую Окружную Переписную Комиссию первым сообщил заведующий 1-м переписным участком в г. Тобольске непосредственно 28 января 1897 г.: «Считаю долгом уведомить Окружную Переписную Комиссию, что счетчики вверенного мне переписного района 28 января находились в своих участках с раннего утра, делали обход дворов для отбирания переписных листов не прерывая без всяких затруднений и окончили свои работы к 4 часам вечера. В этот день я объехал свой участок два раза и проверял действия счетчиков. Сведения о числе лиц, переписанных счетчиками, сообщу в самом непродолжительном времени» [8, л. 4].

После 28 января 1897 г. начался следующий объемный этап работы – подготовка вторых (чистовых) экземпляров переписных листов, доставка их в Тобольск, подведение итогов, награждение принимавших участие в переписи и оказавших содействие делу переписи лиц.

Оперативнее всего был выполнен запрос Главной переписной комиссии о наречиях – вопросные листы о наречиях заполнены заведующими и отосланы в центральный статистический комитет 10 февраля – 18 апреля 1897 г. [9, л. 2].

Письмом Главной Переписной комиссии от 30 января 1897 г. было сообщено поручение Министра внутренних дел «в видах скорейшего приведения в известность всех лиц, принимавших участие в производившейся переписи населения, заведующими переписными участками не позже 5 февраля с.г. должны быть составлены списки всех счетчиков, действующих и запасных на бланке общей перечневой ведомости. О каждом счетчике должны быть помещены сведения, обозначенные во всех графах ведомости или переписного листа, причем следует обозначить платный или бесплатный счетчик, при бесплатных должно быть обозначено число переписанных им лиц...» [8, л. 1–1 об.].

Списки всех счетчиков, составленные Тобольской окружной переписной комиссией, сохранились в фондах тобольского архива, являются прекрасным биографическим источником. Из данного списка можно назвать несколько счетчиков-рекордсменов: Бармин Василий Иванович, отставной канцелярский служитель переписал 3000 человек, Поникаровский Леонид Ильич, отставной канцелярский служитель – 2300, Мартынов Иван Петрович, крестьянин – 2094, Бурундуков Парфен Филиппович, крестьянин – 2000, Любимов Иван Александрович, псаломщик – 2000, Сысолов Семен Степанович псаломщик – 2000. По 2000 человек значится ещё у 10 счетчиков [12, л. 15 об. – 35 об.].

Согласно сведениям, представленным заведующими участками, был подготовлен также сводный список счетчиков, которым следует увеличить вознаграждение сверх нормы. Формулировки для обоснования дополнительной оплаты счетчикам таковы: «в виду разбросанности населения в участках и принятия обязанностей составления второго экземпляра переписных листов», «в виду того, что эти счетные участки по количеству жителей несравненно более остальных и по

разбросанности этих участков более чем на 20 верст», «ввиду разбросанности селений на 120 верст и как человека знакомого с татарским населением и знающего татарский язык», «ввиду переписи 16 заболотных юрт, расположенных на протяжении 200 верст, почему перепись была сопряжена с большею затруднительностью», «ввиду того, что все счетные участки в пределах 6-го переписного участка содержат более 400 хозяйств каждый, счетчику же Бармину за обход инородческих селений, сделанный им с особенным старанием», «ввиду сложной и утомительной ежедневной в течение 3х недель 12-часовой работы счетчиков и того, что при разъездах они потратили не менее 12 руб. каждый, т.е. всю норму вознаграждения, причем районы работ каждого счетчика были не менее 80 верст в диаметре». Лишь для 1-го и 2-го городских участков и 4-го окружного переписного участка было отмечено, что увеличения вознаграждения не требуется [13, л. 246–247об.].

Письмом 18 сентября 1897 г. Центральный Статистический комитет уведомил Губернскую Переписную Комиссию, что со стороны комитета не встречается препятствий к выдаче дополнительного вознаграждения счетчикам в размере 208 руб. [14, л. 1].

Многие лица, за участие в Первой Всероссийской переписи были награждены бронзовыми медалями. 8 темнобронзовых медалей (с № 24377 по № 24384) за труды по Первой всеобщей переписи населения 1897 г. были пожалованы членам Тобольской Окружной Переписной Комиссии [15, л. 188].

В октябре 1897 г. от Центрального Статистического комитета были получены 63 темнобронзовые медали (с № 73684 по № 73746) для раздачи бесплатным счетчикам [16, л. 1].

Разные лица оказывали делу переписи активное содействие. Так, в Тобольске приставы составили списки домовладельцев и квартирантов, проживающих в пределах той или иной части, представляли в распоряжение заведующих участками стражников, сопровождавших счетчиков, а при переписи населения ночлежного дома заведующего участком и председателя комиссии сопровождал полицмейстер. Председатель Тобольской окружной комиссии отмечал, что особое внимание к делу переписи оказал пристав второй части Богоявленский, ранее всех доставивший списки, объехавший лично все дома, как накануне переписи, с целью убедиться везде ли имеются переписные листы, так и по окончании переписи все ли листы отображены счетчиком, причем действительно разыскал и доставил заведующему несколько переписных листов, или забытых счетчиками, или от лиц, переехавших на другие квартиры в день переписи, а также давал лошадей для проезда счетчиков в Хуторское и Подчувашинское предместья [9, л. 8].

Содействие переписи оказывалось со стороны должностных лиц волостного и сельского управления, выразившееся в сопровождении счетчика при обходах дворов и домов, расположенных в черте крестьянских селений и на землях сельских обществ, в созывании сельских сходов, доставлении сведений о семьях отсутствующих в полном их составе, в отыскании занятых жильем строений. За помощь в проведении переписи в инородческих волостях было решено отметить муллу А. Баширова, кандидата Головы Нагайской инородной волости А. Ишметова и кандидата головы Бухарской инородной управы А. Шамухаметова. 15

ноября 1897 г. поступили 3 темнобронзовые медали (с № 88417 по № 88420) для раздачи по Тобольскому округу лицам, оказавшим особую пользу делу Первой всеобщей переписи населения 1897 г. [16, л. 14].

В январе (12 и 14) 1898 г. получены ответы от заведующего 6-м переписным участком с сообщениями о получении медалей муллою Башировым [16, л. 41], Аптулой Ишмаматовым и Абтуллою Шамухаматовым [16, л. 39].

Беловой переписной материал был представлен в Губернскую Переписную Комиссию 24 марта 1897 г. – позже назначенного правилами срока (14 марта) в связи с задержкой получения переписных листов по 7-му переписному участку (только 22 марта), а исправления по замечаниям, сделанным Окружной комиссией по рассмотрению переписных листов (черновые), были представлены в Окружную комиссию 5 апреля. Вторые экземпляры переписных листов (черновые) были представлены в окружную комиссию одновременно с первыми (беловыми) экземплярами и разосланы в Волостные правления и к чиновнику по крестьянским делам 2-го участка Тобольского округа, для извлечения сведений по особым формам посемейных списков, 10 и 12 апреля. Возвращены же в Комиссию эти вторые экземпляры: Чиновником 2-го участка 29 октября, Карагайским волостным инородным управлением 17 ноября, Бухарским волостным инородным управлением 23 ноября [9, л. 2 об.].

Если обработанные материалы по двум городским участкам были направлены в Губернскую Переписную Комиссию к апрелю 1897 г., то по округу лишь к декабрю 1897 г. с сопроводительным письмом от 1 декабря: *«Во исполнение предложения от 22 сентября с.г. за № 536 Окружная Переписная Комиссия имеет честь при сем препроводить в Губернскую Переписную Комиссию тринадцать тюков со вторыми экземплярами переписных листов 9-ти переписных участков Тобольского округа при копии ведомости подсчета населения по округу с приложением к ней переписных листов на деревни Шулаш Бухарской волости, в которой перепись производилась Тарскою окружной переписной комиссией, и сообщить, 1) что недостающие переписные листы в количестве 28 штук, подробно поименованные в прилагаемой при сем ведомости будут представлены по получении таковых от Волостных и Инородных Управлений, которым о представлении предписано 27 сего ноября за № 585-390, 2) что экземпляры переписных листов по 2му переписному участку г. Тобольска представлены в Губернскую переписную комиссию 12 апреля с.г. за № 448»* [15, лл. 16–16об.].

Причиной длительной обработки материалов являлось в том числе и то, что вторые экземпляры переписных листов были почти все составлены теми же счетчиками безвозмездно, с учетом их занятости по основным местам службы, лишь иногда ввиду спешности некоторыми счетчиками нанимались посторонние писцы за плату [9, л. 6].

Подводя итоги и анализируя процесс организации дела переписи и заведующие участками, и Председатель Окружной переписной комиссии высказывались с полной уверенностью, что данное мероприятие станет традиционным, поэтому особенно ответственно разбирали все ситуации так или иначе мешавшие делу переписи.

Так, с одной стороны отмечалось, что участие в переписи чиновников по кре-

стьянским делам, близко стоящих к крестьянскому населению и знающих жителей, а также лесничих, знакомых с населением по своему служебному положению, способствовало делу переписи. С другой стороны, по мнению одного из заведующих участком, лесничие часто по роду службы вступают в конфликты с населением, поэтому могли вызывать недоверие.

На основе полученного опыта, был сделан вывод, что для Сибири общероссийские нормы по распределению счетных участков: для заведующего участком от 15 до 30 тыс. человек, для счетчиков 750 в городе и 2000 в деревне, велики и на будущее их предлагалось пересмотреть: для заведующих не более 10000, для счетчиков не более 500 человек [9, лл. 3–3об.].

Из отчета заведующего 3-м окружным переписным участком земского заседателя И. Я. Бобылева, узнаем, что во время производства работ счетчиками по переписи он объезжал лично их участки, наблюдал за ходом работ и давал им необходимые указания, и в общей сложности проехал 2324 версты [15, лл. 3–9об.].

Ряд организационных проблем выявили и в городских переписных участках. Оказалось, что равномерное распределение переписных и счетных участков было крайне затруднено тем, что в списке домохозяев, высланном Городской Управой был пропущен 331 порядковый номер домохозяйств (это объясняется тем, что дома ниже 15 руб., не подлежавшие налогу в пользу города, не вошли в списки), а в плане (1879 г.) города не оказалось нескольких улиц: Вальной, Курганской, Тюменской, Мокрой и Мало-Андреевской и, наоборот, улицы, нанесенные на план, не показаны в списке: Волоховская, Ротная, Солдатская, Малая-Болотная, Струнинская, Почтовая, Почтамтская и Малая Солдатская, что объясняется тем, что Городская Управа руководствуется планом 1839 года, против которого действительное положение дел изменилось [9, лл. 5–5об.].

По списку населенных мест округа, высланному Губернской Переписной Комиссией значилось 107919 человек обоего пола, которые и разделены были на 60 счетчиков, в среднем около 1800 душ на каждого, но переписано было 116408 человек, что показало несоответствие представленных списков действительности [9, л. 5об.].

Особенно встревожило Окружную комиссию сообщение заведующего делопроизводством Н. И. Степанова, о том, что при переписи был пропущен целый населенный пункт – юрты Тонковолошные. В справке, предоставленной исправником, значилось, что юрты Тонковолошные называвшиеся еще Носкинскими, состояли в заведывании Земского Заседателя 1 участка, как принадлежащие к группе Заболотных юрт и находились в 15 верстах от юрт Карбинских и Уткинских. При рассмотрении карты Тобольского округа и согласно утверждению г. Степанова, что юрты Тонковолошные не есть юрты Носкинские, и в перепись не вошли, Земский Заседатель 1 участка М. Г. Желтовский выехал на место и из словесного объяснения его выяснилось, что юрты Тонковолошные образовались из выселившихся лет 40 назад инородцев юрт Носкинских, находятся в районе Уватской волости, в 10 верстах от д. Новой и действительно не переписывались. После выяснения обстоятельств происшествия, юрты были переписаны М. Г. Желтовским [17, лл. 35–35об.].

Согласно сохранившемуся в фондах архива делу в Тонковолошных юртах

проживали 9 семей (всего 41 человек). Из них крестьян государственных – 8, бухарцев – 5, оседлых инородцев – 27, крестьян из ссыльных – 1. Основным занятием всех семей названо земледелие, а побочным или вспомогательным занятием у мужчин являлось рыболовство, а у женщин – вязание сетей. Родным языком татарский [18].

После выявления данного обстоятельства, последовало следующее решение Окружной Переписной Комиссии от 28 марта 1897 г.: *«ввиду возможных пропусков при переписи населенных мест в других переписных участках затребовать от господ заведующих участками список населенных мест и именные списки домохозяев для сличения»* [17, л. 37об.]. По сохранившимся документам подобных случаев больше не выявлено.

Стремясь учесть все возможные недоработки, Председатель Тобольской Окружной Переписной Комиссии уделил внимание в своем отчете и критическим замечаниям в адрес портфелей, выданным счетчиками. Они оказались совершенно неудобными, как равные по длине с переписными листами, сложенными вдвойне, и по ширине могущие вместить в себя не более 500 листов. Потому портфели эти совсем не использовались, заменяясь двумя досками с продернутыми в них с четырех сторон веревками. Кроме того, они были сделаны из низшего сорта клеенки, которая трескалась и ломалась на морозе, почему, по мнению Тобольской окружной переписной комиссии гораздо практичнее было бы делать портфели из парусины или коломянки и большего размера [9, лл. боб. – 7].

Не ставя целью дать исчерпывающий обзор документов фонда, тем не менее, обратим внимание на небольшой их ряд, как представляющий интерес для поиска биографических и краеведческих сведений. На наш взгляд для краеведов города могут оказаться полезными следующие источники: «Проект распределения города Тобольска и Тобольского округа на переписные участки составленный согласно журнала Тобольской Окружной Комиссии от 11 октября 1896 г.» [5, л. 100], «Список казенных, городских и общественных зданий г. Тобольска, значащихся на плане 1879 г.» [5, лл. 125–125об.], «Распределение г. Тобольска на 2 переписных участка (перечень улиц с количеством домов)» [5, лл. 126–126об.].

Прекрасными биографическими источниками могут послужить упоминавшийся выше «Список счетчиков», а также «Письмо Управляющего государственными имуществами Тобольской губернии Тобольскому губернатору от 12 сентября 1896 г.» со списком чиновников лесного ведомства [7, л. 31–33] и др.

Подводя итог, необходимо отметить, что деятельность Тобольской окружной переписной комиссии, безусловно, послужила на пользу общему делу Первой Всероссийской переписи 1897 г. Результаты работы, в том числе и Тобольской Окружной переписной комиссии, зримо представлен материалами Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., хранящимися в фонде И-417 «Губернский статистический комитет» Государственного архива в Тобольске. Переписные листы насчитывают 4175 дел (Оп. 2), из них: по г. Тобольску и Тобольскому уезду – 731 дело, г. Ишиму и Ишимскому уезду – 642 дела, г. Кургану и Курганскому уезду – 557 дел, г. Таре и Тарскому уезду – 595 дел, г. Туринску и Туринскому уезду – 284 дела, г. Тюкалинску и Тюкалинскому уезду – 460 дел, г. Тюмени и Тюменскому уезду – 385 дел, г. Ялуторовску и Ялуторовскому уезду – 521 дело.

Исследователи истории Первой переписи отмечают уникальность сохранности такого большого количества дел. По данному показателю Тобольский архив находится на первом месте. Для примера: по Киевской губернии сохранилось 2957, по Херсонской губернии – 2746, по Ярославской губернии – 1192 дела [1, с. 102].

Обладая таким фондом документов хорошей сохранности и высокой репрезентативности переписного материала, Тобольский архив провел значительную работу по повышению его доступности для исследователей. Все переписные листы оцифрованы и доступны для удаленной работы, кроме того, переписные листы городов включены в информационные системы с возможностью автоматического поиска по названию населенных пунктов и фамилиям.

Список источников и литературы

1. Брюханова Е. А. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в архивах России и ближнего зарубежья. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2019.
2. Воропаева С. С. Формирование и состав переписных комиссий Тобольской губернии при подготовке к Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6. С. 25–30.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-477. Оп. 1. Д. 3.
4. Там же. Ф. И-477. Оп. 1. Д. 10.
5. Там же. Ф. И-571. Оп. 1. Д. 2.
6. Там же. Ф. И-477. Оп. 1. Д. 8.
7. Там же. Ф. И-477. Оп. 1. Д. 1.
8. Там же. Ф. И-571. Оп. 1. Д. 9.
9. Там же. Ф. И-571. Оп. 1. Д. 5.
10. Там же. Ф. И-571. Оп. 1. Д. 3.
11. Там же. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 589, 379, 434.
12. Там же. Ф. И-571. Оп. 1. Д. 1.
13. Там же. Ф. И-571. Оп. 1. Д. 4.
14. Там же. Ф. И-571. Оп. 1. Д. 15.
15. Там же. Ф. И-571. Оп. 1. Д. 8.
16. Там же. Ф. И-571. Оп. 1. Д. 17.
17. Там же. Ф. И-571. Оп. 1. Д. 6.
18. Там же. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 724.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ЛЕОНИДОВИЧА КОНЬКОВА

О. А. Юзеева

*Россия, г. Тобольск, Государственное бюджетное учреждение
Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»*

Статья подготовлена ко дню 80-летия (13 мая 2021 года) замечательного краеведа, уникального исследователя, строгого преподавателя исторического факультета Тобольского педагогического института, за 30 лет работы (1980–2010 гг.) вырастившего и направившего в науку целую плеяду замечательных историков Николая Леонидовича Конькова.

В статье использованы рукописные материалы лекций для студентов исторического факультета Тобольского государственного педагогического института имени Д. И. Менделеева из его личного фонда Р-1917, которые в 2015 г. были переданы на хранение в ГБУТО ГА в г. Тобольске его ученицей и коллегой Людмилой Николаевной Сусловой.

Ключевые слова: Н.Л. Коньков, преподаватель, архив, фонд, материалы лекций, рукописи, авторский курс лекций.

IN MEMORY OF NIKOLAI LEONIDOVICH KONKOV

The article was prepared for the day of the 80th anniversary (May 13, 2021) of a wonderful local historian, a unique researcher, a strict teacher of the historical faculty of the Tobolsk Pedagogical Institute for 30 years of work (1980–2010) growing and directing the galaxy of wonderful historians Nikolai Leonidovich Konkov.

The article uses handwritten materials of lectures for students of the historical faculty of the Tobolsk State Pedagogical Institute named after D. I. Mendeleev from his personal fund R-1917, which in 2015 were transferred for storage in State Archive in Tobolsk by his student and colleague Lyudmila Nikolaevna Suslova.

Keywords: N.L. Konkov, lecturer, archive, fund, lecture materials, manuscripts, copyright lectures.

В 2021 году могло бы исполниться 80 лет замечательному краеведу, уникальному исследователю, строгому преподавателю исторического факультета Тобольского педагогического института, в течение 30 лет работы (1980–2010 гг.) вырастившему и направившему в науку целую плеяду замечательных историков, Николаю Леонидовичу Конькову.

Н. Л. Коньков – уроженец Вологодской области, выпускник аспирантуры МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук, с августа 1980 г. – старший преподаватель, с октября 1982 г. – доцент кафедры истории Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева.

Вся научная деятельность Николая Леонидовича связана с исследованием ар-

живных источников. Часто, замечая упущенные ранее стороны документа, он делал массу открытий. Наиболее популярны выявленные им 14 ранее неизвестных автографов Ломоносова, опубликованные в Вестнике МГУ в 1978 г. С приездом в Тобольск он начинает активно работать в Тобольском архиве. Круг его научных интересов здесь весьма обширен: управление, социальный строй, метрология, нумизматика, торговля, известные личности. Благодаря многолетнему изучению документов Тобольского архива Николай Леонидович хорошо знал архивные фонды и обработанный материал использовал в творческих работах, особенно на краеведческие темы. Изданные им труды уже стали библиографической редкостью, а часть собранного им материала так и не была опубликована.

Таким образом, неслучайным является и создание личного архивного фонда историка, автора книг и статей по вопросам краеведения Сибири и Тобольска, кандидата исторических наук Николая Леонидовича Конькова. В 2015 г. в ГБУТО ГА в г. Тобольске его ученицей и коллегой Людмилой Николаевной Суловой переданы на хранение документы в личный фонд Р-1917. Фонд содержит, прежде всего, рукописные материалы лекций для студентов исторического факультета Тобольского государственного педагогического института имени Д. И. Менделеева, которые завораживали влюбленных в науку будущих историков. Почерк Николая Леонидовича, представляет собой четкие печатные буквы с элементами (петельками и увеличенными вертикальными линиями) напоминающими образ скорописи XIX в.

В личный фонд Николая Леонидовича приняты на хранение 49 дел, содержащих материалы для подготовки разных лекций по истории России IX–XIX вв. Темы лекций являются классическими для преподаваемых Н. Л. Коньковым курсов:

- «Восточные славяне в древности (происхождение и ранняя история славянства)» – незабываемая первая пара первого курса. Материал начинается с версий о происхождении славян, о первых письменных упоминаниях, о археологических находках, о хозяйствовании и верованиях [1];

- «Образование Древнерусского государства IX–X вв.». Значительную часть материалов составляет историография вопроса. Представлена тема с разных ракурсов и знакомит с новыми, даже самыми смелыми историческими предположениями, их подтверждением или опровержением известными фактами и источниками [2];

- «Культура XIII–XV вв.» и вспоминается рассказ Николая Леонидовича о том, что на экзамене от студентов можно услышать об «очень долгой жизни» А. Рублева с XII по XV вв. А в материалах описаны условия, в которых формировалась культура, даны характеристики направлениям, обозначены значительные фигуры и представлена историография вопроса [3];

- «Новгород и Новгородская земля (X–XV вв.)». Начинается материал записью сообщения Радио России о том, что 16 июня 1997 г. в Новгороде была открыта 776 берестяная грамота. Следующая цитата о Иване III принадлежит Карлу Марксу. Далее после историографии сообщение о том, что к концу 1998 г. в Новгороде выявлена уже 900-я грамота. А для студентов самое яркое воспоминание о Новгородской земле – это борьба с замерзающей ручкой в читальном зале после лекции,

пока пишешь конспект Янина «Я послал тебе бересту...» [4];

- «Соборное Уложение 1649 г.» – тщательно проанализированное на семинарах было любимым билетом на экзамене. Начинается лекция сведениями о применении смертной казни, описано положение кабальных людей, их борьба, охарактеризовано законодательство до Уложения, рассмотрены особенности содержания и его значение [5];

- «Формирование крепостного права в России (Начальный этап официального закрепощения крестьян)». В лекционных материалах рассматриваются причины (8 теорий) и предпосылки закрепощения, а также его механизм и хронология процесса [6].

В составе лекций по «ВИДам» (Вспомогательным историческим дисциплинам): лекция «Русская хронология (таблицы)». Она представляет собой практическое руководство для определения даты Пасхи. Для ее определения достаточно найти круг луны и Вруцелето и по имеющейся таблице определить дату. Так, буква Вруцелето для 2022 г. – «Д», круг луны – 6 – по таблице получается 11 апреля по старому стилю [7].

Интересна форма лекций, составленная Николаем Леонидовичем – это выдержки из монографий, цитаты исследователей, на листах разного формата и качества, которые уложены в логически и тематически выстроенную схему, но при этом раскрывающую разные версии, источники и подходы в изучении отдельных событий.

Этот полноценный авторский курс лекций является историческим переосмыслением и углублением научных знаний, сродни научному исследованию по каждой теме. Таков был подход Николая Леонидовича к преподаванию – неформальный, глубинный, осознанный, позволяющий каждому интересующемуся получить ответы на свои вопросы и узнать больше, чем в рамках традиционного курса.

Более всего приятно то, что в читальном зале архива (после окончания ремонта) любой может познакомиться с этими бесценными материалами, содержащими его уникальный подход к преподаванию – знакомить со сложными темами и неоднозначными фактами через личный пример и побуждение к поиску.

Весьма значимыми единицами хранения личного фонда Николая Леонидовича являются черновые варианты макетов книг Н. Л. Конькова «Иван Николаевич Юшков» (рукопись) и «Свидетели минувших лет: Тобольские места памяти» (рукопись).

Материал о И. Н. Юшкове опубликован в журнале «Лукич» [13]. По тому, как составлена и оформлена рукопись видно бережное отношение исследователя к историческому источнику (нужно отметить, что Николай Леонидович поступал так всегда и учил этому своих студентов) – выделен заголовок, четко обозначена ссылка на архив, фонд, опись, дело и листы. При подготовке книги привлечены дела церковных, управленческих, статистических, финансовых архивных фондов. Содержание отражает в хронологическом порядке деятельность журналиста, краеведа, основателя Тобольского музея от фамильного древа начала рода до сведений о его потомках. Основная часть книги посвящена издательской и культурно-просветительской деятельности И. Н. Юшкова [89].

Открытием в этой публикации можно назвать дату рождения И. Н. Юшкова, так как до этой публикации она оставалась невыясненной, а год спорным. Н. Л. Коньков выявил запись о рождении И. Н. Юшкова в метрической книге Богоявленской церкви г. Тобольска от 30 августа 1830 г. Также важным фактом является выясненное Николаем Леонидовичем время переселения в Тобольскую губернию семьи Юшковых, ранее считавшейся старожилами. Интересны также приведенные статистические данные И. Н. Юшкова о переписи населения Тобольска 1872 г., по которой в городе Тобольске проживало 17427 человек.

Рукопись «Свидетели минувших лет: Тобольские места памяти» опубликована в 2014 г. А.Г. Елфимовым в серии «Библиотека Альманаха Тобольск и вся Сибирь» в сборнике «20 лет вместе» с комментарием от издателя: «Рукопись, фрагмент которой печатается здесь, издательский отдел получил уже после смерти ученого, оставившего для потомков немало интересных исследований...».

В Альманахе опубликовано 24 печатных страницы текста, в принятой на хранение в архив рукописи 171 лист. Авторский текст издан не полностью, материал о Благовещенском (Александровском) сквере [9. Л. 138–161], Фруктовом саде Труханова [10. Л. 161–164] и приложения, подобранные Н.Л. Коньковым и позволяющие более глубоко раскрыть тему находятся в деле Ф. Р-1917. Оп. 1. Д. 17 «Черновой вариант макета книги «Свидетели минувших лет: Тобольские места памяти»».

В ГБУТО ГА в г. Тобольске в архивном фонде Р-402 есть еще одно дело о Николае Леонидовиче, недоступное для просмотра посетителям архива – это личное дело исследователя Н. Л. Конькова. Дело содержит ежегодные анкеты для регистрации и бланки заказов на получение дел для просмотра с 1993 г. [11]. В его личном деле 759 листов. 750 из них заказы на выдачу. В комнате временного хранения читального зала было традиционное место для сменяющих друг друга дел, заказанных к просмотру Николаем Леонидовичем. И это место практически никогда не пустовало.

К поиску интересных документов Николай Леонидович подходил с азартом исследователя, он скрупулёзно и методично изучал описи фондов, заказывал дела и внимательно их читал. Так, например, изучая дело «Купчие крепости на дома в г. Тобольске. Планы отвода земельных участков. Купчие крепости 1730, 1736, 1739, 1757 гг.» [12, с. 23, 24] им был обнаружен очень интересный по формату документ – это свиток 1683 г. Конечно, в деле он расправлен и вшит в соответствии с форматом других документов, но по характерным линиям сгибов определен Николаем Леонидовичем как лист писчего материала, сматываемый для хранения в рулон, на котором писали поперёк его длины. Свиток представляет собой купчую на имение и других документов такого формата в ГБУТО ГА в г. Тобольске более не выявлено. И такие находки происходили очень часто. Много осталось в рукописях Николая Леонидовича, а чем-то он просто делился с архивистами, которые тщательно фиксировали обнаруженное им и, конечно, впоследствии использовали в работе и продолжают использовать. В 2000-х гг. Николай Леонидович давал авторитетные консультации в одном из важных и сравнительно новом для Тобольского архива направлении работы по определению дел для выявления и перевода их в категории «Особо ценных» и «Уникальных», что обозначает их более значимый

статус и выделяет их из общего состава архивных документов на обособленный режим хранения.

С окончанием исторического факультета каждый выпускник с трепетом вспоминает лекции Николая Леонидовича, на которых он щедро делился со студентами своими знаниями и старался, прежде всего, заинтересовать, побудить к поиску, к вопросам и личному пути в науке через пробуждение интереса узнать о происхождении своей фамилии, желая найти редкую, рекомендованную им, книгу, стремление прочесть скорописью написанный документ. И, конечно, практически девизом можно считать его фразу: «Можно не знать все, главное – знать, где поискать...».

Список источников и литературы

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1917. Оп.1 Д. 47.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1917. Оп. 1. Д. 48.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1917. Оп. 1. Д. 29.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1917. Оп. 1. Д. 49.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1917. Оп. 1. Д. 23.
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1917. Оп. 1. Д. 50.
7. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1917. Оп. 1. Д. 46.
8. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1917. Оп. 1. Д. 16.
9. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1917. Оп. 1. Д. 17. Л.138–161.
10. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1917. Оп. 1. Д. 17. Л. 161–164.
11. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 1691.
12. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-361. Оп. 1. Д. 16. Л. 23, 24.
13. Коньков Н. Л. Иван Николаевич Юшков // Лукич. Тюмень. 2003. Часть 2. С. 54–95.

Рис. 1. Фото. Завальное кладбище в г. Тобольске. Могила Н. Л. Конькова

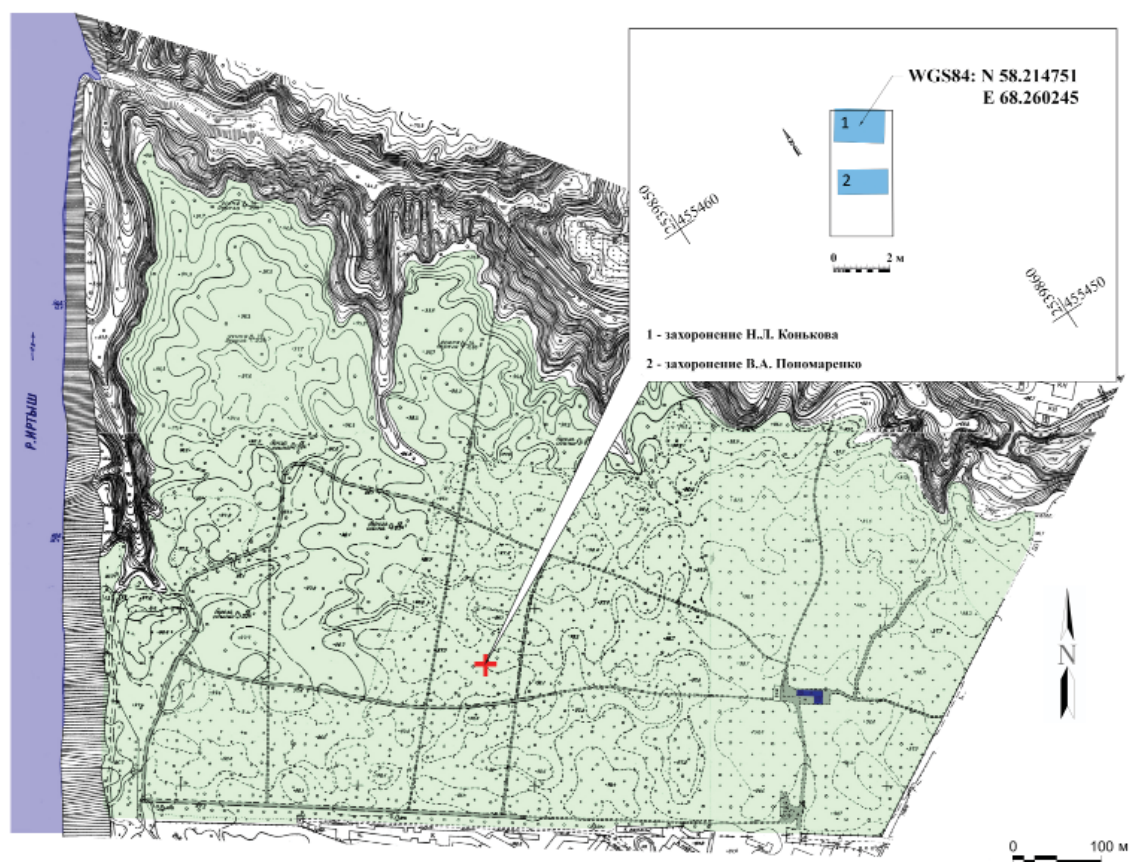

Рис. 2. Топоплан Завального кладбища с расположением места могилы Н.Л. Конькова

Сокращения

АН СССР – Академия наук СССР
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
ГАТО – Государственный архив Томской области.
ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске».
ГНКИ – Государственный научно-контрольный институт
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ЗАО – закрытое акционерное общество
МАУК – муниципальное автономное учреждение культуры
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии РАН
КЛ – календарная лексика
КФУ – Казанский федеральный университет
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ООО – общество с ограниченной ответственностью
ПМ – полевые материалы
РА – Российская археология
РГАДА – Российский Государственный архив древних актов (г. Москва).
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
СА – Советская археология
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СШ – северная широта
СЭ – Советская этнография
ТГПИ им. Д. И. Менделеева – Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт
ТГУ – Томский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

Для заметок

Научное издание

**Сибирский сборник
Выпуск 7**

Рекомендовано к изданию решением
Объединенного ученого совета УрО РАН
по гуманитарным наукам
и Уральским отделением РАН

Под редакцией
Тычинских З.А.
Компьютерная верстка
Е. Шестакова

ISBN 978-5-7691-2557-7

Подписано в печать . Формат
Бумага . Уч.-изд. л. . Усл. печ. л. .
Тираж 300. Заказ .

Отпечатано в типографии: ООО «ИПЦ «Экспресс»,
625048, г.Тюмень, ул.Минская д 3г, корп.3
Тел.: 8(3452) 55-58-47, 26-66-82, 26-68-40.